

Мастер Грѣз

Наталия Богомоллова

Мастер Грёз

«Автор»

2026

Богомолова Н.

Мастер Грёз / Н. Богомолова — «Автор», 2026

Говорят, в Королевстве Лив появился Мастер Грёз. Таинственный незнакомец в золотой маске, которого видели то на поле брани, то в театре графа Корнели, то у постели больных детей. Он приходит беззвучно и исчезает бесследно, оставляя после себя лишь ощущение чуда. Никто не знает его имени, никто не видел его лица. Однажды он навещается в келью послушницы Схоластики. Она бежит от мира, но прошлое не отпускает её: по ночам её терзают кошмары. Мастер Грёз прогоняет тьму и становится её тайным собеседником. В его обществе она забывает о горечи, а он дарит ей то, чего она давно была лишена — покой и надежду. Но чем дольше длятся их встречи, тем сильнее Схоластику мучает вопрос: зачем загадочный чародей из снов приходит именно к ней? Что скрывает его маска? И какую цену придётся заплатить за эти сладкие мгновения?

Содержание

В келье	5
Сказка о Мастере Грѣз	9
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Наталия Богомолова

Мастер Грёз

В келье

Над женским монастырем Сан-Джаннетто опустилась волшебная снежная ночь. Весь монастырский сад был залит молочным сиянием луны и усыпан мягким снегом, поблескивающим под светом масляных фонарей на цепях. Колыхая приоткрытые ставни окон, выходящих из келий, холодный ветер тихо бродил по всему монастырю и саду, проходил мимо мраморных часовен, колодца, заросшего папоротниками, мимо алтарей храма с остатками жжёных листьев, благовоний и капель пролитого на камень освещенного вина, мимо пустых аркад и залов для богослужений – ныне тихих, слабо благоухающих ладаном и веющих святостью, с застывшим в тишине эхом давно завершённых духовных песнопений. Истомленные служительницы Сан-Джаннетто провожали ночь в своих тесных монастырских покоях, прилежащих к главному храму, и, готовясь ко сну, уже, должно быть, снимали свои чёрные вуали, заканчивали свои молитвы и задували свечи: повсюду в окнах один за другим гасли огни. Лишь в одном окне ещё горел свет. В келье, примостившийся на самом верху одной из башен монастыря, ещё горело в светильнике масло, тускло светя скромное убранство монахини. От ветра, заглядывающего в келью через ставни, огонь света дрогнул, едва не потухнув. Хозяйке, сидящей за столом склонившись над свитком и толстым фолиантом священных писаний, выведенных древним языком, пришлось встать, прикрыть ставни и укрепить фитиль. Когда она подошла к окну, она увидела, что на часах соседней башни уже пробило полночь. Весь город, от которого из своего окна она видела лишь кусочек, стоял погруженный в сон и облаченный в ночные тени.

Известный монастырь Сан-Джаннетто находился в городе королевства Лив – Чарманто, который, как и подобает старинному городу, был изукрашен готическими каменными замками, древними церквями и богат самыми разными легендами. Среди мощёных улочек, зачарованных цокотом лошадей, везущих кареты, среди площадей, домов с причудливыми фасадами, обряженными фресками и скульптурами, уютных таверн и замков благородных графов в Чарманто витал незримый, таинственный дух чудес. Поговаривали, когда-то сей город был сложен, камень за камнем, святыми волшебниками древности. Этим святым возведено было множество соборов, а в храмах их лики теснили лики всевышних богов, самых почитаемых во всех трёх королевствах. То ли они служили самим богам, то ли ангелам, то ли были наравне с духами природы, но в Чарманто, да и во всём королевстве Лив, их знали как первых магов-чудотворцев, чьими чарами и был сотворён этот город, выложенный камнем, тёмным кирпичом и припорошенный снегом. Времена шли, и народ всё меньше принимал на веру эти идущие из уст уста сказания, однако именно они своими золочёными нитями ткали манящее полотно города. В переулках Чарманто тут и там прятались кукольные лавки с их витринами, заполненными нарядными деревянными марионетками, которые, как поговаривали кукольники, воистину могли оживать от произнесенных ими заклинаний, и особые «чародейские» лавки, заманивающие проходимцев, как правила, наивных крестьян и крестьянских детей, набором разнообразных зелий, талисманов, а также замысловатых магических предметов. Некоторые из содержателей этих лавок на самом деле были лишь алхимиками, а некоторые – действительно обладали тайными знаниями в магии и зачастую, оставаясь скрытными, выдавали себя за ничем не примечательных лавочников, коих в городе насчитывалось бесчисленное множество, в том числе и привычных лавок ремесленников и торговцев, предлагающих всё от свежеевыпеченного хлеба до сластей и ароматных пряностей, привезённых караванщиками из чуждадных земель.

Помимо этого, всё королевство по большей степени славилось иным, а именно – театральным искусством. Площади и ярмарки Чарманто в особенности озвончались развесёлыми свистоплясками бродячих актёров и скоморохов, выступали труппы комедиантов, чьи лица скрывали карнавальные маски, и помимо этого по всем площадям лилась музыка бардов, вскоре перекочевавших в таверны, звучали лютни, флейты, лиры, мандолины, барабаны, шутовские бубенчики, и даже показывали свои представления уличные фокусники. Почти каждый день на улицах ставились эти незамысловатые спектакли, привлекающие всех проходивших горожан, и только ночью, в последних лучах заката, все шатры закрывались, скрипящие, громоздкие повозки бродячих актёров, начиненные котомками пёстрых нарядов и музыкальными инструментами и в основном запряженные осликами, также нередко участвующими в разыгрываемых комедиях, уезжали во тьму улиц, лишь слабо подсвеченных фонарями. Только тогда на площадях, где весь день были шуточные танцы, играла музыка, сопровождаемая хохотом, взрывами разноцветных хлопушек и рукоплесканиями, водворялась полная тишина. Когда перевалило за полночь, в поцелованном льдом воздухе засверкали крохотные снежинки и начался легкий ночной снегопад. Морозные вывески лавок поскрипывали на ветру, снег покрывал следы на вымостке переходящих улиц, позёвывали приоткрытые дверцы дворов. Город дремал, укутавшись снежным покровом и бледным лунным туманом, и пока только дым клубился из дымоходов, сон его под бесконечным звёздным небом был сладостен и спокоен.

Предаваясь истоме, хозяйка кельи, в которой всё ещё горел свет, наблюдала за медленным снегопадом из своего окна. Затем она опустила истомленный взгляд ниже, на монастырский сад. По тропам, ведущим к часовне и обсаженным можжевельником и маленькими ёлочками с пушистыми ветвями, растеклась беловатая дымка. Отражая чистую благодать ночного неба, тонкий ковёр снега, покрывающий зелень поздних посевов, мерцал неземным ангельским сиянием. Чуть поодаль, за кованой калиткой, виднелась сторожка: в ней ещё тоже горел огонь. Едва часы пробили полночь, привратник передал свой пост другому. В его ножнах был меч, в его руках – подсвечник: всё было как и положено, всё было в порядке, удостоверилась хозяйка кельи, после чего, вздохнув, вновь вернулась к своей книге. Она села на жесткую деревянную табуретку за свой простенький деревянный стол и принялась читать.

То была ещё не монахиня, а лишь послушница, ещё не давшая монашеского обета, но уже покаявшаяся в соблюдении благочестия и отречении от мирского. Как и все, она носила шелковый чёрный подрясник и черную вуаль. Как и у всех, её келья была обставлена на монастырский лад и в ней было холодной и тихо. Тусклый свет масляного светильника аккуратно ложился на толстую книгу священных писаний, от этого света в келью затягивал полумрак, дарующий всей мебели смутную тень на голых стенах. Чёрная вуаль послушницы покрывала её лицо, сосредоточенное от письма. Её тонкая бледная рука, держащая обмакнутое в чернила гусиное перо, писала на чистом свитке текст, переведённый с древнего языка на нынешний. Перед её глазами лежал толстый многостраничный фолиант, отданный настоятельницей для задания. Другой тонкой бледной рукой послушница перелистывала пожелтевшие хрустящие страницы книги и, вчитываясь, переводила божественные писания, хранившиеся в библиотеке храма Сан-Джаннетто уже невесть сколько веков. Возрождая тексты древности, послушница отзывалась от своего сердца облик сущего века, и хотя от этого её глаза всё больше слипались, ей было необходимо это тяжелое отвлечение, и она предавалась ему покорно, почти бесстрастно.

Ночь за монотонной письменной работой лежала на ней словно душное одеяло. Когда буквы и руны уже стали мельтешить перед глазами, она позволила себе вновь отложить перо, всего на минутку. В эту минутку она подошла к своей постели, нагнулась и исподволь, не зная зачем оглядываясь, достала из-под кровати свой секрет. Маленький глиняный кувшин с потаённым в нём вином – совершенно неосвященным, а обыкновенным вишнёвым вином, тайно добытым из винодельни и тайно запрятанным под кроватью в келье. Послушница откупорила кувшин и одним изящным взмахом, так, что ни единой капли не упало, отхлебнула прямо

из горла, после чего вытерла губы рукавом монашеского одеяния. Тепло с ароматом кислой вишни растеклось по груди. Ещё немного пригубив, послушница спрятала кувшин снова под кровать и должна была вернуться к священным писаниям, но спустя всего лишь пару мгновений вино уже слегка разморило её и без того утомленный дух, а полночный сумрак уже так обволок её келью, что очертания мебели уже терялись перед её взором. Тем не менее она встала и медленно подошла к столу.

Но вдруг тусклый огонёк в светильнике задуло ветром, будто бы кто-то подул из окна. В келье стало ещё сумрачнее. Лишь лунный свет еле-еле проникал внутрь кельи, и в этом бледном ночном свете, от ветра страницы фолианта перелистнулись сами собой. Послушница застыла. Страницы перелистнулись ещё раз, и ещё раз. Хотя ветер уже давно стих.

Кое-как в темноте нащупав спички, послушница достала из короба одну спичку и зажгла её перед фитилём – но что-то снова её задуло. Она пробовала ещё раз и ещё раз, но каждая её попытка оканчивалась неудачей. Ей попросту не давали зажечь огня. Тогда она оставила любые попытки. Подозрительно оглядев свою келью, она закрыла фолиант и, медленно подойдя к кровати, присела на её край. Тени еле-еле двигались на дощатом полу, исподтишка ползая по её келье. Тишина стояла гробовая. В этой тишине, где слышишь даже как падает снег за окном, можно было лишь раствориться: позволить сну окутать тебя и сберечь. Но в её случае сон обещал быть не благословением, а проклятием. Одинаково кошмарным было и то, что преследовало её наяву, и то, что являлось к ней в сновидениях. Она не знала, куда деться. Оперевшись на стену у изголовья, она безвольно замерла. Тише, скоро пройдёт, – мысленно утешала она себя. Она стояла, положив руки на пояс и заклиная себя: всё пройдёт, скоро всё пройдет, пережди. Но чем больше она себя увещевала, тем гуще становился мрак вокруг неё, тем меньше хоть какого-либо света проникало в её келью и тем сильнее она чувствовала присутствие возле себя *того*, кого не должно было быть здесь, в этом мире.

Но *он* уже явился. Вместе с дуновением холодного ветра он крадучись пробрался к ней через ставни, как туман, и растекаясь по полу перед кроватью, зашелестев шёпотами и заскрипев старыми деревянными досками. В полусне он явился ей, его иссохший призрак в рваных, болтающихся на нём как на скелете лохмотьях, дышащий на неё ледяной сыростью гробницы. Сколь она ни смыкала глаз, они остались широко распахнутыми, и не в силах пошевелиться, даже не в силах подать голоса, она видела, как он смотрел на неё из тьмы бездонными глазами, полными страдания. Она лишь стиснула зубы и застыла, глядя на него в ответ. Разлагающееся худощавое тело во мгле могильного тлена приблизилось к её побледневшему лицу, и из глубин смерти послышался его протяжный, скрежещущий зов.

Милая Холли... милая... Холли...

Его костлявые когти занесли над ней и сбросили с неё вуаль. Почти задыхаясь, послушница осталась неподвижна, шепча дрожащими губами: «Боги...», пока тлетворный призрачный сумрак обволакивал её, просачиваясь в недра, леденя и царапая грудь. Она всё-таки не смогла его видеть и наконец зажмурилась что есть мочи, дабы хотя бы один его облик прогнать с глаз долой. Осталось выдержать совсем немного, – вновь твердила она себе. Скоро он уйдёт, рассвет прогонит его прочь.

Неожиданно из тьмы откуда ни возьмись кто-то протянул руку, одетую в белую перчатку. Рука легла на костлявое плечо призрака, и тело мертвеца встрепенулось. Косточки затряслись, затянулись трещинами и, словно песок, вдруг стали рассыпаться. Его обтянутые лохмотьями останки растворились во тьме кельи. Послушница, приоткрыв глаза и прищурившись, видела, как тело рассыпалось мириадами песчинок в лунном свете, бесследно исчезнув из её покоев, и как в тени чуть поодаль появился уже иной облик. Облик того, чьё прикосновение изгнало призрака в один лишь злополучный миг. Облик того, о ком она ещё не ведала.

Выйдя из тени, мягкой невесомой поступью он шагнул ей навстречу, ступив под бледный лунный луч. Сначала блеснула его золотая маска. Карнавальная маска, слитая из золота, почти

скрыла всё его лицо. Это был человек, мужчина, и чем ближе он подходил к послушнице, растерянно застывшей стоя у стены, тем больше она могла разглядеть его в полутьме. Незвестный силуэт носил широкую мантию, похожую на мантию фокусника, из-под которой выглядывал колет тёмного шоколадного цвета с бриллиантовыми пуговицами, бархатные шталоны с чулками, туфли, которые, казалось, даже не касались земли. На голове – обшитый фетром цилиндр, из-под которого ниспадали светлые, сияющие подобно медовому сиропу локоны. Из прорезей золотой маски на послушницу смотрели его необыкновенные глаза. Это был благородный, тёплый взгляд, тем не менее с запрытанными глубоко в себе секретамн. Она видела, как мужчина утешающе улыбунулся ей и протянул руку, одетую в белую перчатку. Ту самую руку, которая лишь недавно легла на плечо мертвеца, превратив его в песок, и изгнала его. И он произнёс ласково, голосом нежнее шёлка:

– Вы испугались, синьорина? Не бойтесь...

Но только его рука потянулась к ней, как она отшатнулась, как от пламени, и в темноте попятившись, громко ударилась о прикроватную тумбочку. От удара картина с ликом святого божества, висевшая над её кроватью, упала со стены и разбилась. Послушница схватилась за ушибленное место. Глаза из прорезей золотой маски с сожалением взглянули на неё, но мужчина лишь уважительно отпрянул, снова вернувшись к тени. В коридоре уже слышались множественные шаги. В тот момент, когда шаги прекратились и дверь кельи почти отворилась со стороны коридора, мужчина прошептал:

– Спите спокойно, синьорина.

И стоило послушнице отвлечься на открывающуюся дверь, как повернувшись – она уже не увидела его. Его силуэт бесследно растворился в свете луны, а в келью тем временем уже вбежали две обеспокоенные монахини в ночных сорочках и с подсвечниками в руках.

– Сестра Схоластика, сестра! Что случилось? Вы упали? Мы слышали грохот!

Схоластика, едва оправясь от переживаний, медленно поднялась, ковыляя отошла от стены и, придя в себя после кошмара, обернулась к сестрам.

– Кажется, – тихо сказала она, – я только что видела Мастера Грёз.

Сказка о Мастере Грѣз

На укрытой снегом ярмарочной площади Чарманто раздаются развеселые звуки музыки. Это место принадлежит уличной сцене: здесь круглый год выступают, разыгрывая народные комедии, бродячие актёры вкупе с аккомпанирующими им бардами, слагающими баллады, и кукольниками, показывающими свои маленькие спектакли для маленьких зрителей. Шелка, бархат, атлас – из тканей разных оттенков состряпаны костюмы раздумавшихся на морозе скоморохов, завораживающих площадь перезвонами своих бубенцов, прикрепленных к шутовским колпакам, и увеселяющих зрителей своими шутками, песнями и плясками. Каждый из творцов занимает свою нишу на этой шумной площади, каждый владеет своим инструментом, но каждый из них убежден, что спектакль – это магический ритуал, который связывает реальность с миром Зазеркалья, и история, сказываемая ими, льётся одной сплошной сладостной рекой и ведаёт одну старую как мир сказку.

Когда-то в древности боги создали большую землю. Оснащая её, они покрывали её ковром трав и цветов, наливали её водами, посылали на неё дыхание ветра. Затем на сцену ступают первые приближенные божествам лики – ангелы, прибывшие с небес по воле богов. Снисходя в священном сиянии, в облачении нежных золотых лилий, они расстилают туман, что струится из их сокровенных курильниц, и везде там, где туман касается земли, вырастают горы, вытекают моря и реки, из пещер пробиваются родниковые воды, благословленные божествами. По мановению ангельских дланей через весь мир растянулись долины холмов, а за ними произросли леса и расцвели дивные рощи. После того, как дела богов касательно обогащения большой земли переняли прислужливые ангелы, дело самих же ангелов продолжили уже иные посланники богов: духи. Они выходят на сцену в нарядах, отливающих зачарованной вышивкой, словно сам замысел природы просочился сквозь тонкие нити: синие и тёмно-зеленые тона ткани перекликались с цветами зимних лесов, а позолоченные узоры напоминали о солнце, спрятавшемся за облаками. Каждый дух овладел своим клочком земли, заняв свою нишу божественной природы. Духи гор следили за тем, чтобы горные вершины были должным образом усыпаны снегами, чтобы были пещеры, они даже потешились даже тем, что придавали каменным глыбам самые причудливые формы. Под покровительством духов находились как звенящие ручьи, пруды и озёра, так и великие моря и океаны; водные духи заботились о том, чтобы на дне вод также процветала жизнь, а обволакивающие воды обладали такой сверкающей чистотой и прохладой, чтобы эта жизнь на глубине была такой же восхитительно лёгкой, как и жизнь в мягких облаках. Духи леса же властвовали деревьями, кустарниками, свежей зеленью и цветущими лугами, они покровительствовали ручьями, текущими в их владениях, цветами, ореховыми деревьями и ягодными полянами, растущими под их лесным кровом, зверьми и даже феями, – крохотными чародейными огоньками, похожих на девиц в лавровых венках, с прилегающим к платьям тонкими крылышками, – и хотя были они всего лишь огоньками сродни светлячкам, жизнь священных рощ и лесов была без них немыслима. Благодаря их кропотливому труду, лесные королевства и по сей день благоухали, цвели, дарили множество плодов и ублажали душу.

Здесь на сцену выходят первые волшебники, известные как святые Лоренцо и Вико. Влача за собой след из ледяного блеска, они появляются на площади в своих мантиях, расшитых серебряными нитями точно из звёздной пыли. Их маски скрывают лица, оставляя пространство только для глаз, светящихся благодатным светом. Первые волшебники возводят города и королевства, и вместе с этим в мир наконец приходят первые люди. И вот они выбегают на сцену кто во что горазд: мужи пляшут под музыку в одеяниях простого люда, бросая колпаки в воздух, щеголяя в замаранных крестьянских сапогах и рубахах на заплатках, а жены

выбегают на сцену одетые в чепцы или тюрбаны, в препоясанных сарафанах с затянутыми корсетами и цветами. С первыми появившимися людьми появляются и первые дома и деревни, занявшие многие ниши духов природы. Вскоре люди учатся приручать овец и лошадей, прежде вольно бродящих по лугам, оснащают выложенные из камня королевства. Не надобно и говорить, что человек привнёс с собою в мир разрушение. Это было закономерно и совершенно неудивительно – по крайней мере, для тех, кто наблюдал за ними свыше. Поэтому, ссылаясь на то, что люди были ещё несведущи и мало понимали, за ними до сих пор приглядывали боги, а также их блаженные ангелы, духи и их тайные прислужники, прячущиеся в неведомых пространствах вокруг людей. Всё, что происходило в этом мире, происходило по воле всевышних владык, – в это люди и верили с самых давних веков, и даже если мир был к ним немилостив, они доверяли тем силам, что позволяли самым разным вещам случаться, и это часто сберегало их от треволнений. Однако и эта благая вера со временем должна была надломиться.

С самого своего сотворения мир был прозрачен, ясен, он без каких-либо искажений отражался в кристально чистых озёрах. Но с тех пор, как появился человек, появились и первые его сомнения касательно безупречности этого мира. В глазах человека мир вокруг определенно не был столь же искусным, сколь его изначально сотворили ангелы, а также мир, видимый одним человеком, казался уже совершенно не тем миром, что созерцал его ближний. То же самое касалось и тех миров, хранившихся глубоко в душах людей: в них никогда не имело место быть безупречности, и чем старше становился человек, тем менее прозрачными и ясными, подобно миру вокруг, становились и их душевные миры и тем рачительнее человек старался уберечь их от искажения, которое могло настичь их в любой момент, будь то по вине самого человека, его ближнего или того, кто незрим, – кто бы это ни был, издревле человек имел обыкновение верить в то, что он также имел кое-какое влияние на его жизнь.

С тех пор как человек научился видеть себя в отражении, ему понадобилось Зазеркалье – иной мир: тайный мир, неведомый ни богам, ни ангелам, ни духам лесов, гор и вод; ведомый одной лишь человеческой душе. Это был мир, видимый и подчас даже осязаемый как в ночных снах, так и сокровенных глубоких мечтаниях, и в мимолётных грёзах, которым предавались, бывало, совершенно бессознательно, но которые в конечном счёте уже могли открыть дверцы для души человеческой во влекущие сновиденческие долины. Возможно, в старину дорога, ведущая к Зазеркалью, имела гораздо более явственный вид, однако с течением времени, пока люди строили новые королевства, заселяли новые долины и холмы, усеивая их хижинами, возвышали дворцы и храмы, осваивали музыку, стихи, танцы, искусство в любом его проявлении, а вместе с тем чародейство, врачевание и алхимию – словом, пока люди становились теми, кто они есть, дорога в зазеркальный мир растворялась точно утренний туман. Неизвестно, да и неважно, кем был тот первый человек, чей дух стал прародителем Зазеркалья. В любом случае, этот зачарованный мир душ, ставший непостижимым, теперь был не больше, чем сказкой, сказываемой детям перед сном. Даровитые чудодеи, песочники, сны, похожие на горные кристаллы, росистые поля мечтаний, где сладостные грёзы цвели подобно диким розам и лиловым верескам, хрустальные замки с их ночными садами, где вечно юные чаровницы исполняли на арфах давно забытую музыку вечности, а подпевали им и пританцовывали, звеня колокольчиками, маленькие феи снов, порхающие с мотыльками в лунном свете, – мир Зазеркалья влёк своими загадками и жителями, но всё ещё располагался слишком далеко от мира яви.

И здесь на сцене появляется Мастер Грёз. На ярмарочной площади раздаются его едва слышимые шаги. Зрители наблюдают, как Мастер, олицетворение тихого волшебства и изящной магии, выходит из своего Зазеркалья под медленно идущий снегопад, пока его красивый тёмный плащ-мантия мягко колышется на ветру. Облик Мастера как жителя сказочной Страны Снов был известен многим с раннего детства: он то и дело присутствовал в разных историях, в коих он, как принято было полагать, промышлял тем, что орудовал людскими сновидениями и как фокусник жонглировал ими, по-доброму забавляясь, а также мастерил из них новые,

совершенные мечты и грёзы. Даже когда он порой без дозволения проникал в сокровенные сновиденческие миры, он никогда не позволял себе быть пренебрежительным и во всех легендах, связанных с собой, представал как милый сердцу кавалер, который мог утешить даже самое несчастное дитя, прельстить своей учтивостью и ласковыми речами любую капризную синьорину и составить приятную компанию даже самому скептичному, чёрствому и хладнокровному синьору. Орудия Мастера: посох с хрустальной головкой, появляющийся из ниоткуда по мановению его руки, сладкоголосая лютня, увитая изысканными золотистыми узорами. На ней он исполнял как убаюкивающие колыбельные для детей, так и пленительные романсы, бардовские песни и целительные мелодии – так называемые колыбельные для души. Поскольку Мастер никогда не снимал своей золотой маски, скрывающей большую часть его лица, никто не мог доподлинно знать, как он на самом деле выглядит. В самых разных сказках его описывали совершенно по-разному, и тем не менее никто не мог усомниться в том, что мужчиной он был, вероятно, невиданной красоты. Но одно дело представлять образ героя в своём воображении и только догадываться, сколь безупречным он мог бы быть, а другое дело – видеть его наяву прямо перед собой.

В эпоху, когда магия, дотоле живущая в единении с человеком, уходила в забвение, повстречать в Мастера Грёз, вдруг пересекшего границу между миром яви и миром снов, было непросто. В нынешний век люди всё меньше принимали на веру необыкновенных вещей и всё чаще больше обращали свой взор к тому, что вокруг: это касалось и сотрясавших королевства войн, и человеческих распрей, и болезней. И в этом мире, забывшим о светлых чарах, только всеобщая вера в чудо, богов и ангелов, коих испокон веков почитали в храмах, оставалось первостепенной и незабвенной.

Вот почему, когда объявился Мастер Грёз, добрый господин из Зазеркалья, его приняли не сразу.

Мечты Никколо

Кто же такой Мастер Грёз?

Первый раз Мастера заметили на самом севере, в заснеженных горных долинах, где уже много лет шла война между разными королевствами: северным королевством Лив, восточными королевствами-островами Фелиция и западным королевством Серена. Все как один одетые в доспехи, солдаты всех сторон отличались лишь тем, что шагали под разными королевскими знамёнами. Под этими знаменами они были вынуждены пробираться через метели по северным краям, околдованным вечной стужей и густыми, пушистыми снегами. Из-за метелей или снежной дымки, столь часто поднимающейся на севере, солдаты порой не то что врага, они и самих себя разглядеть не могли, не говоря уже о том, что в дымчатой ночи каждый второй солдат выглядел в точности как первый.

Тем не менее однажды, во время очередного сражения, проходящего ближе к вечеру на границах Лив и Серены, в пылу схватки, в звоне бьющихся друг о друга клинков, палящих стрел и боевых криков, среди всей однообразной солдатни вдруг мелькнул чей-то неопределенный силуэт. По всему полю боя медленно, спокойно и плавно шагал чей-то облик. Все, кому удавалось разглядеть его в свете горящих факелов, приводили себя в рассудок и думали: «Должно быть, показалось» или предполагали, что это очередное видение; как иллюзия, нередко одурманивающая разум в этих богатых метелями краях. Тем не менее в тот вечер эта иллюзия привиделась всем и сразу, но не все об этом, конечно, поспешили поделиться. Каждый молча воспринял это по-своему. Кому-то она даже показалась духом войны, призраком павшего солдата, одним из ангелов, спустившихся с небес, или самим божественным явлением, ниспосланным на землю, опаленную сражениями. Пока безмолвный силуэт в венце смутного

сияния проходил мимо скрещивающихся мечей, сколько только разнообразных имён ему ни дали, но никто тогда ещё не ведал о том, что этот тайный странник был на самом деле Мастером Грѣз. *Настоящим Мастером Грѣз*. И этот сказочник, известный своими чудотворениями, соизволил появиться именно в краях, морозных от снега и горячих от огня войны.

В ту ночь пятеро солдат, плотно укутанных в плащи, скрепленные на груди бронзовыми фибулами, устало брели по сугробам, ведя за собой за поводья столь же утомленных лошадей. Заснеженные горные долины раскинулись перед солдатами, окутанные тяжелыми облаками, сквозь которые проглядывал лунный свет. Деревья склонили свои ветви под тяжестью снегов, вдоль далёкого ущелья застыли замороженные водопады. Сапоги уже износились, а меха, укрывающие плечи, промокли от снега. Зажженные факелы еле-еле освещали путь, пролегающий по бескрайним горным далям, где вблизи не виднелось даже ни одной пещеры или хотя бы каменного выступа, под навесом которого можно было бы переждать надвигающуюся ночную метель. Снегопад шёл ещё тихо, но ветер завывал с далёких вершин, и по предгорьям уже спустились свободолюбивые вьюги.

В конце концов метель застопорила солдат. Договорившись друг с другом, они решили устроить привал в небольшой низине. Разложили хворост и зажгли костёр, обложив его камнями, сняли с лошадей кожаные сумки и достали оттуда свои чашки и котелки. Один солдат поставил котелок на костёр и наполнил его питьём из фляги, после чего, когда вода вскипятилась, развернул свой свёрток и высыпал в котелок травы, добавил крупы и кусочек масла. Пока ароматный дым от костра мало-помалу согревал солдат и оттаивал снег с их мехов, похлёбка уже сварилась. На пятерых каждому досталось всего несколько ложек, да и на морозном ветру похлёбка быстро остыла и не смогла в полной мере согреть и насытить замёрзших и изголодавшихся солдат. Они запили скудный ужин горьким вином, оставшимся на дне фляжки, и, плотнее укутавшись в снятые с лошадей шубы, уселись ближе к костру. Никто не говорил ни слова. Когда душа замёрзла, заледенели и мысли, и желания, и все молчали, в безмолвии согревая руки у шепчущего, похрустывающего на хворосте пламени.

Каждый из солдат был родом из королевства Лив. Среди них и стар, и млад: двое умудренных стариков Гаспаро и Вьери, обросших седой бородой, и двое младшеньких – юношей Бардо и Розолино, совсем еще безбородых. Каждый солдат был одет лишь в теплый поддоспешник, носил за спиной щиты с украшенными мифической росписью королевскими гербами. Из оружия первые два носили при себе боевые топоры, а вторые – длинные мечи, висящие на их обсыпанных заклепками поясах. Пятого солдата, имевшего при себе только один кинжал с обтянутой кожей рукояткой, звали Никколо. Он был не слишком стар, но в волосах его уже серебрилась благородная седина, а на лице проглядывались морщинки. Какая бы ни завывала метель, сколько бы дней ни пришлось провести на поле брани, он всё молча улыбался, сидя в сторонке и прикрыв глаза. За его неиссякаемую блаженность, подобную священнику, друзья считали его не от мира сего, и было им невдомёк, каким же образом Никколо сохранял в себе это поразительное спокойствие, это умиротворение, когда буквально всё вокруг стремилось только сломить.

Прежде, ещё с молодости Никколо был скрипичным мастером и вместе с тем владел лавкой музыкальных инструментов, но, как и любой зрелый житель Лив, присягнувший королю, с началом войны был принужден уйти на север, облачившись в обмундирование и приняв клинок, который он выбрал для себя крайне маленький. Он совершенно не умел сражаться, он то и дело отсиживался в тени, но любился остальным солдатам за то, что всегда был готов помочь им словом и делом, всегда выслушивал их – что только больше уподобляло его святому отцу, выслушивающим исповедь, – и нередко рассказывал им у костра увлекательные истории. В кулечке у него с собой всегда были кусочки сахара, которыми он всегда делился, и, впрочем, несмотря на то, что всё же он не был старым, остальные солдаты, особенно юные, обращались к нему как к дедушке; как к ласковому, тихому дедушке, которого так не хватало вдали от дома.

Так Никколо и проживал уже столько лет на севере, ни на что ни сетуя, ни о чём ни сожалея, ни о чём ни молясь и мечтая. Ему хватало маленького глоточка супа вприкуску с коркой хлеба и кубика сахара, чтобы после голодной ночи вновь улыбнуться и, уютно пристроившись у костра, прикрыть глаза на малый сон.

Там, где остановились пятеро солдат, уже чувствовалось, что скоро поднимется метель. Как только ветер завыл, Никколо укутался с головой и сел поближе к костру. Из-под мехового воротника виднелись его маленькие сонные глаза в морщинках. Гаспаро, Вьери, Бардо и Розолино ещё доедали свои кушанья, молча и утомленно водя ложками по чашкам, пока метель вокруг них с завыванием поднимала снежную мглу.

Стоило им лишь ненадолго задуматься, погрузившись в свои мысли, как вдруг в этой мгле показался чей-то силуэт и тотчас же отвлёк их, принудив к бдительности. Из непроглядной пелены он шагнул навстречу солдатам, и чем ближе он подходил к костру, тем яснее становились его очертания. Точно паря, непривычно лёгкой поступью он вышел из метели и предстал перед солдатами во всей красе. Сил совсем не осталось даже на то, чтобы из подозрительности схватиться за меч; полные удивления и недоразумения, солдаты лишь замерли, глядя на таинственного незнакомца. На нем была мантия из легчайшего материала, шляпа, из-под которой спускались к плечам его прекрасные локоны согревающего цвета мёда, туфли, которые не оставляли за собою следов, а фигура была такой же хрупкой, как и мотылёк – столь тонка и прозрачна, что вот-вот растворится в лунном свете. Едва он невесомо подступил к костру, его золотая карнавальная маска, обрамляющая его лицо с нежным и загадочным выражением глаз, отразила в себе багровые отсветы пламени, и таинственный незнакомец мягко улыбнулся.

– Ночь холодна и чудна. Но, кажется, вот-вот завоет метель, – проговорил он, и голос его звучал как ручей, струящийся среди зимнего леса. – Добрый вам вечер, достопочтимые синьоры. Позвольте в эту чудную ночь одинокому путнику присоединиться к вашему очагу?

Каким бы изящным ни был слог этого одинокого путника, старший солдат Гаспаро скептически прищурился, оглядывая его. Заприметив золотую маску, шляпу, тот самый неясный силуэт, он сразу вспомнил их недавнюю встречу.

– Это ведь ты? – спросил он. – Тебя мы все видели в бою на границе. Уж не мерещится ли нам всякое в этих горах?

Младший Розолино, ещё похлебывая отвар, поддакивал:

– Ага, я вот слышал, что в горах близ королевства Серена обитают призраки. Они прячутся в горных пещерах и заманивают путников, особенно идущих с войны солдат, в ущелья и там разрывают на части!

– Или придавливают камнями! – добавил Бардо и тут же насторожился.

Но путник по-доброму рассмеялся, развеивая их подозрения:

– О нет, дорогие синьоры. Меньше всего я, пожалуй, похож на призрака гор. Я такой же путник, как и вы.

Грея руки у костра, Вьери нахмурился:

– Пряма-таки ты такой же, как и мы? – хмыкнул он. – Одет ты вон как нарядно, как самый настоящий граф. Вместо доспехов на тебе платье, вместо сапог – чулки да туфли. Меча у тебя нет в ножнах. Шляпа эдакая, поди, из самого фетра! Совсем ты не такой же путник, как и мы. Уж ты-то точно не солдат.

– Вы правы, синьор. В таком случае простите мою невоспитанность и позвольте представиться. – На сей раз он почтительно поклонился всем солдатам, приложив ладонь в белой перчатке к груди. – Мастер Грёз. К вашим услугам.

Все солдаты переглянулись. Их взгляды были полны недоверия и усмешки.

– Мастер Грёз? – переспросил Гаспаро. – Как из сказок?

– Как из сказок, – всё так же мягко улыбаясь, ответил Мастер.

– Ну дела! – рассмеялись в свою очередь Бардо и Розолино.

– Вот уж непонятно, как тебе верить, болтун, – тоже хрипло смеясь, говорил Вьери. – От мороза, может, голову вскружило, что ты себя невесть кем возомнил? – Но всё же он снисходительно махнул рукой. – Ай ладно. Садись уж к нам, раз пришёл. А то метель, право слово, вот-вот разойдется, и сметет тебя, Мастер Грёз, к самому Лив. Только туфли свои всё же смени. В меха вон оберни. Застудишься же.

– Благодарю, добрый синьор. Но мне несколько не холодно.

С этими словами он грациозно присел возле костра. В руках его находился посох с круглым навершием из хрусталя, и он положил его рядом с собой, что сразу же привлекло внимание солдат.

– А что это у тебя, Мастер? – указал пальцем любопытный Бардо.

– Ах, это? Мой славный друг – мой посох. Знаете, он у меня необычный. Самый что ни на есть волшебный. Хотя сам я, право, волшебством не увлекаюсь, но этой дивной палочкой орудовать умею на ура.

– Так что же это, какие-нибудь фокусы-обманки?

– Вовсе нет. Это моё ремесло. – Казалось, этот вопрос даже немного обидел Мастера, однако он не поддался досаде и ответил, сохраняя благодушие: – Хотя вы имеете право называть это так, как вам угодно. Если я стукну посохом по земле, он исполнит любое моё желание. – Встретив критический взгляд Гаспаро, он улыбнулся уже иначе, с появившимся хитрым блеском в глазах. – Не верите? Скажите пожалуйста, синьор, чего бы вы желали?

– Да чего же тут ещё желать? У нас даже крыши над головой нет. Желаю я только укрыться от этой метели, а то весь воротник уже в снегу. Вот бы был хотя бы небольшой шатёр... – прежде отвечая пренебрежительно, без особой надежды, последнее Гаспаро произнёс с тоскливой мечтательностью. Он тяжело вздохнул, даже не домечтав до конца.

Тем временем Мастер Грёз взял в свои руки посох и легонько стукнул им о снежную землю. От одного короткого стука вдруг откуда ни возьмись, из непроглядной мглы метели выпорхнули широкие ткани. Подобно огромным парусам, они раскинулись над ущельем, где сидели солдаты, и накрыли их сверху, став прочным навесом из ткани, похожей на тёмно-синий тюль с проблесками звёзд, словно тонкий слой ночного неба, но который, как ни странно, прекрасно прятал от метели. Из земли выросли столбики, на которые сами по себе прикрепились ткани, и вот спустя пару мгновений все солдаты уже находились под красивейшим и, более того, прочнейшим шатром, даже с ажурными украшениями и бантами, подвязывающими занавеси. Вне себя от удивления, солдаты, запрокинув головы, озирались.

– Что за диво! – восторгался Вьери. – В самом деле – шатёр!

– На фокус не похоже... кажется, и вправду магия.

– Подумать только, а ведь ветер сюда даже не заглядывает. Я даже не слышу, как воет метель снаружи. Правда, это не фокусы!

Розолино, воодушевившись до румянца, повернулся к мастеру.

– Твой посох и вправду волшебный, Мастер? Он исполняет любые желания?

– В эту ночь он исполнит любые ваши желания, дорогой синьор, – только загадочно ответил Мастер, продолжая улыбаться.

– Даже если я захочу чего-нибудь сладкого? – не преминув, мгновенно отозвался Розолино. – Я ночам напролет грежу о сладостях. Вот бы отведать чего-нибудь сладенького!.. хотя бы немного!..

Словно предвкушая и понимая желание юного солдата, Мастер вновь взялся за посох. В следующее мгновение второй такой же лёгкий стук посоха породил капли, ставшие льдом и образовавшиеся в конфетницу из ледяного хрусталя. На ней маняще лежали горы рахат-лукума: сладости из молока, ягод, орехов и карамели были посыпаны белоснежной сахарной пудрой, как сокровища, покрытые снегами. Розолино, с очарованием уставившись на десерт, первый потянулся к конфетнице, немного робко, но с большим влечением. За ним потянулись

и Бардо, и Гаспаро, и Вьери. Каждый взял по одному сочному кусочку. Выражения их лиц сразу же сменилось на блаженствующие. Пока они наслаждались сладостью, их пальцы пачкались в сахарной пудре, глаза самозабвенно закрывались от удовольствия, вкус молока и ягод сладостным веером раскрывался во рту. «Сто лет не ел рахат-лукума!» – приговаривал один, а второй блаженно бормотал себе под нос, слизывая сахарную пудру с пальцев: «А какой он мягкий, так и тает на языке!» И третий, лакомясь с особым чувством, смаковал каждую дольку молча.

– Такую сладость хорошо бы было чем-нибудь запить, например, горячим шоколадом... – пришло на ум Бардо. Он так наслаждался рахат-лукумом, что и запомнил вовсе, что в эту ночь всем желаниям было предрешено быть услышанными Мастером Грёз и приведенными в исполнение.

В тот же миг волшебный посох вновь ударился о землю, и из капель, ставших льдом, вырос огромный хрустальный кофейник. Под его крышкой исходил пар от горячего шоколада. Затем изо льда также выросли великолепные хрустальные кубки. Солдаты уже не дивились этой магии, но встречали её с той же радостью и тем же благоговением. Мастер Грёз услужливо подал каждому из солдат по кубку и наполнил их горячим шоколадом. Солдаты с удовольствием пригубили согревающего напитка. Пока душистый пар исходил от него, тепло со вкусом шоколада растекалось по груди, и грелись руки о кубок, и разогревалась кровь, приливая к щекам.

Последним своё желание озвучил Вьери:

– А я бы хотел, чтоб этот костёр не затухал и грел нас всю ночь, чтобы никакая метель его не задула! Тогда и поспим мы на славу, и завтра уже пойдём дальше, хорошо выспавшись.

– Что ж, да будет пламя танцевать всю ночь, – провозгласил Мастер Грёз и в очередной раз стукнул своим посохом. Тут же огонь стал краше, багровее, горячее. Искры уютно замерцали в нём. Вот теперь ночь для Гаспаро, Вьери, Розолино, Бардо и Никколо обещала быть одной из прекраснейших.

О Никколо, впрочем, Мастер тоже не забыл. Тихий «дедушка Никколо» поныне посиживал в стороне: он только подивился появившемуся шатру, но так и не прикоснулся к рахат-лукуму, так и не отведал горячего шоколада, а костёр должным образом грел его и без волшебства. Так или иначе, Мастер Грёз в последнюю очередь обратился к нему.

– А вы, дорогой синьор? – повернулся он к Никколо. – Вы так ничего и не сказали мне. Разве вы ничего не желаете?

– Ой, спасибо тебе, только мне совсем ничего не надо, – застенчиво посмеиваясь, ответил Никколо.

Друзья в свою очередь с недовольством побранили его:

– Старый ты скромняга, да что ты приbedняешься перед волшебником? Видишь же, он может дать тебе всё, что захочешь, так проси.

– Мне правда ничего не нужно. Уж всё за меня вы попросили, хе-хе, – отшутился Никколо.

– И то верно! – поддержали солдаты и рассмеялись. Настроение их поднялось, душа воспрянула, и улыбаться, смеяться стало проще и вольготнее. Никколо так и не произнёс своего желания; лишь снова укутался в своё одеяние и продолжил с лаской во взгляде присматривать со своими сослуживцами, которые от тепла и сладостей развеселились и уже напрочь забыли, как сильно хотели спать.

Костёр горел всю ночь, всю ночь лились разговоры. Впервые за долгое время солдаты почувствовали домашний уют, даже несмотря на метель. Они ощутили, как зимний мороз отступает по воле самого Мастера Грёз. Ночь, ранее внушавшая волнение, вдруг наполнилась смыслом, и каждый в этом магическом шатре начал чувствовать себя частью чего-то большего, чем просто мгновение – они стали героями сказки, которым всегда благоволит судьба. Вдоволь угостившись рахат-лукумом и шоколадом, солдаты сидели в возле костра, позабыв о

всём том мире, что ждал их снаружи. Каждый делился своими историями, которые они хранили в сердце, и каждого Мастер Грёз внимательно выслушивал, подбадривая и вдохновляя тогда, когда кому-то становилось не по себе или когда кто-то смущался. Внимание и нежность Мастера согревали не хуже, а подчас и лучше любого горячего питья, лучше нетлеющего пламени, чьи красные языки выхватывали из темноты лица – воодушевлённые, изнеженные и радостные. В перерывах между беседами Мастер Грёз доставал свою лютню. Солдаты не видели, откуда он её достал, но всё, что происходило с ними, походило на такой чудесный сон, что они больше не задавали вопросов. Они наслаждались каждым миготом в компании милого волшебника, и с тем же небывалым блаженством насладились они его игрой на лютне. Потрескивание хвороста и звуки старинных баллад, исполняемых на лютне, которая, несомненно, тоже была зачарована древней магией, перемежались с тихими разговорами и смехом, напомним о временах, беспечно проведённых за длинными столами в тавернах. То были славные времена, о которых они давно забыли и о которых они вспомнили только в эту ночь. Когда пришёл Мастер Грёз.

Когда прозвучала последняя песнь – неспешная и убаюкивающая, похожая на колыбельную, – музыкант, увидев сонные лица, отложил лютню. В глубокой ночи сон всё же настал уставших солдат. После всего этого они нуждались в хорошем сладком покое, и кто как не Мастер мог его им устроить. Он разложил меха и позволил солдатам прилечь возле костра. В эту ночь их ждали самые приятные сновидения.

Укутанный в теплое одеяние, Никколо посапывал полусидя. Хотя его глаза были закрыты, на самом деле он не спал. Это было то самое состояние между сном и явью, когда ты ещё не шагнул в сновиденческий мир идей, осязаемый душой, но уже почти покинул привычный тебе, осязаемый кончиками пальцев мир вещей. Никколо никогда не мог окунуться в мир снов с головою, как остальные. Пока Бардо, Розолино, Вьери и Гаспаро крепко дремали, лёжа у огня, он только молча посиживал поодаль от них, умиротворенный, но совершенно бессонный. Мастер Грёз, присматривающий за покоем солдат, непременно это заметил.

– Вы всё никак не спите, синьор, – тихо, не будя солдат, произнёс он, приближаясь к Никколо. – Вам нужно вздремнуть.

Когда он оказался рядом, Никколо приоткрыл глаза и взглянул на него словно сквозь дымку.

– Да уж, – отвечал он Мастеру. – Только мне всё никак не спится.

– И давно с вами так?

От этого вопроса милостивый и благостный Никколо слегка поник.

– Давно... вот уже больше десяти лет. С тех пор, как ушёл на войну, так ни разу и не вздремнул по-хорошему. – Он тяжело вздохнул. Собственный поникший тон потом покорибил его и он постарался привести себя в порядок, вернув на лицо мягкую улыбку и самому вернувшись к смирению. – Вот извини, что жалуюсь. Не только мне худо приходится, нечего и сетовать. Но как же замечательно сидится у огня, вот уж тебе спасибо. А шатёр-то – загляденье. Давно мы так хорошо не ночевали!

Мастер ответил той же улыбкой, но в его голосе, прежде полном нежности, прокралось и сочувствие.

– И в эту ночь вам действительно ничего не хочется? Совсем-совсем?

– Благодаря тебе, эта ночь уже прекрасна. Чего же тут ещё желать?

– Быть может, у вас есть потаенные желания, которые были бы совсем никак не связаны с этой ночью? Наблюдая за вами, я полагаю, вы на самом деле часто пребываете в своих внутренних мирах, далеко отсюда. За вершинами северных гор и даже за гранью звёздного неба. И чем дальше вы от земли, тем больше в вас духа. А любой дух имеет обыкновение обрастать мыслями, идеями, мечтами, грёзами, такова его природа. Вы не станете этого отрицать, дорогой синьор?

Никколо пожал плечами.

– Наверное, ты прав, – только ответил он, спокойно согласившись.

– Так что же, раз я прав, значит, вы всё-таки что-нибудь желаете?

И только тогда Никколо вновь тяжело вздохнул. Рядом с теплой магией Мастера Грёз он почувствовал, что всё-таки поддаётся его неведомым обласкивающим чарам, и лёд вот-вот – и потихоньку тронется.

– Конечно, желаю, – еле слышно признался он. Задумчиво он опустил глаза долу. – Все чего-нибудь желают. Незначительных грёз у каждого целый мешок, но вот настоящие желания – разве кто их озвучит? Вот и с моими желаниями так. Грёз-то во мне тоже предостаточно, но мне и без них хорошо будет. А настоящие желания – дело другое. Их хоть и мало, с кулёк, но они мне очень дороги и, думается мне, должны храниться только у меня внутри. Да и некоторые вещи... не исполнит даже Мастер Грёз, уж извини меня. На всё своя воля, и о чём-то, право, лучше даже не мечтать. Уж такова жизнь.

Он подытожил с обнадеживанием и, увидев, как сочувствующе смотрел на него Мастер Грёз, с неловкостью поёжился.

– Прости, что-то я совсем заговорился. Но ведь твоя правда, надобно ложиться спать. Постараюсь заснуть, уж как-нибудь. – Так, он всё же опустился и, прилегши на меховое ложе с остальными у костра, устроился на боку, прикрывшись плащом как покрывалом. Мастер Грёз остался сидеть рядом, но Никколо повернулся от него на другой бок и перед тем, как сомкнуть глаза, прошептал ему: – Спокойной ночи тебе. Тоже ложись давай. Если тебе хоть нужен сон...

Он так и не видел, лёг ли Мастер, как тот ему велел, но чувствовал, как спустя некоторое время, когда ему почти удалось окунуться в сон, Мастер приблизился к нему со спины, только аккуратно поправив покрывало, сказал ему ласковым шепотом:

– Спите спокойно, Никколо.

Что стало с Мастером Грёз затем – неизвестно. Но утром, как только все солдаты поочередно проснулись, они обнаружили, что метель уже давно закончилась, ветер стих, а их дружелюбный волшебник исчез, как будто его никогда и не было. С ним исчезли и шатёр, и рахат-лукум, и графины горячего шоколада, но вместе с тем в снежную долину поутру вернулась спокойная благодать. Солдаты проснулись под открытым небом в пушистых облаках, только что выпавший снег был рассыпчатым и приятным. Как бы жалко ни было прощаться со всеми удовольствиями, но после такого крепкого хорошего сна они пережили это расставание без лишних сожалений. Если бы Мастер был здесь, они бы ещё раз поблагодарили его за всё. Но подобно утреннему туману он рассеялся, и тогда солдаты, водрузившись на своих лошадей, покинули место своего перевала и снова двинулись в путь, уже значительно ободрившиеся.

До самого вечера шли они через всю северную долину, проходя вдоль гор и через ущелья, мимо горных водопадов, замерших во льду, и рощ, занесенных сугробами. Весь день был тихим и почти безветренным. Проходя через морозный еловый лес, который разросся по всем холмам, они то и дело слышали, как где-то в чащобе глухо укала сова, как потрескивали на морозе ветви вековых елей с их раскидистыми, одетыми в снежные меха лапами, и, пройдя уже больше десятка вёрст, они привыкли к этим приглушённым голосам природы, как вдруг к вечеру, когда сумерки растеклись по горным долинам лиловатым туманом, а небо затянулось тьмой, лошади беспокойно заржали. За горным ущельем послышался отдаленный шум битвы. Солдаты, миглом усмирив своих лошадей, собирались было обойти место схватки, но тут из-за дерева вылетела стрела. В подлеске мелькнул облик вражеского лучника. Никколо вскользь успел приглядеться к нему. Лучник, вероятно из войск королевств Фелиция, был без доспеха, в одном лишь камзоле и плаще, и тем самым он смог незаметно нырнуть глубже в лес. Юные Бардо и Розолино, вспыхнув, готовы были вот-вот броситься за ним вслед, но Вьери остановил их.

– Стойте! – резко сказал он. – Гаспаро. Его ранили.

Солдаты тотчас же повернулись к другу: старый Гаспаро стоял со стрелой в груди, аккуратно в том месте, которое не покрывала прочная ткань, и с каждой секундой, пока кровь струилась из раны, всё сильнее подкашивались его ноги. Остальные не успели и помочь ему, как полетела ещё одна стрела, и ещё одна, и вот уже отдаленный шум битвы приблизился к ним, став оглушительным и захватив каждого из них против воли.

Отовсюду летели стрелы. Лучники Фелиции прятались в лесу за деревьями, за сугробами в глубинах рощ, а вооружённые мечами и топорами солдаты сражались в открытую с солдатами королевства Лив у лесной пещеры; их надёжно укрывали расписные доспехи. Никколо остался в стороне латать Гаспаро: он снял с него плащ и поддоспешник и попытался обвязать рану. Тем временем Розолино и Бардо, достав из ножен свои мечи, и Вьери, схватившись за боевой топор, бросились в бой. Никколо, повернувшись спиной к пещере, у которой шла битва, лишь отдалённо слышал голоса своих друзей. Сам он орудовал бинтами, отчаянно силясь остановить кровь Гаспаро, но жизнь с каждым мгновением потухала в его закрывающихся глазах, и, казалось, что всё, что делал Никколо, не могло возыметь успеха. Бессмысленно было бинтовать его, покуда уже слишком много крови просочилось из его раны, и даже сам Гаспаро, хватая Никколо за руку, хрипел: «Оставь... иди к остальным». Никколо пытался оставаться собранным. В течение стольких лет на севере он со многими успел попрощаться, на его руках угасла не одна жизнь, и сколько бы сочувствия ни хранилось в его старом, заношенном сердце на заплатках, он научился прощаться без слёз. Он даже научился смиряться с судьбой и не гневаться на богов, на которых столь часто роптали солдаты, чьих близких забирала госпожа смерть. На сей же раз он также не поддался скорби. Он лишь с жалостью посмотрел в померкшие глаза Гаспаро, но всё же прислушался к его предсмертным речам и отступил. Однако не успел он и смириться с его гибелью, как тотчас же стрела вонзилась ему в спину – и он едва ли ни в то же мгновение отправился вслед за почившим.

Никколо пошатнулся. Он опустил взгляд и увидел наконечник, торчащий у него из левого плеча. До того, как жгучая боль пронзила его, он ещё попытался схватиться за свой кинжал, висевший на поясе, но не успел. Лучник, выстреливший в него, оказался проворнее: он заметил, что Никколо так и не свалился с ног, и, вынырнув из лесной рощи, подскочил к нему. Едва Никколо обернулся, уже чувствуя, как все перед его глазами погружается в забвенную тьму, враг оказался прямо перед ним, выхватил меч из своих ножен, одним резким движением возил его в заплатанное сердце Никколо, сорвав с уст того болезненный хрип, и, вынув острие, насухо протёр его от крови, вложил обратно в ножны и скрылся из виду. Истекая кровью, Никколо пал на колени. Лужа крови на застланной снегом лесной земле стала растекаться, окрашивая белый пух в тёмную багряность.

Где же там остальные – юные Бардо, Розолино, старый Вьери? Их крики ещё отдалённо доносились до Никколо. Прислонившийся рядом к стволу вековой ели, Гаспаро уже давно отправился к праотцам. Никколо был готов уйти вслед за ним. Что ж, а он довольно уже пожил. Перед смертью он не хотел поминать лихом ни единого человека, сетовать на волю богов, проклиная врагов; он не хотел и не мог думать ни о чем насущном. Пока весь мир вокруг погружался в тени, он медленно моргал, и в глазах его только безмолвно копились слезы. Он совсем не хотел плакать. Нет, правда, – думал он, – я достаточно уже пожил. Но вот незадача: чем больше крови он терял, тем меньше разум позволял ему оставаться покорным, и в мыслях замирали давно забытые образы, о которых он так отчаянно заставлял себя не думать... они неявно возникали перед его мутнеющим взором.

Он прикрыл глаза всего на один миг, и, открыв, теперь увидел перед собою образ совершенно другой. Озаренный светом, силуэт в шляпе и золотой маске приблизился к нему, выйдя из неясного тумана. Милый волшебник, возродившийся в этом лесу, опустился на одно колено перед павшим Никколо и взглянул на него теперь совсем без улыбки. Он глубоко, с проникновенной надеждой взглянул в его закрывающиеся глаза и промолвил так, что все остальные

звуки вокруг полностью померкли, позволив его голосу отчетливо произнести последний свой вопрос:

– Скажите мне, чего бы вы желали?

На сей раз Никколо не смог умолчать.

– По правде говоря, я уже давно кое о чём мечтаю. О Мастер... ты не представляешь, как сильно, как давно я мечтаю увидеть своего сына.

И вот слезами налились его глаза. Вокруг всё помутнело, остался лишь один Мастер Грёз в светло-золотистом ореоле, а вокруг него – сплошная дымка. Гул сражения, звон сходящихся клинков становились глуше и тише, уходя куда-то вдаль, и всё ближе становился дух Мастера. Всё ближе, теплее, чарующе. Никколо уже не мог понять из-за слёз: был ли перед ним всё ещё волшебник? Или же это был кто-то другой? Но он не мог больше сдерживать боли, накопившейся в груди. Пока силы покидали его и кровь разливалась под ним, он думал и вспоминал только об одном.

– Мой мальчик... я столько лет не видел его. С тех пор, как началась война, уже прошло много лет. Он меня и не помнит теперь, поди. Подрос... Я и сам помню его ещё совсем маленьким мальчуганом. Ему было всего семь лет, когда я ушёл на войну. Как же он тогда плакал...

Никколо чувствовал, что сейчас заплачет точно так же, как и его маленький сынишка в тот злосчастный день разлуки. Он вспоминал, как они крепко обнимались, шепча друг другу утешительные слова: «Всё будет хорошо», «мы ещё обязательно увидимся», «это ненадолго», «уже скоро снова вместе будем». И как сын обнимал его за шею, орошая её своими крупными горячими слезами. Никколо слишком хорошо помнил тот день. Он был выгравирован в его памяти. Каждую ночь, закрывая глаза, он вновь и вновь видел перед собою плачущего сына. Каждый раз, оставаясь в тишине, он будто бы слышал его плач. Каждый раз, видя детей, он видел в их лице своего мальчика – и каждый раз исполнялся стыда и мук совести. Он оставил его. Совсем одного. Он оставил его позади и до сих пор так и не смог сделать ни единого шага к нему навстречу. И больше у него не будет такой возможности – больше никогда.

Медленно умирая, Никколо самозабвенно лил слёзы. Проливать слёзы было больнее, чем проливать кровь. Мастер Грёз всё ещё был рядом и, казалось, его неясный свет очаровывал согревающим теплом.

– Как бы я хотел извиниться перед ним, – продолжал уже ослабевающим, затихающим голосом Никколо. – Сказать: прости, что был слаб и не мог быть сильнее... Понял бы он меня? Простил бы? Помнит ли он ещё меня?... как бы хотелось, чтобы помнил. Я сам ведь вспоминал его каждый день.

Он прикрыл глаза, думая, что это его точно конец. Перед ним окончательно расплылся в тумане облик Мастера Грёз, и весь мир погрузился во мрак.

Но тут он неожиданно вновь открыл глаза. Он пробудился где-то в светлом уютном месте и только позже осознал, что находился он за прилавком своего магазинчика музыкальных инструментов. Он выглянул в окно и увидел одну из самых утешающих картин: посреди заснеженных долин, застеленных снегом как молочными облаками, за горами лежал его родной городок: древний и священный Элифио, мерцающий льдом и окруженный высокими каменными стенами, увенчанными башнями с остроконечными крышами. Будучи рожденным в Элифио, Никколо всю свою жизнь любил этот город. И он любил улицу, на которой примостилась его старая наследственная лавка, чья вывеска, исписанная витиеватыми узорами, возвещала: «Стихи и лира: починка и приобретение музыкальных инструментов». Но кроме того, «Стихи и лира» была также известна как «дом д'Андреа».

Никколо д'Андреа был вполне известным в Элифио скрипичным мастером, и прямо на чердаке своей лавки он жил с тех пор, как в юношестве стал заведовать прилавком. Его страстью была скрипка: с юных лет он также зарекомендовал себя как талантливый скрипичный

мастер. Он превосходно и с большой любовью вырезал из дерева изысканные корпуса для скрипок, с той же любовью чинил их, натягивал струны и мастерил смычки. Весь его магазинчик, заполненный самими скрипками, духовыми инструментами: деревянными и серебряными флейтами, дудочками, свирелями; барабанами с бахромой, арфами, виолами, божественными лирами и, само собой разумеется, лютями, часто покупаемыми на последние гроши уличными актёрами и бардами из местных таверн, – всё, что окружало прилавок д'Андреа было настоящей музыкальной сокровищницей Элифио, и музыка здесь разливалась чудесным, услаждающим слух вином. Никколо и сам частенько поигрывал на каких-нибудь инструментах, хотя по большей части он делал это отнюдь не для себя: с самой большой и лестной преданностью его игрой в первую очередь наслаждался его главный слушатель – его сынишка, рожденный очень кстати с той же страстью к музыке, что и его отец.

По своему обыкновению, он должен был дожидаться его на чердаке. Как раз сейчас Никколо завершал чинить последнюю скрипку и собирался повесить на дверь табличку «закрыто», запереть её на ключ и подняться к нему на чердак. Последний посетитель уже получил свою починенную скрипку, и можно было, пожалуй, и передохнуть. Он поднялся по скрипучей деревянной лестнице наверх и по тому, что его ноги ещё не ломило, он понял, что он ещё вполне молод. Должно быть, и седины ещё нет в его волосах, и морщинки ещё не стянулись в уголках его глаз. Он всё видел и всё чувствовал как прежде, и это несказанно радовало его.

Ещё большей радостью было увидеть родной чердак. Он выглядел совсем так же, каким он его и запомнил. В большой комнате стояла старая каменная печка с очагом, где над огнём висел закоптелый чайник, а на веревках сбоку – сушились варежки и вязаные носки. На стенах Никколо встречали те самые часы с кукушкой, которые каждое утро будили его в лавку протяжным механическим «ку-ку, ку-ку», а полки шкафов и столики заставлены самой различной домашней утварью, старой и пошарпанной, доставшейся ещё от дедушки, завещавшем семейству д'Андреа помимо прочего все свои когда-либо смастеренные музыкальные инструменты, хранившиеся и на полках, тесня подсвечники и старинные книги, и даже в сундуке сыновних игрушек, где среди оловянных солдатиков и игрушечных деревянных сабель можно было отыскать и дудочки, и свирели, и свистульки, что, конечно, нисколько не мешало мальчишке д'Андреа, а даже напротив: он, как дитя музыкального дома, с детства имел пристрастие к музыке, а также пляскам и пению. Из-за этого в доме д'Андреа никогда не бывало тихо.

Однако теперь, вернувшись домой с лавки, Никколо застал дом в скромной тишине. Он только слышал, как медленно, под еле слышимый стук часов покачивалась туда-сюда детская качель-лошадка: видимо, кто-то недавно с неё спрыгнул?.. Подумав об этом, Никколо оглядел её с тёплой улыбкой и, осторожно ступая по ковру, подошёл к чердачному окну и тихонько отворил его ставни. Морозный ветер приятно коснулся его щёк. Никколо опустил взгляд на город, усыпанный снегом. Он разглядел всю лавочную улицу, на которой стоял его сопряженный с лавкой дом. Тут и там виднелись знакомые вывески: лавки цирюльника, книжной лавки, ремесленной, где закупались даже королевские стражники, и сопряженной с ней кузницы. Среди высоких домов с чердаками и мансардами он разглядел и лавку «Зелья колдуньи Барболини», которая на самом деле была алхимической лавкой всевозможных отваров, трав, сиропов и снадобий для разных применений; и кондитерскую «Сладкий уголок», где продавалось помимо всех прочих сладостей самое обыкновенное песочное пирожное – среди них сынишка д'Андреа больше всего любил именно эту самую простую, недорогую сладость, которую время от времени они с отцом могли себе позволить.

Впрочем, весь Элифио запомнился Никколо д'Андреа как «сладкий уголок». Утром он выглядел как пряничный, щедро засахаренный и политый мёдом солнечного света город. Но вечером, когда на крыши домов нисходили сумеречные тени, солнце уплывало за горы и морозный ветер начинал свою колдовскую песнь, наступало время таинства, заманчивых, волнующих сказок и подчас устрашающих древних легенд. Никколо рассказывал сыну как прекрас-

ные сказки о волшебниках и Зазеркалье, так и о таинственных историях о призраках, живущих в далеких горах королевства Серена. Однако, сколь бы ни устрашали все эти истории, стоило Никколо замолкнуть, как его сынишка, пододвигаясь ближе, заворуженно просил ещё. Никколо всё бы отдал, чтобы ещё раз увидеть блеск в его глазах... Только теперь казалось, что это не так уж и невозможно.

– Лоик, ты дома? – окликнул сына Никколо.

Послышались чьи-то торопливые шаги из детской комнаты. Навстречу Никколо выбежал мальчик семи лет, в старом костюмчике из потрепанных панталон и длинной, несуразно застегнутой рубашки. Мальчик лучезарно заулыбался, увидев отца, и тотчас же прыгнул к нему в объятия. Никколо крепко прижал его к своей груди. Слишком крепко, как будто бы они не виделись этим утром перед тем, как он спустился в лавку и принялся за работу. Как будто бы они не виделись невесту сколько лет.

– Ну что, ты закончил все дела? – с надеждой спросил сын и, не дожидаясь ответа, радостно подпрыгнул. – Наконец-то! Идём скорее пить чай. Я сбегал в «Сладкий уголок», пока ты возился со скрипками. Пойдём-пойдём!

Так и не дав Никколо возможности ответить, балуясь, он потянул его за руку и привёл на кухню, окутанную в такие знакомые ароматы обжаренных на сковороде лепешек. Там он заботливо усадил его за стол, должным образом накрыл его скатертью и с детской неуклюжестью, но крайней старательностью принялся расставлять блюда и чашки. Никколо умиленно наблюдал за тем, как он суетливо копошился в буфете.

– В «Сладкий уголок» сбегал, говоришь? – добродушно усмехнулся он. – Вот уж больше не оставлю тебе свой кошель, ни то в следующий раз сдачу покупателям придется отдавать сахаром.

– Ой, скажешь тоже! Я ведь только пирожное купил да шоколадного масла для лепешек. Ведь ты устал, с самого утра в лавке, даже ни разу не поднялся. Вот сиди сейчас и отдыхай. Я сам всё сделаю. Чай вот-вот поспеет, погоди только. Ты пока угощайся!

С этими словами он достал из буфета бумажный кулёк и с гордостью предоставил его отцу. Развернув его, Никколо увидел то самое песочное пирожное с ягодным вареньем, глазированное сахарной помадкой; столь любимое даже не столько сыном, сколько самим Никколо, знавшим этот вкус ещё со своего детства. Помимо пирожного, мальчишка д'Андреа выложил слегка подгоревшие жареные лепёшки, к которым подложил масленку со сливочным и шоколадным маслом. Как раз к этому часу согрелся чайник в очаге, и сын, продолжая ухаживать за Никколо, налил в чашку крепкого чая сначала ему, а затем и себе.

Наконец настало время лакомств. Никколо сдержанно, медленно смаковал каждую сладость. Он давно не испытывал такого блаженства от обычного пирожного, запитого крепким горячим чаем. Он с благоговением удовольствовался всеми угощениями, которыми снабдил его сын, а сам сын тем временем совершенно не церемонился. Совсем неаккуратно, пачкаясь в ягодном варенье и посыпке, он откусывал кусочек за кусочком песочное пирожное, после чего запивал её чаем, забавно прихлёбывая его из чашки. Так аппетитно уплетать сладости мог только он. Никколо это как всегда веселило. Он почти рассмеялся... но вдруг ни с того ни с сего вместо смеха почувствовал слёзы, подступившие к глазам. Продолжая улыбаться, тепло любуясь сыном, он так неволею и заплакал.

Отвлёкшись от сладостей, тот взволнованно подскочил к нему.

– Папа, что с тобой? – спросил мальчик. – Ты плачешь, что такое?

– Ах да... прости. – Никколо утёр слёзы рукавом и постарался улыбнуться. – Совсем забылся. Только что мне показалось, что я был на войне. Что у меня клинок есть, щит. Как будто бы я далеко от дома, где-то в горах, и вокруг меня одни солдаты, а всюду летят стрелы и то и дело звенит сталь. Как же хорошо, что всё это мне лишь померещилось. Ты всё-таки здесь, со мной, а мы живём вдвоем на чердаке. Мы полдничаем чаем и пирожными, как в старые

добрые времена. Давай я намажу тебе шоколадным маслом лепешку? Ты же так любишь это. Сейчас попью чаю и снова спущусь в нашу лавку. Сегодня мне ещё нужно будет вырезать ещё один корпус для скрипки, два для лиры и виолы, состругать пару флейт, затем я должен буду встретить извозчика с деревом и договориться о поставке новых струн, а то старые слишком ломкие. Да, ведь я лавочник и чиню музыкальные инструменты... почему мне показалось, что я солдат? Сын, ведь ты знаешь, я всю жизнь только и делал, что в лавке нашей натягивал струны да вырезал из дерева музыкальные инструменты. Почему же я вдруг оказался на войне? И почему вдруг мне показалось, что я вот-вот и сгину?..

Мальчик был сбит с толку и даже встревожен.

– Странный ты. Я тебя совсем не понимаю.

– А, забудь! – отмахнулся Никколо. – Лучше подойди-ка сюда, дружок. Дай мне обнять тебя. Я как будто бы так давно тебя не видел!

Хотя сын явно был озадачен, он тем не менее сразу же юркнул в объятия отца. Никколо ещё раз крепко-крепко прижал его к себе. Он не мог налюбоваться этими по-детски взъерошенными светлыми волосами, игривыми, полными баловства и удали карими глазами, тёмными как шоколадные конфеты, этой улыбкой, с ещё торчащими молочными зубами.

– Что-то ты несколько не подрос, – оглядывая сына с ног до головы, заметил Никколо. – Прошло ведь уже лет десять, а ты всё ещё такой же маленький мальчик с молочными зубами. Прости меня за всё. Я тебе обещал, что ещё вернусь, но... куда там. Что я за дурак, хе-хе, – на последнем издыхании горько посмеялся он. Запоздалое осознание своих ошибок заставило его пожалеть о своём былом молчании. – Надо было просить большего.

И с этими словами он ещё раз обнял сына и, погружаясь в это удовольствие, закрыл слезящиеся глаза. Теперь уже навсегда.

Душа Никколо д'Андреа, некогда известного скрипичного мастера и ныне и солдата, погасла в объятиях сына, в мире, сотканном из снов и мечтаний. Но его тело, обмякшее в крови, в мире яви обнял Мастер Грѣз. Как только глаза Никколо навеки сомкнулись, Мастер с лёгкостью приподнял его и взмахнул подолом своей мантии. По его мановению черный шелк, сверкающий звездами, открыл потайную дверь, ведущую в обетованную Страну Грѣз. Взяв погибшего солдата на руки, он скрылся с ним за этой дверцей, и они оба исчезли из этого леса. Так, последнее желание было исполнено.

Сладких слов, малыш Карло

Поскольку Мастер Грѣз впервые заявил о себе во время сражений на севере, прежде полагаги, что он – призрак войны. Он появился тогда, когда все солдаты уже были настолько утомлены нескончаемыми битвами, что сочли его явление за обыкновенную иллюзию и не придали ей большого значения. По крайней мере, не все. Несколько солдат, коим посчастливилось не просто наблюдать Мастера, но и вести с ним беседы и даже стать свидетелями его заклинаний, утверждали, что он на самом деле волшебник и прибыл из иного, потустороннего мира. Другие солдаты же не шибко прислушивались к этим рассказам. Но вот однажды Мастер Грѣз снова объявился. Только на сей раз вдалеке от звона клинков и битв.

В следующий раз Мастера Грѣз имели честь наблюдать в загородной деревне Санта-Марция, расположенной на земле того же города Элифио, где проживал и скрипичный мастер-лавочник Никколо д'Андреа. Чем дальше дорога уходила от каменных стен города, тем богаче казалась природа королевства Лив и тем явственнее было заметно, сколь прекрасны были творения древних духов. Помимо того, что Лив, ввиду своей близости к северу и горам, само по себе было самым снежным королевством и благодаря зачарованиям старинных святых вол-

шебников травы ещё благоухали и цвели даже в зиму, вечно господствующую на всех трёх королевских землях, в этих краях прорастало несметное количество священных рощ и лесов, где текли хрустально чистые родники и где по поверьям жили настоящие феи, поддерживающие лесную жизнь своей невидимой магией. Деревушка Санта-Марция располагалась как раз в объятии магических лесов, а за её холмами, избами и рядами сельских мельниц, совсем недалеко от входа в священную рощу примостился один, казалось бы, непримечательный сиротский приют, уже долгие годы возглавляемый известной в деревне синьориной Вероникой. То была обыкновенная крестьянка средних лет, чья семья испокон веков жила в Санта-Марции и содержала дом для сирот, но поговаривали, что за её за благочестие, доброту и сердоболие, проявляемое к детям, феи, обитающие в магических местах близ деревни, наградили её неиссякаемой молодостью и даровали ей силы, благодаря которым она уже вот сколько лет почти в одиночку, без единой служанки управляла сиротским приютом: словом, сама служила в нём и хозяйкой, и няней, и ткачихой, и кухаркой, и подметальщицей, а в помогали ей со всем этим её маленькие воспитанники. Под её чутким надзором дети в сиротском приюте её имени росли вполне себе добропорядочными, честными юными господами. По крайней мере, с нею они никогда не позволяли себе никаких дерзновений. Однако, как это обычно и бывает, за порогом приюта, вдали от призора доброй няни, всякий ребёнок меняется, вкушая радости раздолья.

Малыш Карло, которому в этом году уже исполнялось тринадцать, был одним из таких детей, только вместо озорства он позволял себе любопытство и, пока никто не приглядывал за ним, убегал в священные рощи, куда детям бегать воспрещалось. В этих приключениях участвовал только он один, и поэтому в то время, как остальные ребята из приюта бегали по деревне, встречаясь с сельскими детьми, докучая им или помогая им по хозяйству, малыш Карло уходил в тень больших, диковинно раскидистых деревьев и проникал в сокровенные глубины леса, где всякий раз надеялся отыскать тех самых прославленных фей, прячущихся в этих краях. Но поговаривали, отыскать их простому смертному невозможно. Кроме того, согласно преданиям, найти фей в лесу могли лишь те, кто имел дар слышать легкий шелест их крылышек и сладкий смех, звучащий как капли упавшей на цветы росы, и в этом заключалась главная проблема для Карло: с самого рождения он был глухим и, даже если бы легенды оказались правдивыми, даже при огромном желании он бы не смог услышать ничего из вышеперечисленного. Он, между тем, даже не слышал своего голоса.

С детства многие деревенские жители и даже синьорина Вероника пытались донести ему, что, должно быть, в прошлой жизни он обидел фей, а те, в свою очередь, известные своей обидчивостью и мстительностью, прокляли его, забрав его слух. Наверное, выдумыванием этой легенды они тем самым хотели утешить его, придать его недугу сказочности, чтобы судьба не казалась ему настолько несправедливой, однако это в своё время лишь больше омрачило его.

Малыш Карло только и думал: «Разве я виноват в том, что натворил когда-то в прошлой жизни? Это была не моя жизнь, и я сам не заслужил этого проклятия! Я ведь никогда не жадничаю, всегда все конфеты отдаю младшим, всегда мою за собой чашку с ложкой, заправляю кровать каждое утро и каждый день помогаю пастуху – я ведь стараюсь быть прилежным, так почему феи всё ещё обижены на меня, и я ничего не слышу?»

Зная, что синьорину Веронику феи когда-то в прошлом наградили лестными дарованиями, Карло надеялся, что и ему в награду однажды достанется какой-нибудь дар от фей. Впрочем, он даже не надеялся на получение умений или способностей, не присущим людям. Он никоим образом не жаждал ничего сверх меры: ему лишь хотелось хотя бы раз услышать, как горит огонь в домашнем очаге, как звенит ручей, текущий с горных вершин, или услышать колыбельную Вероники перед сном. Все, кроме него, с рождения обладали этой милостью, а он, хотя и слышал отдаленно многие голоса и звуки, чувствовал себя совершенно отчужденным из-за того, что не мог насладиться ничем из этого вволю. Вот почему он так рьяно желал увидеть фей: в нём ещё теплилась надежда, что он сможет однажды добиться от них примирения.

Как бы то ни было, как бы малыш Карло ни был осведомлён о своём проклятии, были и те в его жизни, кто не поддерживал в нём веры в эту легенду. Вернее, таким был всего один человек.

Несколько лет тому назад у Карло был в приюте друг – один из старших мальчишек, уже давно покинувших приютские стены. Этот мальчишка был известен тем, что очень любил баловаться, болтать и сочинять порой просто невероятные небылицы. Но, будучи с самого первого дня своего появления в приюте заклеянным повесой и болтуном, лёгким как пёрышко на подъём, он единственный твёрдо стоял на своём, упорствуя в мнении, что Карло на самом деле не проклят. Напротив, он называл его глухоту не проклятьем, а заманчивым благословением. Ведь не слышать никакой суматохи вокруг, слышать только то, что внутри тебя, – это сродни тому, чтобы слышать свою душу – так он говорил и тем всё-таки немало увлекал Карло, который действительно прислушивался к своему внутреннему голосу и слышал его слишком хорошо. Именно благодаря этому мальчишке в своё время он смог набраться сил. Рожденный в приюте, малыш Карло с самого младенчества, пока рос под присмотром синьорины Вероники, ощущал себя слабым и потерянным, и только когда он познакомился с этим старшим мальчиком, однажды пришедшим к ним в приют и мгновенно приковав к себе всё внимание сирот, он начинал понемногу крепнуть.

Мальчишка этот был удивительный: сам себе на уме, вечно улыбался и дразнился, скакал и плясал, придумывал сказки и небылицы, его называли выдумщиком и пустословом. В свободное время он играл на дудочке, которую сам состругал из бревна, найденного в лесу фей, куда отправился по незнанию, за что был наказан. Но его это не волновало. Даже зная, что в лес ходить нельзя, он тайком пробирался туда и приносил пучки трав и лукошки шишек, веток и грибов. Он также верил в волшебство своей дудочки, и неизвестно, как ему это удавалось, но иногда даже Карло слышал, как он на ней играет. Может, она в самом деле была волшебна? В любом случае, сам мальчишка поддерживал всякие слухи касательно этого. Он без конца фантазировал и, озвучивая свои чудесные причуды с хохотом и шутками, постоянно рассказывал великое множество историй, каждая из которых, вероятно, была сплошной выдумкой.

«Я вам уже рассказывал, как поймал упавшую звезду с неба? – как-то раз для затравки начал было он, когда они сидели с остальными детьми у очага. Это был зимний вечер, это было тёплое уютное пламя, – самое время для фантазий, и дети сидели в кругу, завороченно слушая главного фантазёра. – Упавшая звезда на ощупь ну прямо как горный хрусталь. Я нашёл её в озере недалеко от леса. В том самом озере, где мы ловим лягушек. Там всё дно в опавших звёздах! Но они пролежат там недолго. Озерные феи когда-нибудь соберут их, чтобы использовать для своих заклинаний».

Младшие сиротки обожали его слушать и души в нём не чаяли. Как только он пришёл к ним в приют, он быстро стал для них «старшим братцем». В то же время его ровесники не принимали его с тем же трепетом, а даже напротив, глумились над ним, и за свою смешливость, фантазерство и баловство, которым он нередко уязвлял гордость мальчишек, ему не раз доставалось. Карло не смог смотреть, как его друга обижали, наваливая ему тумаков. Но он ничего не мог поделать. И так до сих пор. Он почти ничего не мог слышать, но много видел, и в то же время ему многое нельзя было делать, нельзя было спрашивать, надеяться, ждать... Он был один. А в голове он слушал уже не свой голос. С тех пор, как тот удивительный старший братец покинул приют, он слышал в груди *его* голос, без конца травящий небылицы. Этот голос был его путеводной звездой и вёл его через все священные леса и рощи, в которых когда-то тайно бегал и тот юный негодяй – его первый друг и вдохновитель.

Малыш Карло всегда вспоминал о нём, когда тайком пробирался по протоптанным им тропинкам в лесу фей. И вот теперь он вновь шёл по тому же пути, видел те же укутанные снежной бахромой ёлочные ветви, потрескавшуюся старую древесину многовековых дубов, и чувствовал то же хвойное благоухание, растекающееся по тропинкам леса тягучим пряным сиро-

пом, и манящий, сладковато-терпкий запах диких ягод. Следуя за ароматами, малыш Карло ступил на хрустящий белый снег и вышел к ручью, текущему с чистейшего, как хрусталь, родника в горах. По обе стороны от ручья стлались берега, обсаженные дикой черникой. Но всякий раз, когда он срывал себе пару ягодок и вкушал их, они были настолько кислыми, что у него сводило скулы. Сам не зная почему, он всё равно продолжал каждый раз снова и снова её срывать. Просто это тоже представляло из себя некоторый запрет, а раз уж он уже бессовестно ступал по заповедной земле фей, то и пару ягод мог себе присвоить; гулять так гулять.

Так, снабдив себя кислыми ягодами и начинив карманы шишками, он вышел к чаще леса, где росли орешники. Именно там, как говаривал старший братец-сказочник, проживала одна из самых важных фей. Он даже однажды сказал, что видел её. Конечно, он не мог её не видеть. По его словам, это была крошечная женщина со смуглой кожей в платье из листьев и трав, она жила под орешником. Сколько раз Карло ни заглядывал под ореховые деревья в чаще, ничего кроме орехов не находил.

«О чём я думал! – разочарованно думал он про себя. – Меньше верить надо было тому болтуну». И всё равно, время от времени приходя к орешнику, неволею так и засматривался. Как бы он ни старался быть благоразумнее, путеводный голос того болтуна был слишком громок в его душе, и иногда он просто не мог ему не подчиниться.

Затем он вышел по тропинке из леса прямо на опушку, с которой открывался вид на предгорья, сплошь выстланные цветами; расцвеченные нежно-зеленым нефритом трав, лиловыми аметистами горного вереска и жемчугом подснежников. На предшествующих горам холмах раскинулись тут и там ветряные мельницы, чьи тяжелые крылья рассекали прохладный воздух, идущий с горных вершин, а сами горы, облаченные в снежно-туманные накидки, напоминали малышу Карло пастухов в их наплечных накидках из белоснежной овечьей шерсти. Эти пастухи сторожили путь к небесным чертогам, и это была ещё одна сказка старшего брата, о которой Карло всегда вспоминал, когда засматривался на плавающие по бескрайнему небу облака. Это были истории о заоблачных пирах: о том, как сказочные герои, герои легенд, отправившиеся после гибели на небеса, пировали в тамошних чертогах, улащаясь снежинками как сахарными леденцами, а мягкотью облаков – как вкуснейшими сливками. Эти сказки несомненно будоражили воображение Карло, но он также помнил, при каких обстоятельствах старший братец однажды поведал ему об этих чудесных историях: как раз в тот день он подрался с мальчишками в приюте и вместе с Карло, который не мог сделать ничего, кроме как заплакать от сочувствия, вышел прогуляться к опушке леса. Всё лицо брата покрывали синяки и ссадины, его шляпа была истоптана, а рукава порваны. И тем не менее, устремляя взгляд заплывших глаз вдаль, к горным долинам, он всё равно улыбался.

«Послушай, Карло, – говорил он ему. – Вот мне накостыляли за мою болтливость, но ты же не заткнешь меня? Моя болтовня ведь тебе не мешает, ты её не слышишь?»

Карло счел вопрос по его губам и робко покивал.

«Вот спасибо тебе. Это так здорово, что ты не слышишь меня, но всегда слушаешь! Ты такой милашка! Я тебе рассказывал про пиры в облаках? Ах-ха-ха, а я тебе пел песню про облачные страны? Ты не слышишь, а я попробую громко, подставляй ухо давай! Аха-ха-ха, шучу. Ты немного же слышишь? Так вот слушай...»

И Карло вслушивался. Не различая некоторых звуков, он слышал отголоски пения брата как эхо в глубине пещеры, но это нисколько не мешало ему поистине наслаждаться этими простыми, шутливыми, незамысловатыми песнями, пропетыми ему на ухо сипловатым мальчишеским голосом. Больше ему никто так не пел. Колыбельные синьорины Вероники, хоть и обладали немалой ценностью для всех детей, для Карло не имели звучания. Как и народные песни, которые горланили мальчишки, как и девчачьи частушки, как и мелодии, которые остальные дети разучивали на уроках музыки, когда к ним в приют приходил их учитель, сельский музыкант Бернардо. На этих уроках ему, впрочем, делать было совершенно нечего.

Вовремя вспомнив о своих других братьях и сёстрах, малыш Карло встрепенулся: он так загулялся, что и забыл о своих обязанностях. Он должен был уже бежать обратно в приют. Едва он опомнился, сразу же побежал обратно по той же тропинке через лес. В конце концов выйдя из священной рощи фей, он очутился на главной, самой широкой дороге в Санта-Марции, по которой поспешил к приюту.

Сиротский приют синьорины Вероники представлял из себя вполне обычную сколоченную из брёвен и досок лесных деревьев деревенскую избушку, с двором, где дети играли в снежки и где стояли снеговики, и садом, где цвели под снегами розы, за которыми синьорина Вероника столь рачительно ухаживала. Малыш Карло вошёл в избу, сразу стряхнул с себя снег и снял свои валенки и шапку. Он пробежал на кухню, к каменной печке, откуда струился тёплый ароматный дым. Как раз там он застал за готовкой воспитательницу и девочек. Восемилетние Лючия и София помогали печь хлеб, а десятилетняя Флора чистила тыкву, морковь и грибы для супа. Увидев Карло, они дружно помахали ему.

– С возвращением, малыш.

Он помахал им в ответ и огляделся. Вокруг них стояло множество кувшинов и глиняных кастрюль, везде лежали деревянные ложки, черпаки и поварешки, и везде что-то дымилось, варилось, парилось или жарилось. В старом закопченном очаге, над пылающим огнём, уже грелся весь почерневший от золы котелок, а под буфетом, влекущим запрятым в нём льняными мешочками с печеньями, прибереженными на Новый год, уже стояли приоткрытые пузатые глиняные горшочки с мёдом и вареньем для чаепития после ужина. Но перед этим, детям ещё следовало выполнить много разных поручений. Синьорина Вероника поручила одним мальчикам сбегать на ферму недалеко от приюта за картофелем, другим – за молоком и сыром, а третьим – к дровосеку за дровами. Взамен она дала им корзинки собранных ею лесных грибов, как подарок фермерам. Все уже отправились выполнять свои небольшие поручения, и вот только Карло ещё не получил своего. Он только вернулся домой, и синьорина Вероника по его виноватому лицу тотчас же догадалась, в чём дело.

– Опять ходил к роще? – спросила она, поставив руки в боки и направив на Карло свой корящий и тем не менее заботливый, отчасти обеспокоенный взор. – Сколько ещё раз нужно надрать тебе уши, чтобы ты понял, что нельзя? Ведь это не только святые земли, но и очень опасные, ты мог заблудиться и замёрзнуть! Ах, ну право слово, без толку с тобой об этом говорить. Ты последнее время сам не свой. Иди к пастуху. Попроси у него шерсти, я сошью из них новые варежки к Новому году.

Карло изобразил на лице недовольство и показал жестами, что не хочет.

– Не капризничай, Карло, ты ведь уже взрослый, – назидательно ответила она. – Ступай, пока не стемнело.

Только он смирился и, вздохнув, собрался было уйти, как на плечо ему легла теплая рука синьорины Вероники. Он обернулся и увидел, что теперь она слегка изменилась в лице. В её глазах мелькнула снисходительная нежность.

– Веселее, ведь скоро праздник.

Карло безутешно улыбнулся и вышел во двор, вновь надев шапку и валенки.

Он побежал вверх по склону к пастушьей хижине, примостившийся на одном поросшим ледяно-лиловыми цветами холме. Малыш Карло хорошо знал местного пастуха, у которого синьорина Вероника всегда занимала овечью шерсть. Это был живший в своей хлипкой хижине одинокий, угрюмый, молчаливый старик, пасший овец в горах каждое утро и всегда носивший с собой деревянный посох с колокольчиками и маленькую корзинку, куда собирал травы да корешки. Похожий на обтянутого морщинами лешего, пастух всегда хмурился, никогда не говорил ни единого доброго – или даже хотя бы какого-нибудь слова, и порой Карло казалось, что он тоже глух. Он был глух к людям вокруг, будь то дети или взрослые, и был благосклонен только к своим безмолвным овечкам. И к малышу Карло – поскольку тот тоже никогда с ним

не разговаривал. Сам Карло крайне не любил пастуха за его вечную хмурость, сам всегда хмурился, когда его принуждали идти к нему за шерстью, но не мог отрицать того, что среди всех деревенских Санта-Марции только с ним он был незримым образом связан.

Когда Карло прибежал к нему, старик уже гнал овец с дальнего холма и медленно подбирался к своей хижине. Как и обычно, Карло молча поприветствовал его, помахав ладошкой, пастух молча взглянул на него исподлобья – даже не кивнул, – но это значило не иначе как его ответное приветствие. Они прошли в пронизанную горным морозом хижину, где старик вручил малышу Карло набитую шерстью корзину, однако перед тем, как отпустить его обратно, что-то пробурчал себе под нос, отдал мальчику свой деревянный посох с колокольчиками и указал на овец, плутовавших по полю. Карло был, пожалуй, единственным, кто мог как нельзя лучше истолковывать бессловесность пастуха и его просьбы, которые при его невзрачном выражении лица больше походили на указания. Сколько бы Карло ни задевало это, он на самом деле ничего не имел против того, чтобы помочь старику загнать овец обратно в хлев. Он, конечно, выполнил просьбу пастуха и загнал каждую овечку под крышу, после чего вернул посох и водрузил себе на спину корзину, полную овечьей шерсти. Только возвращался он обратно в приют, полный той самой обиды, которая так часто наполняла его сердце последнее время. Он никуда не мог от неё деться, она преследовала его и туманила душу.

Затуманенный этими обидами, он совсем погрузился в себя и по дороге в приют не заметил, как вышел на просёлочную дорогу. Обычно ему не приходилось напоминать себе о собственной глухоте и о том, что ему надо держаться у обочины. Но на сей раз он брёл домой в такой глубокой задумчивости, что не проследил за собой, и когда он оказался на дороге, на него неожиданно наехала мчащаяся со стороны севера карета. Изящная, с великолепным крепом, изысканными серебряными завитушками, запряженная статными бурыми лошадьми и ведомая наряженным в расписной мундир кучером – она появилась как будто бы из ниоткуда и столь быстро пронеслась, что Карло едва успел отступить в сторону. От перепуга он споткнулся, упал, и вся шерсть повалилась из корзины прямо в снег. Кучер тем временем что-то грозно и предупредительно прокричал: Карло не составило труда понять, что он выругался на него. Так или иначе, он не остановил карету и продолжил неумолимо гнать лошадей вперёд, и вскоре карета, столь неожиданно появившаяся на дороге, так же быстро скрылась за поворотом, а сбитый с ног Карло так и остался сидеть в снегу. Он и не думал, что за сегодняшний день сможет ещё больше разобидеться на этот мир.

Но он не мог дольше просиживать на обочине. Пыхтя, он поднялся, собрал разбросанную шерсть, взвалил корзину себе на спину и поглядел вслед умчавшейся неведомо куда карете. Он почувствовал, что в нём вот-вот загорится нечто большее, чем обида, но как обычно и бывало с ним, он заблаговременно утихомиривал в себе любой негодный порыв и силился привести себя в состояние смирение тем, что вспоминал сказанные когда-то давно слова старшего брата.

«Эгеее, не унывай, Карло! – говорил он, игриво теребя малыша за плечи. – Лучше погляди, как я кувыркаюсь. Смотри как я хожу на руках, как циркач! Гляди как я могу свернуть язык в трубочку. Ты так можешь? Ну-ка, покажи!» – Он, как и всегда, никогда не гнушался дурачеств и всегда был только рад лишний раз покривляться или вовлечь в свои шальные дурачества кого-нибудь ещё. По сравнению с тихим, покорным маленьким Карло старший братец был самым настоящим непоседой. Но всякое его баловство даже таких, как Карло, понуждало смеяться. Теперь же о тех былых мгновеньях увеселения можно было только вспоминать. И тем не менее именно вспоминая о них, Карло учился брать себя в руки. Он повторял у себя в голове голосом брата: «Не унывай, Карло!» и, прихрамывая, шёл вперёд.

Во дворе приюта мальчишки Ченни, Петруччо и Альберто играли в снежки. Все окрестности могли слышать их развеселый хохот. Все, но не Карло. Он отворил калитку, вошёл во двор, глядя себе под ноги, и не углядел, как один плотный снежок прилетел ему в грудь. Он

тут же поднял глаза и увидел, как Ченни неподалёку отпустил руку, которой секунду назад замахнулся. Он проказливо заулыбался:

– Ох, извини, малыш, – сказал он. Карло прочитал его сомнительное извинение по губам. – Мы случайно в тебя попали. Мы бы тебя окликнули, да ты бы всё равно не услышал.

Карло только и мог, что насупиться. Что толку обижаться на балующихся мальчишек? Они всегда такими были, никогда не звали его играть с ними, и Карло, хотя и понимал их нежелание вовлекать его в их игры, видя, как им весело, всегда вешал нос. Порой ему также хотелось порезвиться. Желание этого простого детского раздолья, с беготнёй и громким хохотом, было бессмысленным, как и многие другие желания, которые просто не могли быть исполнены для малыша Карло. С детства он мог играть только в шашки и карты, в кубики и солдатиков, а когда все остальные ребята резвились вместе во дворе, то играя в снежки, то в прятки, то в догонялки, он лишь сидел у окна и читал книжки, рисовал или помогал синьорине Веронике с домашними делами. Душою он тянулся к остальным ребятам, и иногда ему даже казалось, что они зовут его: «Малыш Карло! Малыш Карло! Айда с нами!», но тотчас же он развеивал все эти бесплодные фантазии: таких, как он, никогда не зовут поиграть, такова его судьба. В очередной раз почувствовав себя одиноко, он вновь смирился с этой судьбой. Ченни, Петруччо и Альберто уже убежали, а Карло вернулся обратно в приют.

В приюте было хорошо натоплено, вкусно пахло огнём, теплящимся в печи, и уже готовым ржаным хлебом с поджаренной корочкой. Синьорина Вероника зажгла повсюду свечи, и весь большой стол поодаль от кухни уже был накрыт к ужину, уставлен горшочками с запеченной тыквой, кастрюлями с горячим сытным супом. Войдя в избу, Карло оттаял. Он вручил синьорине Веронике корзину с шерстью и получил благодарственную ласку в виде мягкого поглаживания по голове.

– Вот спасибо тебе, малыш, – поблагодарила Вероника. – Всё прошло хорошо? Старик пастух не ругался?

Карло кивнул в ответ на первый вопрос, покачал головой в ответ на второй. Больше ничем он не мог поделиться с синьориной. Впрочем, он бы и рад хоть о чём-нибудь ей когда-нибудь рассказать, но он в конце концов даже не умел делиться своими переживаниями. Потому он только кивнул, после чего молча уселся за ужинный стол. Синьорина Вероника попросила Лючию сбегать за мальчишками и позвать их на ужин, а Флору – собрать и усадить за стол младших ребят. Совсем скоро вернулись мальчики, и все – и старшие дети, и младшие, и синьорина Вероника – все уселись одной большой компанией и принялись ужинать. Как и обычно, Карло чувствовал, что было шумно, он ощущал это и по непрекращающимся колебаниям отовсюду: стучали ложки и вилки, все разговаривали, смеялись и неряшливо черпали суп; старшие кормили самых маленьких с ложки, а синьорина Вероника пыталась урезонить ребят, взявшихся толкаться за столом и сыпать крошками на пол. Карло мог только наблюдать за всей этой суматошной картиной, и пока он наблюдал, аккуратно и медленно хлебал свой суп.

После ужина, к чаю каждому досталось по ломтику румяного поджаристого сухарика, и дети с удовольствием намазывали на него варенье или мёд. Затем, вдоволь наладившись горячим чаем и сладостями, все ребята расселись в гостиной, и как только каждый занял своё место возле очага, присев на старую подушку и завернувшись в плед, начался блаженный час вдохновения: игр, вязания, рисования и сказок, когда за морозным окном шёл вечерний снегопад, а огонь игриво светил в очаге. Младшеньким детям синьорина достала игрушки из общего сундука, а старшие же развлекали себя самостоятельно. В тот вечер они решили смастерить несколько ёлочных игрушек на ёлку. Из чего попало: из деревяшек, из тканей, из пуха, из оставшегося войлока, из пряжи, из остатков глины. Карло же, уединившись с самим собой, сел поодаль от огня, поджав под себя колени. После удара кареты у него ещё ныла нога и он, морщась, поглаживал её, надеясь, что боль скоро стихнет.

Тем временем, пока малыш тоскливо посиживал в стороне, остальные дети в этот вечер были, напротив, полны воодушевления. Близился Новый год, и каждого увлекали приятные предпраздничные хлопоты, мечты и грёзы. Дети верили, что и в этот год святые волшебники порадуют их новогодними подарками и исполнят все их самые заветные желания, загаданные в ночь перед наступлением праздника. Увлеченные своими ёлочными игрушками, они делились друг с другом своими чаяниями перед грядущими временами чудес. Первая начала Лючия:

– Я весь год подметала в кладовке и собирала из прутьев новые веники. Я это делала, конечно, не для награды, а просто так, но святые волшебники всегда наблюдают за нами, поэтому в Новом году я, может быть, получу новые туфли. Кожаные, с блестящей застёжкой. – Последнее она произнесла, на всякий случай скрестив пальцы в молитвенном жесте и прикрыв глаза: видимо, исподволь напоминая святым о своих трепетных намерениях. Ведь наблюдая за другими детьми, они вполне могли и позабыть, ради чего Лючия весь год ходила с веником в руках.

– Я весь год колол дрова у дровосека Петро, – продолжал Марко. – Теперь у меня все пальцы в занозах. Но это пустяк! Я бы хотел на Новый год от святых волшебников получить лайковые перчатки, как у графов в Чарманто!

– В этом году я каждый день прибирался в нашем классе, когда уходили учителя, – подхватил Ченни. – Я очень надеюсь, что волшебники подарят мне за это флейту, чтобы она была моя собственная, а не учителя Бернардо. Хочу играть на флейте, когда захочу, а не только на уроках музыки.

– А я весь год сама пробыла учителем. Учила младшеньких правописанию; это на самом деле сложно, они никогда не слушаются! – София грозно, по-учительски взглянула на младших ребят, сидящих у камина с игрушками. Они не уловили её негодования и продолжили мирно играть фигурками лошадок. София же вздохнула, смирившись. – Вот бы святые волшебники за мои труды подарили мне набор красок. Я хочу создать большую картину нашей деревни. Санта-Марция такая чудная зимой!

Следом своими желаниями поделилась Флора, скромно и застенчиво:

– Я весь год помогала синьорине Веронике на кухне, научилась готовить грибной суп и похлебку из тыквы. Это совсем пустяк, но... вот бы святые волшебники подарили мне за это какой-нибудь красивый платок, какие носят примадонны где-нибудь в королевстве.

– А я весь год шила куклы для маленьких, – тотчас же ответила Кьяра, гораздо более уверенно. – Но у меня уже кончились нитки и ткани, в следующем году придется шить из остатков. Ах, только бы святые волшебники подарили мне немного новых тканей!..

– Я весь год убирал снег с крыльца и протапывал дорожку от калитки к двери, – уже продолжал Альберто. – Вот бы в Новом году мне подарили какую-нибудь новую книгу; я уже прочитал все свои сборники рассказов по десять раз и уже знаю их наизусть.

Все засмеялись, ребята постучали ему с сожалением по плечу. Казалось, что почти все дети, сидящие в кругу, успели поделиться своими грёзами. Их мечтательность и надежды словно наполняли всю гостиную теплом и магией, верой в истинное новогоднее чудо. Каждый верил, что доброта их поступков ни коим образом не останется незамеченной и все желания непременно обратятся в явь. Только лишь малыш Карло, сидящий в стороне от остальных детей и молча наблюдающий за ними, не имел никаких особых мечтаний. По крайней мере, тех, коими мог бы поделиться. Тем не менее мальчишки в одночасье всё же решили поинтересоваться:

– А ты, малыш Карло? – Дабы привлечь его внимание, они подскочили к нему и сели рядом, касаясь его плеча. – Чего пожелаешь?

В прошлом году он, как всем было известно, желал новые карандаши и бумагу – для учёбы и рисования. В позапрошлом году было то же самое. Не уклоняясь от этой маленькой традиции, он пожелал то же самое и в этом году, отчего Петруччо нарочито закатил глаза.

– Какое скучное желание! – возмутился он. – Учителя нам всё равно раздают бумагу и карандаши, что же в этом такого примечательного? Вот я на Новый год хочу от волшебников двадцать золотых червонцев. Я сам распоряжусь ими как хочу. Вот захочу купить себе новых фишек – накуплю, и буду всегда вас всех выигрывать.

Мальчик Лука рядом с праведным возмущением толкнул его в бок.

– Эй, так нельзя! Нельзя ничего требовать от святых, особенно монеты. Это нехорошо, они тебя услышат и подумают, что ты жадный и любишь золото, а они таким детям ничего не дарят.

– А что не так? Я честно потрудился весь год и в ответ прошу всего двадцать крон. Это же всего ничего. Для волшебников это пустяк: чего им стоит наколдовать мне немножко денег?

– Негоже желать денег. Вот я весь год чистил печку от сажи, у меня все рубахи почернели даже. Но я ничего не хочу от святых волшебников. Это их воля, если они захотят мне что-нибудь подарить, я буду рад любому подарку.

– Да что ты говоришь? Слыхал я, как ты перед сном молился и просил всех святых, и фей, и богов, чтобы дочка синьорина Моро из деревни к тебе на руки бросилась! То же мне, святоша... – не успел договорить с язвительной насмешкой, как стеснительный Лука, покраснев с головы до пят, тотчас же заткнул ему рот ладонью, и пристыженно прошептал: «Молчи».

Тем временем младшая девочка Аньола смеялась, разукрашивая кисточкой свою ёлочную игрушку, похожую на прелестный имбирный пряник.

– А я вот сразу написала послание волшебникам на бумажке. Они знают, они видели, что я весь год ухаживала за своими грядками в саду, и я попросила их, чтобы в Новом году у нас было больше урожая. Пусть у нас будет больше моркови, тыквы будут покрупнее и послаще, и грибов в лесу будет больше, а не одни лисички и опята.

– Ну ты дуреха, – хохотнул Альберто, потешаясь над её легковерием. – Как тебе святые это подарят? Урожай не только для тебя растёт, и грибы в лесу такими всегда были. Вот положат тебе волшебники семена под подушку, вот и иди сама сажай!

Другие мальчишки поддержали его потеху и также рассмеялись. Аньола же обиженно насупилась, надув щёки:

– А сам-то что пожелал? – ввернула она. – Всяко разное, что-то глупое и только для себя любимого!

– Я? Я вот пожелаю для всех нас, чтобы в Новом году святые подарили каждому из нас просто по новой игрушке. Чтобы все остались довольны, и никто не затаил никакой обиды.

Неожиданно Аньола, услышав такой ответ, смягчилась. Все остальные дети были крайне тронуты его заботой. И синьорина Вероника благодушно улыбнулась, выслушав это последнее желание. Весь вечер, выслушивая своих мечтательных воспитанников, она не могла скрыть своей теплой улыбки, но, увы, вскоре улыбка её стала гораздо печальнее.

– Боюсь, вам придется слегка поумерить свой пыл, дети, – вздохнула она, чем сразу же привлекла всеобщее внимание. – Святые волшебники, глядящие из тайных миров, недовольны тем, что затянулась война на северных землях, и в этом году все свои благотворения направят в первую очередь на мужей, сражающихся за свои королевства. В том числе и часть нашего урожая придется отдать гонцам, идущим на войну.

– Как так? – недоуменно спросила София. – Отдать наш урожай?

– Да. Будет правильно поделиться им с теми, кто оберегает наши края.

От этих вестей всё радостное воодушевление, дотоле питавшее сердца детей, мгновенно развеялось, как дым на ветру. Лишь недавно произнесенные вслух мечты и грёзы потеряли всякую значимость. Война трёх королевств длилась уже невесть сколько лет, и на протяжении всего этого времени сиротский приют синьорины Вероники вместе с фермерами всей Санта-Марции в особо благоприятные сезоны помаленьку делился своим урожаем с солдатами. Но

даже при всём при этом к Новому году дети всегда были полны надежд и были уверены в том, что их будут ждать щедрые дары, ниспосланные свыше за благие дела. Каждый год на праздничном столе у них всегда были свежие апельсины, пряники, начиненные мёдом, пироги из печи, вкуснейшие булочки с пряными помасленными овощами. Все эти сласти они либо пекли сами, либо же получали как подарок от деревенских соседей, и потому привыкли, что уж на Новый год они точно смогут вволю насладиться всеми яствами, от которых в угоду благонравия приходилось отказываться на протяжении всего года. И вот – наступил долгожданный праздник, но даже в это чудесное торжество им пришлось остаться обделенными. Сильно опечалившись, дети потупили головы, опустили руки, и у них не осталось настроения даже мастерить свои ёлочные игрушки.

– А сладости и подарки? – с крохотной надеждой спросил Ченни.

– В этом году мы обойдёмся с вами без излишеств, – ответила воспитательница, с долей сочувствия, но и с должным смирением. – Негоже блаженствовать да изыскивать наслаждений в час самых сложных испытаний для воинов. Но не волнуйтесь. Пусть и скромно, но я накормлю вас сытным ужином и угощу вас чем-нибудь, когда будет праздник. Но также я вам напоминаю, – добавила она уже с назиданием, – что на прошлый Новый год вы получили достаточно конфет и пряников, поэтому не пеняйте на то, что на сей раз вам придется довольствоваться меньшим, тем более, что у нас ещё осталось много мёда и варенья.

Хотя теми словами Вероника хотела подстегнуть их добросовестность, дети, так или иначе, понурились пуще прежнего. Каждый мысленно прощался со своими желаниями, столь сильно лелеянными на протяжении года.

– Значит, святые волшебники не исполнят наших желаний, если мы попросим их нам что-нибудь подарить? – робко спросила Аньола. – Даже если мы очень хорошо себя вели?

– Что ты, они непременно оценят ваши хорошие поступки по достоинству, – поспешила утешить девочку Вероника. – Они видят, что вы трудитесь на славу, и обязательно наградят вас чем-нибудь позже. Но помимо этого, они также будут вам безмерно благодарны, если вы пожертвуете своими желаниями во благо других, тех, кто гораздо больше нуждается в их милости.

– А мы можем послать наши ёлочные игрушки вместе с урожаем? Пусть солдаты тоже проведут Новый год с игрушками.

– Это очень мило с твоей стороны, Аньола. Но думается мне, им совершенно некуда будет вешать игрушки. Зато ты можешь поделиться тыквами, которые выросли на твоей грядке.

Прежде омраченная, Аньола вдруг немного просветлела. Тогда и остальные дети стали мало-помалу приободряться, и каждый предлагал свои идеи: отправить гонцам варежки, часть овечьей шерсти, валенки, чтобы солдатам было тепло на севере, меха, кто-то даже предложил поделиться любовно припасенными мёдом и вареньем, – словом, дети воодушевились вновь, только теперь предметом их чаяний выступили не собственные желания, а бескорыстная помощь тем, кто «оберегал их края». Среди них, впрочем, могли быть и их отцы, давно ушедшие сражаться за королевство. В тот вечер синьорина Вероника была очень горда своими воспитанниками. Не все их идеи о том, как помочь воинам, имели место быть, но она с нежностью выслушивала каждое предложение и хвалила каждого ребёнка, чья душа осталась непорочной даже после того, как самым желанным грёзам было принуждено уступить место исполнению человеческого долга.

Ночью, после колыбельной Вероники дети легли спать. Звёзды мерцали в тёмном ледяном небе над сиротским приютом, тихо падающий снег укутывал избушку белым одеялом. Малыш Карло, лежащий у окна, никак не мог уснуть. Пока другие мальчишки, посапывая, уже видели десятый сон, он всё глядел и глядел на ночной снегопад за окном и размышлял о множестве самых разных вещей. Он думал, что сегодня был самый обычный день; он был похож на все предыдущие и при этом всё равно был одним из самых тоскливых за последнее время.

Постепенно Карло засыпал, но даже сквозь сон он не знал, куда деться от всех этих изнывающих ощущений. Так он и заснул, полный неизъяснимой тяжести в груди.

За ночь вокруг приюта намело огромные сугробы, окна были вовсю разрисованы морозными узорами лавровых ветвей, а все просёлочные дороги Санта-Марции затянуло сверкающей корочкой льда. Деревенские уже проложили к Новому году пути для саней, и уже этим утром вся Санта-Марция – кроме малыша Карло – могла слышать, как звенят бубенцы на проезжающих через всю деревню санях, соструганных местным мастером-дровосеком. Хотя дети каждый год с благоговением ждали, пока проложат санный путь, и каждый раз, завидев проезжающих на санях соседей, восторженно бежали просить их покатать, на сей раз предмет их восторга стало далеко не это. Как только малыш Карло проснулся, он осознал, что один в спальне. Он огляделся, затем осмотрел другие комнаты в приюте и так никого и не увидел.

«Неужели все проснулись раньше меня и куда-то ушли?» – подумал он.

Но стоило ему пройти в главный зал, к очагу, как он увидел, что все дети и синьорина Вероника уже собрались там. Ещё толком не проснувшись, не сняв ночных сорочек, все они из-за чего-то неожиданно всполошились и, тесня друг друга, рассматривали что-то, стоящее прямо возле двери. Из-за всего этого столпотворения Карло не мог понять, что же они там разглядывают, а затем основная толпа детей расступилась, и он наконец-то смог узнать, из-за чего начался весь сыр-бор.

Ночью, пока все дети спали, кто-то оставил у дверей загадочный сундук, а по обе стороны от него – ещё разнообразные пёстрые мешочки, обвязанные лентами, и празднично украшенные корзинки, доверху набитые фруктами, пряниками, сладкими крендельками и ячменным сахаром. Всю эту чудесную, изумительную картину дополняло письмо, гласящее:

«Поздравляю вас с наступающим Новым годом, дорогие дети! В этом году вы все вели себя надлежащим образом и, конечно, заслуживаете вознаграждения. Увы, я не святой волшебник, на чьи подарки вы так уповали, но также могу порадовать вас своими гостинцами. Пожалуйста, разбирайте и угощайтесь!

Ваш друг и верный слуга, Мастер Грёз».

Изумлению и радости не было предела. Синьорина Вероника, немало огорошенная подобными дарами, только просила детей быть посдержаннее, но, как и ожидалось, при виде таких чудесных гостинцев никто не мог сдержать своего ликования, и все спешили разобрать всё-всё, что принёс им таинственный Мастер Грёз.

Среди подарков каждый ребёнок мог найти тот, что предназначался именно ему. Так, для Люции – кожаные туфли с застёжкой в виде звёздочки. Лайковые перчатки с меховой подкладкой – для Марко. Чудесная серебряная – даже не деревянная! – флейта – для Ченни. Набор красок, да не абы каких – а из белых ракушек – для Софии. Очаровательный шейный платок, который переливался, точно северное сияние в ночи, прелестными холодными цветами, – для Флоры; такие платки, должно быть, носили не столько примадонны, сколько сами королевы из чуждадных стран. Резная шкатулка с хранимыми под исписанной орнаментами крышкой тканями, нитками, пряжей и разными булавами, закрепами и украшениями – для Кьяры. Книга в бархатной обложке, с позолоченными страницами и с картинками, которые словно оживали, когда дети заворуженно глядели на них, – для Альберто. Для Луки Мастер Грёз припас нарядную рубашку с искусным, но не слишком броским кружевным жабо, и даже для Петруччо у загадочного дарителя имелся свой гостинец: десять поблескивающих златом червонцев, которые дополняла презабавная подпись:

«И десяти червонцев хватит на новые фишки :) В Новом году ты получишь гораздо больше, если продолжишь хорошо учиться и помогать синьорине Веронике».

Увидев свой подарок, Петруччо расхохотался и даже не смел роптать: он совершенно довольно положил монеты себе кошель, и уже ничто не могло повлиять на его приподнятое расположение духа. Для остальных детей, самых младшеньких Мастер Грёз подготовил разнообразные игрушки, и были среди них и мягкие игрушки из плюша, и куклы из тряпиц, глины и даже фарфора, и несколько игрушечных коней, на которых уже всюю скакали галопом младшие дети.

Малыш Карло, хотя и всё ещё не мог поверить в это чудо, исподволь подглядел, не нашлось ли во всем этом изобилии подарков того, который мог бы предназначаться ему. И правда, как только дети всё разобрали, остался только один единственный кулёк, обвязанный лентой. Развязав её, Карло увидел коробку карандашей из множества цветов и аккуратную стопку бумаги. Он получал подобные дары каждый год и уже разучился всем сердцем радоваться им, но мысленно он всё же вознёс благодарность неведомому Мастеру Грёз.

Позже, вечером того же дня, Вероника раздала детям немного сладостей из его гостинцев. Дети делили между друг другом дольки больших, истекающих соком апельсинов, сладкий цитрусовый аромат которых уже наполнил собою всю избу, угощались имбирными печеньями и попиwali тёплый молочный чай. Таких воистину сладостных вечеров у них уже давно не бывало.

Но что ещё больше изумило их, так это то, что на следующий день тот самый даритель Мастер Грёз сам объявился в их приюте! Едва проснувшись, дети побежали в гостиную, где и встретили этого долгожданного гостя. Он, несомненно, превзошёл все их самые смелые ожидания. Вот, значит, как выглядел знаменитый чудодей из Страны Снов: статный, наряженный как дворянин в одежду, украшенную бархатом и бриллиантами, в золотой театральной маске, он стоял на пороге возле синьорины Вероники и излучал нежный свет, как от десятка зажженных в Новый год праздничных свечей.

– Добро утро, дорогие дети, – улыбаясь, поприветствовал он их. – Можно ли погостить мне, одинокому путнику, в вашем приюте?

Конечно, они не только с большой радостью пустили его в дом, но и всецело окружили его вниманием. Они посадили его у очага и уселись вокруг него, вне себя от очарования. Без конца они задавали его уйму разных вопросов: правда ли, что он из Зазеркалья? Как он узнал, какие подарки они хотят? Знаком ли он с их лесными феями? Правда ли умеет колдовать? Правда ли видит людские сны? Вопросы всё не заканчивались, однако же и Мастер Грёз умело подогревал интерес детей, отвечая на каждый из них загадкой, давая таким образом, давая ещё более интригующий ответ, лишь подстегивающий детское воображение и увлекающий лучше любой сказки на ночь. В конце концов тот, кто сам пришёл из сказочного мира, умел рассказывать их гораздо интереснее, чем о том писалось в книгах. Не раскрывая лишних секретов, поведал Мастер Грёз им о Зазеркалье и о том, какие герои там проживают. Он также удивил детей фокусами с картами, шариками и лентами. Или это было чародейство? В любом случае, дети заворуженно следили за каждым движением Мастера и живо вслушивались в каждое его слово. И Карло, увлеченный Мастером не меньше, чем другие ребята, пытался прочитать по губам, о чем рассказывал их достопочтимый гость, но по большей части он всё же больше наблюдал. Он наблюдал за тем, как поблескивала его золотая маска, как его уст касалась ласковая улыбка, как двигались его ладони в белых перчатках. Всё в нём веяло манящим таинством, и дети, и Карло, и даже синьорина Вероника, хоть и не слишком заметно, были зачарованы его компанией. Младшие детишки прыгали к нему в объятия:

– Мастер-мастер, а дайте маску поносить! – просили они его игриво.

– Прошу вас, как-нибудь в следующий раз. Мне эта маска ещё ой как нужна, – отвечал он и улыбался так мило, что всё этой улыбке можно было простить.

Он даже успел немного поиграть с младшими детьми. Когда они прыгали к нему в объятия, под их залиvistый смех он кружил их в воздухе. Девочки подарили ему несколько открыток – новогодних и даже романтических. Затем он исполнял им на лютне шуточные народные песни, под которые все ребята в приюте плясали и водили хороводы. Весь день, пока Мастер Грёз гостил у них, в приюте звучал смех и звучала музыка, и все соседи, проходя мимо их избушки, гадали: кто же навестил сирот? Такого развесёлого гула ещё никогда не доносились из их приюта. Даже малышу Карло казалось, он слышал отголоски всего этого веселья.

Но наступил вечер, и с Мастером Грёз, как бы то ни было печально, пришлось попрощаться. Всё оставшееся время до сна дети всё без умолку болтали друг с другом, обсуждая ушедшего гостя. Укладываясь ко сну, каждый ребёнок в приюте погружался в грёзы – в грёзы о Мастере Грёз.

Уже следующим утром синьорина Вероника повела всех детей в сельскую церковь, расположенную недалеко от дома мельника и колодца, откуда вела тропинка к лесу фей. Обычно дети неохотно ходили в церковь и всегда понуро шли одной вереницей. Но в этот раз, как только они вошли вовнутрь, они не могли усидеть на месте от трепета и блаженного предвкушения. С большим чувством они вознесли молитвы и богам, и святым волшебникам, послушали чтение священных писаний от лица деревенского проповедника, оставили свои скромные маленькие подношения и уже приготовились побежать обратно в приют. Всякий гадал: может, Мастер Грёз снова навестит их? Может, снова принесёт подарки? На дары святых волшебников дети ещё бесспорно питали свои надежды, но в отличие от их непостижимого духа, дух Мастер Грёз, чужеземца из Зазеркалья, неожиданно оказался куда явственнее и приближеннее. Кроме того, он оказался очень и очень мил.

Действительно, и на сей раз Мастер навестил решил навестить их! Он пришёл вечером, после ужина, и принёс с собой большую праздничную ёлку. На первый взгляд, это была обыкновенная ель с пушистыми тёмными ветвями, какие росли в лесах за холмами Санта-Марции, но в отличие от диких лесных елей, эта не только источала чудеснейшее пряно-хвойное благоухание, но и переливалась и сверкала так, словно бы она была слита из драгоценного камня. Мастер Грёз помог поставить детям ёлку в самое сердце гостиной, а затем, стукнув несколько раз в свой посох, сотворил своё волшебство, и по мановению его руки ёлка стала обрастать шишками, засахаренными орехами, алыми спелыми ягодами клюквы и брусники, звёздами и снежинками. Дети и даже синьорина Вероника воодушевленно наблюдали за этим, с широко раскрытыми глазами. Магия преобразила ёлку за считанные мгновения, но Мастер оставил на её ветвях ещё много свободного места, ведь, как он сказал:

– ... Даже если магия способна воплотить самые смелые фантазии, ничто лучше не сможет преобразить новогоднее деревце, чем те елочные игрушки, что вы, ребята, сделали вашими руками. Дерзайте! Украйте еловые ветви своими творениями, как вам то угодно.

И дети, обрадовавшись, поспешили нарядить ёлку своими самыми лучшими игрушками: снежирами, феями, бантиками и шёлковыми лентами. Затем, когда каждая ветвь была украшена должным образом, Мастер Грёз стукнул в свой посох ещё раз – и тогда всё дерево загорелось десятками маленьких свечек, что вызвало восторженные вздохи всех детей, совершенно замороженных этой праздничной картиной.

Весь вечер, пока горели свечи на ёлке и завывал ветер за окном, Мастер Грёз развлекал детей играми в тесном кругу, а затем, когда дети уже раззадорились, повёл их во двор, где удивил их новым колдовством: откуда ни возьмись во дворе вдруг появились сани! Намного изящнее, чем деревянные сани деревенских, эти были покрыты белым лаком и украшены серебряной крошкой. Всем ребятам хватило места, и, едва все расселись, оживлённые заклинаниями Мастера сани помчались к холмам и под залиvistый детский хохот покатались по хрустящему снегу вниз. Затем снова вверх – и затем снова вниз. И так по кругу.

В тот вечер предновогодние гуляния проходили с небывалым задором... почти для всех. Малыш Карло единственный остался дома. Он застенчиво наблюдал за всеми этими увеселениями, посиживая у окна в избе, и только думал: «Да разве же я могу?..»

Сколько бы лет ни прошло, а он всё ещё робел ступить в этот заманчивый, но такой смущающий мир простых детских забав. К тому же, «разве же он мог» пользоваться столькими дарами Мастера Грёз безвозмездно? Он стеснялся себя перед этим щедрым гостем, как ещё не стеснялся ни перед кем, и всякий раз, когда он случайно поднимал глаза на Мастера, а тот – поднимал глаза на него, сердце Карло ёкало в груди, и он тотчас же отворачивался. Вот и теперь малыш Карло позволял себе разве что только поглядывать со стороны, как ребята резвились, довольствуясь всеми дарами их гостя.

И даже когда дети уже вернулись с прогулки, разгумившиеся и запыхавшиеся, повесили сушиться свои куртки и варежки у печи и расселись, как обычно, в гостиной у очага, Карло остался сидеть в своём уютом уголке, подальше ото всех. Ближе к позднему вечеру началось уже привычное время для историй и сказок. Только теперь сказывала их не синьорина Вероника. Должно быть, впервые за столько лет она позволила себе отдохнуть, присев на кресло возле очага с пряжей, а её место, место рассказчика занял сам Мастер Грёз. Дети все расселись вокруг него, наострив уши, и принялись слушать. Малыш Карло, даже не пытаясь всмотреться в то, что говорит Мастер Грёз, рассказывая свои сказки, старался не обращать на это никакого внимания. На сей раз Карло не знал, о чём он рассказывает. Сделавшись невидимым, он только тихо рисовал своими новыми карандашами. В его рисунках оживали феи, прелестные крохотные создания с крылышками, и облака, похожие на овечий пух, и ягодные, ореховые рощи. Он мог рисовать бесконечно, его совершенно ничто не отвлекало. Даже напротив, рисуя вторя своему воображению, он с головою погружался в свой маленький мир, такой же тихий и невидимый, как и он сам, и никакие сказки, даже рассказанные каким-то там господином из Зазеркалья, не могли соревноваться с его собственными фантазиями, которые когда-то были привнесены в его мысли старшим братцем, лучшим фантазером из всех, кого он знал. Может быть, даже лучше, чем Мастер Грёз.

Но наступила ночь, и всем увеселениям принуждено было прекратиться. Мастер попрощался с детьми, каждого из них – кроме спрятавшегося малыша Карло – он обнял и пожелал наилучших новогодних поздравлений. Вдруг все эти прощания вызвали у детей чувство нарастающей печали: всё выглядело так, словно это было прощанием навсегда. Казалось, уже на следующее утро вряд ли Мастер навестит их. Подобные предновогодние чудеса не могли долго продолжаться, с этим ребята могли только смириться. Пожелав друг другу спокойной ночи, поздравив друг друга с грядущим Новым годом, все маленькие обитатели сиротского приюта синьорины Вероники разошлись по своим спальням, укутались в теплые одеяла и, погасив свечи, предались ночным сновидениям. Малыш Карло лёг спать со всеми, но в отличие от остальных детей, он не смог так же быстро заснуть. Он лежал на спине, чувствуя, как ноет его ушибленная нога, вспоминая, как резвились дети за окном, как они радовались подаркам и играм Мастера Грёз, и ему снова, вот уже в который раз перед сном становилось так тоскливо на душе, что он не засыпал до самой глубокой ночи. На сей раз он это случилось в полночь. И хотя он точно осознавал, что заснул, он так и не окунулся ни в одно сновидение. Вместе этого в одночасье с ним случилось то, что он не мог бы себе представить даже в самых смелых фантазиях.

Когда весь мир, казалось, погрузился в глубокую дремоту, сквозь сон малыш Карло ощутил, как ночь вдруг стала медленно растекаться. Она стала таять подобно льду, всё меньше становясь похожей на саму себя. Комната, где находилась его кровать и кровати других мальчиков, где находились сундуки с их пожитками и стояли на прикроватных тумбочках потушенные, облитые воском свечи, и где находились сами мальчики, укутанные в одеяла, и полночный месяц за окном, восставший над всей деревней Санта-Марция в своём дымном серебристом

венце, нежный свет которого струился по холмам и касался дремлющих рощ и лесов, – всё это начинало медленно-медленно исчезать, утекая и уходя вовне. Уже в смутной полудреме малыш Карло чувствовал, что он и сам находится где-то за гранью. Это уже была не его кровать, не его спальня, не его приют, не его деревня и даже не его мир. Возможно, он и сам уже был кем-то чужим для себя. Этого нельзя было описать словами, таких слов не бывало ни в одном из языков. Это нельзя было слышать, видеть или осязать; можно было лишь ощутить глубинами духа. Проникнув в них, что-то мягко повлекло его, и он наконец открыл глаза. Его руки и ноги ещё были объяты теплым сном, его сознание ещё не до конца пробудилось, но он уже понимал и отчетливо видел, что он не здесь. Он не там, где когда-то заснул. В этом обволакивающем мире он не мог понять кто он, где он, что находится вокруг него. Он не примечал ни единого знакомого образа или силуэта. Вокруг не было сопящих мальчиков-соседей, не было их кроватей и сундуков... Вокруг были одни лишь чудеса.

Ночь стала одним сплошным мгновением. Нити сна мириадами тянулись сквозь пространство и время, смыкаясь на Карло и проникая в самые недра его души. Которая, всё ещё робея, однако, уже постепенно начала открываться этому неизведанному миру. До того, как он успел ступить вперед навстречу новому мгновению, его встретила карнавальная маска, блеснувшая золотом в бескрайней синеве чудесного сна. Вслед за маской Карло увидел протянутую руку, одетую в белую перчатку. Мастер Грёз предлагал помочь ему сделать этот важный первый шаг, который определит весь его дальнейший путь, вместе. И Карло протянул ему руку в ответ.

Он шагнул вперед и сразу осознал, что его ушибленная нога больше не болела. Ушиб прошёл, он даже попрыгал на ней и не ощутил никакой боли. Изумленный, он повернулся к Мастеру Грёз, указывая на исцеленную ногу, пытаясь донести до него свой вопрос: «Как? Как так у меня всё зажило?» Но Мастер Грёз только мягко улыбнулся.

– Юный синьор, в этом мире вы не обязаны хранить молчание. Позвольте себе наконец высказаться и услышать голос своего сердца.

Поначалу Карло не понял, что он имеет в виду. Только чуть погодя он действительно ощутил в себе неожиданный порыв – как будто то, что затаилось у него в сердце, поддели крючком и потянули наружу, извлекая из самых потаенных закровов.

– Моя нога... больше не болит. – Он произнёс это своим голосом сначала тихо, затем повторил, уже трепетно, задрожав от волнения: – Не болит. А я... я говорю! И это мой голос?..

От трепета всё его тело проняло благодатным огнём. Он никогда такого ещё не испытывал. Его собственный голос ощущался им как нежное прикосновение вод – как тогда, когда в священной роще он касался кончиками пальцев хрустальной воды в роднике. Или как пряный хвойный аромат леса, где он так часто искал приключения. И как теплый молочный чай, которым он лакомился в предновогодние вечера – *так* он ощущал свой голос. Малыш Карло произнёс ещё несколько всё тех же слов: «Нога больше не болит. Моя нога не болит...» Он наслаждался своим голосом, коий звуча так просто, чисто, ясно, тем не менее вновь и вновь приносил ему непостижимое удовольствие.

– Почему же я говорю? – только всё никак не мог уразуметь он. – Как такое может быть? Это магия?... магия фей? Или твоя?

Мастер Грёз улыбался, держа малыша за руку.

– Если это и магия, то вы её творец. Я лишь веду вас по этому пути.

– Но куда ведет этот путь? В Зазеркалье? Туда, откуда ты явился? – всё расспрашивая Мастера, он будто бы пробовал каждое произнесенное собою слово на вкус и, хотя он ещё не мог привыкнуть к мысли, что он говорит вслух, смаковал каждый звук, произносимый своим голосом. А Мастер тем временем отвечал в своей привычной манере – загадками:

– Называйте, как вам угодно, юный синьор. Вы хозяин этого мира. Не я.

– В самом деле? Но ведь этого не бывает... это создал ты.

– О нет. Это создал не я, – заверил Мастер. – Это место бытовало всегда – в ваших грёзах, снах, словом, – в вас. Вы просто никогда не отдавали себе в этом отчёт, но уверю вас, вы знали. Душой, не разумом. Что ж, – сказал он и, стукнув посохом по неведомой глади, сотворил дверцу, сплетенную из нитей сна; за нею мигал, проникая через шелку, привлекательный теплый свет, – хотели бы вы совершить небольшое путешествие по вашему дивному миру?

Малыш Карло опешил.

– А ты? Будешь со мной? Мне страшно...

– Бояться нечего. Разумеется, я буду с вами.

– А можно... можно я буду говорить? Я имею в виду, своим голосом. Сам.

– Пожалуйста, юный синьор, – вновь улыбнулся Мастер, с милостью и пониманием. – Говорите сколько угодно, я буду рад вас выслушать.

Вдохновенный огонёк, зажегшийся внутри малыша Карло, ещё пуще возгорелся от этих слов. Неведомый мир снов манил его так же, как манил священный лес фей, но на сей раз он чувствовал всем своим нутром, что это путешествие выйдет гораздо более приятным, чем бесплодные прогулки по рощам. Теперь с ним Мастер Грёз. Прежде вызывающий в малыше Карло стеснение, сейчас он казался ему самым лучшим его другом, и он без опаски доверился ему – крепче ухватился за его руку и ступил за ним в приоткрывшуюся зачарованную дверцу – навстречу грёзам.

Там, в Стране Грёз он первым делом увидел сани, парящие меж нежно-лиловатых просветов, залитых лунным мерцанием. Это чем-то отдаленно напоминало ночь в Санта-Марции: над головою всё также светила луна, звёзды купались в её бледноватой дымке и по всем долинам располагались те же холмы, устланные волшебной белоснежной пылью, но Карло чувствовал, что это лишь отражение и он на самом деле не в своей родной деревне, а попирает сказочную землю – сокрытую от всех взоров, запрятанную за кулисами иллюзий, снов, фантазий, мимолетных грёз и трепетных мечтаний землю Зазеркалья. Вот уж не думал он, что хоть когда-нибудь окажется здесь и что эта сокровенная страна окажется так похожа на то, что он представлял, когда сам погружался в фантазии, и что зазеркальные просторы окажутся так милы его сердцу. Он сразу же проникся этими видами и с радостью сел в пригнанные к нему чародейные сани. Санний путь распростерся перед ним как млечная дорога; она тянулась вперед, в неведомые глубины сна, и стоило Мастеру Грёз применить заклинание своим подручным посохом, как сани тронулись и легко помчались по этой дороге, через всю долину Зазеркалья. Пока они ехали, Карло всецело наслаждался поездкой, слабый морозец игриво, но бережно щекотал его щёки, но это было приятное чувство: тем более, что изнутри Карло поныне согревал огонь вдохновения, разливающий тепло по всей его груди.

Дальше дорога шла ввысь. Сани поднялись и скользнули по воздуху, отталкиваясь от низко плавающих сливочных облаков, проносясь мимо созвездий, проникая сквозь заоблачную синеву, которой не было конца и края, сквозь переливающиеся пламенным изумрудом северные сияния, уходили всё дальше вдаль, в туманные пространства, и всё это под задорный звон бубенцов. Малыш Карло наблюдал знакомые образы, маленькие детали и вещи, мгновенья, и ему казалось, что он уже когда-то видел это, чувствовал, но однажды потерялись в его душе, забылись или спрятались за обыденными, злободневными мыслями, которые имеют обыкновение затемнять даже самые незначительные грёзы. Теперь же ничто не препятствовало ему всецело наслаждаться этой фантазийной поездкой. На протяжении всего пути его лицо освещалось восторженной улыбкой, и в одночасье, не в силах сдерживать своё воодушевление и довольство, он рассмеялся и тогда впервые узнал, что это такое – смех. Он даже не знал, что умеет смеяться. Возможно, когда-то он и мог усмехнуться, выдать тихий смешок и сразу же забыть о нём, однако на сей раз смех его был полноценный, звонкий, залиvistый, каким ему и полагалось быть.

– Это что, я так смеюсь? – отсмеявшись, спросил он Мастера. – Это взаправду мой смех? – И после этих слов залился ещё большим хохотом. Только когда он засмеялся, он в полной мере ощутил себя освободившимся. То проклятье безмолвия, что наложили на него ещё до его рождения, наконец-то было развеяно, и это принесло Карло несказанное удовольствие, какого он не испытывал ещё ни разу за свои тринадцать лет. Он продолжал смеяться, почти со слезами на глазах. – Ах-ха-ха, как же это чудно, но как же приятно! Мой смех, он даже звучит смешно! Я бы смеялся всегда, если бы слышал себя. А ты? – обратился он к Мастеру Грёз рядом. – Посмейся тоже!

Мастер только выдал легкую усмешку, которая тем не менее звучала так же приятно для слуха Карло, как и его собственная.

– У тебя тоже красивый смех! – сказал он.

Мастер польщённо, даже с лёгким, умильным смущением улыбнулся и поклонился в знак благодарности.

Затем сани дрогнули и помчались наверх, прямиком к небесным чертогам. В далекой вышине, на облачном острове стоял великий дворец, путь к нему пролегал через мост, раскинувшийся над затянутой туманом бездной. Вход в небесный чертог сторожили молчаливые великаны в накидках из пушистых облаков. Они перекрывали ворота к мосту перекрещенными секирами, но, увидев приближающиеся сани Мастера Грёз, они открыли путь, и вскоре взору малыша Карло представилось всё великолепие убранства дворца. Сотни башен, выточенных из горного хрусталя, увенчивали его, на крыше каждой башни мигали звёзды, а по обе стороны протянулись ажурные галереи с витражами, отражающими деяния сказочных и легендарных героев. Как только Карло вошёл в чертог, он увидел то, о чём когда-то столь увлеченно рассказывал старший братец – настоящий пир в облаках. Здесь, под хрустальными сводами дворца, пировали, шумели, веселились самые разные герои: песочники, нимфы, ангелы, волшебники, древние кудесники, домовые, добрые привидения и призраки. Сказочный бард исполнял на лютне бодрые песни для танцев, по всем залам дворца растекалась музыка веселья и беззаботности. Посреди самого большого и людного зала располагался стол, уставленный всевозможными яствами и тысячами горящих свечей, а по обе стороны от стола бились фонтаны: в них пирующие герои зачерпывали ложками сбитые сливки, добытые с облаков, теплое сладкое молоко и оршад. В сердце стола возвышался пышный пирог, обсыпанный сахарной пудрой и украшенный узорами из заварного крема. Все угощения, коими наполнился пиршественный стол, были сделаны, добыты, собраны с облачных долин – всё так, как и завещал старший братец. А до чего чудесно было слышать, как потрескивают поленья в костре, пылающем в очаге! Карло наслаждался и голосом огня, и песнями, исполняемыми бардом и подпеваемыми сказочными героями. Восторженный всеми этими звучаниями, он всё крепче сжимал ладонь Мастера.

– Вы слышите эти звучания каждый день? – спросил он с трепетным волнением и трогательной улыбкой. – Я завидую вам. Если бы я только мог слушать это каждый день... я был бы так счастлив. Если бы я мог слышать свой голос, слышать голоса вокруг меня, я был бы счастлив!

Герои сказок приветствовали малыша Карло с большим радушием – поднимали кубки в честь его прибытия, встречали его рукоплесканиями, а прелестные нимфы, облаченные в шелка и расписную парчу, взялись проводить его к пиршественному столу. Малыша Карло усадили за один стол вместе с домовыми и ангелами, которые в свою очередь услужили гостю тем, что подали ему наполненный прохладным нектаром кубок и поставили перед ним блюдо с кусочком аппетитного пирога. Отведав угощений, затем Карло был приглашен на музыкальное представление, исполняемое бардом. Все сказочные герои пританцовывали и подпевали звучащим на пиру песням, и Карло, хотя и слышал эту музыку впервые, уже заведомо знал слова и мелодию, точно эта музыка уже когда-то играла для него. Это, конечно, было невозможно, но почему-то ему казалось, что он уже определенно её где-то слышал. Быть может, она всегда

едва слышимым эхом отзывалась в его сердце? Как бы то ни было, слушать её было сплошным удовольствием: словом, мёд для ушей.

Пиршества в небесных чертогах продолжались бесконечно, но даже несмотря на то, что Карло наслаждался ими, ему не терпелось двинуться дальше в путь, и тогда они с Мастером Грёз сели обратно в сани и помчались с заоблачных долин напрямик вниз, к священным лесам. В Зазеркалье лесное королевство манило малыша Карло ничуть не меньше, только теперь он мог ещё и *слышать* этот зов, который был сложен из искуснейших рулад вод, что струились в родниковом ручье, и шепота ветра, играющего в вершинах еловых деревьев. Лес, покрытый блестящими и хрустящими снегами, также тепло встречал Карло. Открывая путь в лесные глубины, ветви расступались перед едущими саними, приветливо щебетали птицы. Возле ручья, под шапочками снега, Карло увидел кусты дикой черники и тогда попросил сани ненадолго остановиться. Он самозабвенно потянулся, чтобы сорвать немного ягод, но как только он коснулся их, сразу же обернулся к Мастеру и спросил:

– Можно?

Мастер Грёз лишь с улыбкой кивнул. Малыш Карло сорвал несколько иссиня-черных крупных красивых ягод и робко вкусил их. Как он и предполагал, в зазеркальном мире даже дикая черника была невообразимо вкусной, сочной и сладкой. От неё даже не пачкались руки, до чего она была прелестна. Малышу Карло хотелось бы навсегда запомнить этот дивный ягодный вкус. Но и это было ещё не всё.

Мгновением позже сани продолжили свой путь через весь лес, и Карло вместе с Мастером Грёз очутились в глубине лесной чащи, где под ветвями плакучих ив с их заиндевелившими кудрявыми листьями пряталось озеро, пронизанное лунным светом. Ледяная луна склонила свой лик, отражаясь в чаше его спокойных голубых вод. Эта луна была почти такая же, как и в Санта-Марция, но сияла как-то необычайно чарующе; она обладала своей магией и, казалось, до неё легко можно было дотронуться рукой, как и до звёзд, мерцающих в её ореоле. Малыш Карло только едва потянулся рукою к звёздам, как вдруг одна из них содрогнулась и, как пуговка на пальто, оторвалась и с очаровательным звоном соскочила к нему в протянутую ладонь. Он поймал этот маленький сверкающий камешек, окаймленный серебристой посыпкой. Он был ещё теплый и, переливаясь, светился в его ладонях. Когда звезда остыла, она стала похожа на горный хрусталь – в самом деле, так он себе всё и представлял. Старший братец был прав, звёзды падают с небес и их можно поймать! Наконец-то малыш Карло смог увидеть, почувствовать, услышать то, о чём он рассказывал.

Возле озера в лесу расстился прекрасный благоуханный луг, который весь искрился, словно блестящими драгоценными камнями, опавшими с неба звёздами. Маленькими пуговичками они тут и там лежали в травах, в снегу, в зимних цветах, а собирали их никто иные как настоящие феи! Спустя столько времени ожидания малыш Карло узрел их: это были крохотные создания, темные и светлые, наряженные в платья из листьев и пыльцы, с крыльями как у мотылька и с огоньком как у светлячка. Их дома находились в дуплах, под кустарниками, в пушистых еловых ветвях. И была среди них и фея, о которой когда-то рассказывал старший братец – та, что жила под орешником в священной роще. Эта смуглая маленькая фея сейчас собирала вместе со своими сёстрами опавшие звёзды на лугу. Другие феи, озерные, раздетые в листья из водяных лилий, собирали звёзды со дна озера, плескаясь в его приласканных лунным светом водах. Работа для фей шла своим чередом, но, увидев малыша Карло в сопровождении Мастера Грёз на сани, они отвлеклись ненадолго от своих занятий и дружелюбно встретили гостей. Тут и там слышались их тонкие голоса, подобные перезвону колокольчиков на сани: «Здравствуй, малыш Карло! Здравствуй! Добро пожаловать! Проходи! Будь гостем!» – он слышал это со всех сторон и был, помимо прочего, немного озадачен такими теплыми приветствиями.

– Вы не держите зла на меня? – задался он вопросом. Дотоле ему казалось, что феи всё-таки не любили его и никогда не смогли бы его простить за то, что он когда-то в прошлой жизни посмел их чем-то обидеть. Он, конечно, не помнил, чем именно обидел их, но уже давно смирился со своей судьбой. Но теперь, видя, как радушно его встречают эти чудесные создания, ему было невдомек: неужели они всё-таки простили его?

– Как мы можем на тебя обижаться? – отвечала ему фея. – Ты же наш друг!

– Мы рады, когда ты приходишь к нам в рощу, – отвечала ему вторая. – Но так уж вышло, что нам нужно прятаться, чтобы жить спокойно и охранять лес от настоящих злых духов и людей со злыми помыслами.

– Мы не можем показываться даже таким хорошим ребятам, как ты. Уж таково наше житье-бытье! – отвечала третья.

– Но сейчас вы не скрываетесь, – заметил Карло.

– Потому что здесь всё иначе. Мы дети грёз и мечтаний, а в этом мире они живут свободно. Вот и мы свободнее.

Как маслом по сердцу прозвучали для Карло эти слова.

– Я так рад... – вымолвил он, чувствуя неизъяснимое облегчение, успокоение. – Вы не злитесь. Я боялся, что я виноват, и так долго корил себя... но всё хорошо. Я рад, что всё-таки ничем вас не обидел.

– О, бедное дитя! – Желая утешить его, феи подлетели и обняли его крохотными ручонками за пальцы, присели к нему на плечи. – Не переживай, малыш Карло. Ты ни в чем не виноват.

Как давно он желал это услышать. Именно услышать из чьих-нибудь уст. Бремя вины наконец стало потихоньку спадать с него, и утешения фей помогали ему достичь этого сладостного умиротворения, гармонии со своим сознанием, привыкшим считать себя проклятым. Но раз уж сами феи заверяли его, что он не виноват, он поверил в это, и душа его воспарила от легкости. Перед тем, как снова сесть в сани и умчаться в путь, он помог феям собрать немного звёзд с луга и озера, а затем напоследок ещё раз обнял их и только потом вновь уселся в сани, и скользя по снежной лесной дороге, они устремились дальше – ввысь, к пастушьим холмам.

По холмам в Зазеркалье также бродили стада белых овец. Только теперь казалось, что шерсть их была сделана из самых настоящих облаков – настолько она выглядела воздушной и мягкой. Иногда, пока Карло пас овец, он воображал, как бы было причудливо состричь их пух, как если бы он действительно был сделан из облачной мягкости. И вот чудо – на холмах зазеркальной Санта-Марции паслись именно такие овечки! Едва Карло дотронулся до них, он ощутил этот нежный, воздушный пух. Овцы отскакивали от земли и вспархивали ввысь подобно маленьким пушистым облакам, прыгающим по холмистым долинам. Карло засмеялся, видя всю эту забавную картину. Следом же он заметил и пастуха, такого же, какого он и знал наяву. Он пас овец, стоя поодаль, как всегда одетый в меховую накидку, держащий свой пастуший посох с колокольчиками. Однако на сей раз взгляд его был намного дружелюбнее и любезнее, чем обычно. Как только пастух завидел Карло, он даже приветливо улыбнулся ему, чего Карло никак не ожидал: он думал, старик и вовсе не умел улыбаться. Но что удивило Карло ещё больше, так это то, что пастух наконец с ним заговорил.

– Привет, малыш Карло, – сказал он своим старческим голосом. Карло округлил глаза от удивления.

– Вы разговариваете? – ахнул он. – Со мной? Вы всегда молчали...

– Ну, таков уж я, – смутившись, ответил пастух. Карло никогда не задумывался, но, может, этот пожилой человек на самом деле молчал не от своего строгого, холодного характера, а просто потому что – ровно так же, как и сам Карло – имел стеснение что-либо сказать? Может, та черствость, на которую сетовали дети и другие деревенские, на самом деле скрывала его чувствительную душу, его истинную душевную робость? Тогда Карло отлично пони-

мал его. И теперь ему стало даже немного совестно, что он смел обижаться на пастуха за его неприветливость. В конце концов он был одиноким человеком, и, конечно, ему тоже было по-своему тяжело.

Но встретив Мастера Грёз и малыша Карло, он пригласил их к себе в хижину погреться. В подтопке горели, потрескивая, поленья, на маленьком сосновом столике стояли чашки чая, предложенного гостям. Стоило хозяину-пастуху лишь спросить «как дела», как Карло загорелся желанием всё-всё ему рассказать, поведать о своих приключениях наяву и во сне, он был готов пользоваться своим неожиданно обретенным голосом вдоволь, пока не угасла эта прекрасная возможность. Мастер Грёз также сидел и выслушивал его. Хоть и незримо, почти не ощущаемо, но он всегда был рядом и поддерживал малыша Карло. Тот в свою очередь, беседуя со стариком, всё никак не мог наговориться; всё болтал и болтал без умолку, и старик ему даже, бывало, отвечал, что только больше раззадоривало Карло. Радующие этого человека согревало его, и, как оказалось, не только ему была эта компания столь приятна. Когда Карло наговорился, пастух вдруг сказал ему:

– Малыш Карло, я никогда тебе этого не говорил, но ты должен знать... – с нерешительностью начал было он. – Понимаешь ли, ты самый милый моему сердцу ребёнок в этой деревне. Мои внуки оставили меня, сельские дети воруют от меня нос, а ты один всегда приходишь ко мне и рад попасть со мной моих овец. Понимаешь, мне очень одиноко. Даже когда мы молчим друг с другом, я просто счастлив знать, что ты рядом.

– Так значит, вы всегда рады меня видеть? – растроганно спросил Карло. – А что же тогда хмуритесь?

Пастух растерянно пожал плечами.

– Привычка. Характер такой.

Карло улыбнулся пастуху с утешением.

– Я тоже рад пасти с вами овец. Даже когда мы оба молчим. Я всё равно же вас не услышу, зато мы оба вместе. Я всегда боялся, что вы меня не любите. Вы всегда молчали со мной, я боялся подать знак, что я рядом. Мне нравилось быть с вами, но я так боялся, что это не взаимно. Почему вы не могли сказать? Мне было бы приятно.

– Прости уж меня за такое поведение, но иначе не могу, – только вздохнул пастух. Карло стало его жаль, он положил свою ладонь поверх его и заглянул ему в глаза, сокрытые в старческих морщинах.

– Не переживайте, я вас понимаю. Я буду знать, что вы на самом деле чувствуете. Может, я даже всегда об этом знал... и понимал вас.

Старик с благодарностью улыбнулся ему в ответ. Наконец-то всё стало на свои места. Малыш Карло наконец подружился со старым пастухом, о чём всегда подспудно мечтал. Но задерживаться у него было уже невежливо. Тем более, что приключение продолжалось, и теперь Карло не терпелось увидеть в этом зачарованном мире Зазеркалья свой родной приют. Когда они с Мастером Грёз спустились с пастушьих холмов вниз, Мастер спросил:

– Как вы, юный синьор? Не устали?

– Нисколько не устал, – право, бодро ответил Карло. – Все хорошо. Я хочу ещё заглянуть в приют к ребятам. Что они скажут, когда услышат мой голос? Уверен, Петруччо и Альберто разинут рты от удивления, а Флора, может, даже в обморок от этого упадет!

По желанию малыша Карло сани помчались с холмов по лесной дороге напрямик к приюту синьорины Вероники. Родная избушка всё так же стояла, припорошенная снегом, и во дворе лепили снеговика мальчишки Петруччо, Ченни и Альберто. Завидев Карло, они радостно помахали ему и прокричали, зазывая: «Привет, малыш! Айда с нами!» Карло не поверил своим ушам. Однако не преминув, он, обрадованный приглашением, тотчас спрыгнул с саней и помчался к мальчишкам во двор. Он никогда ещё прежде не принимал участия в их забавах. Напротив, он всегда считал это недостижимой для себя возможностью. Но в мире

снов всё было иначе, и мальчики были рады его компании. Все вместе они взялись складывать из снежных комков снеговика. Снег был удивительно приятным на ощупь, шарики получались идеальными и добротой крепились друг на друге. Затем, после того, как снеговик был достроен, началась игра в снежки. К ней присоединились и другие ребята из приюта: Марко, Лука, Лючия, Флора, София, Кьяра и Аньола. Все смеялись, резвились, и Карло смеялся и резвился вместе со всеми, наслаждаясь бодрой игрой и при всём при этом испытывая наслаждение и от своего голоса, звонко смеющегося в единении с другими детскими голосами. Он много раз представлял себе, как будет счастлив, когда другие ребята примут его, но все эти бесплодные фантазии не шли ни в какое сравнение с настоящими чувствами, тем доподлинным упоением, которое он испытал от самых простых детских увеселений.

Наигравшись, дети собрались вернуться обратно в избу. Варежки и валенки уже промочили от снега, все щеки разрумянились от мороза и веселья. Болтая друг с другом и продолжая шутить и игриво болтать друг с другом, и мальчики, и девочки уже дошли до порога приюта: отворили дверь, вошли вовнутрь, и их облики скрылись... малыш Карло остался позади. Улыбка медленно спала с его лица, растворился его прежде громкий, свободный смех. Ему вдруг стало так не по себе, что он не смог ступить и шагу в сторону приюта. Он так и не поспел за ребятами, оставшись стоять в одиночестве во дворе. Он замер, преисполненный самых разных чувств, скопившихся в нём и смутивших его. И сам за то не ручаясь, он вдруг почувствовал прохладу слёз на своих ресницах. Одна за другой его слёзы стекали по его лицу и капали вниз. В это мгновение Мастер Грёз неожиданно возник рядом.

– Ну вот, – с досадой произнёс он. – За всё наше приключение я много раз видел вашу улыбку и слышал, как вы смеялись, и потому мне казалось, вы рады нашему пребыванию здесь. А теперь вы плачете. Что же вас так опечалило, юный синьор?

– Прости, – извинился малыш Карло, отирая слёзы рукавом. – Я всего-навсего задумался... и осознал, как всё это на самом деле далеко от меня. Все эти радости, всё это время, проведенное здесь. Это было чудесно, правда чудесно, и хочу сказать тебе большое спасибо, что привел меня сюда и показал всё-всё, что есть в этом мире! Но... ведь это всё не по-настоящему, правда?.. – спросил он, заглядывая в виднеющиеся из-под золотой маски тёмные, глубокие глаза Мастера Грёз. В них всё ещё читалось сочувствие.

– Что для вас значит «настоящее»? – ввернул тогда Мастер.

– «Настоящее» – то, что действительно происходит в жизни. Чего от неё ждать. Ведь я так и останусь глухим, как только вернусь обратно. Я больше не услышу своего голоса, своего смеха, звона бубенчиков и голосов фей. Я не услышу, как горит огонь и как плещется вода. Не услышу музыку и не смогу спеть. Я так и останусь беспомощным глухим мальчиком... а я так устал быть таким. Знаешь, у меня когда-то был старший братец в приюте... славный мальчишка, да только слишком говорливый. Да и выдумщиком он был заядлым, постоянно фантазировал да сочинял всякое. Мне так нравилось быть с ним, мне даже казалось иногда, что я его слышу, и мне это очень, очень нравилось! Но вот однажды он ушёл из приюта. Покинул нас всех и меня тоже. Раньше я обижался на него за это, а теперь понимаю, что он был достоин большего, и он мог себе позволить не просто мечтать, а идти навстречу чему-то большему, чем просто наш приют и даже наша Санта-Марция. Он был так умен, он умел слышать, и я верю, что он всего достиг, чего мечтал. Мне верится, что он, быть может, стал каким-нибудь великим мастером своего дела. А я... куда мне? Я даже мечтать о таком не могу. Каждый день мне всё тяжелее верить в то, что всё будет хорошо. Я глух, я сирота, я почти ничего не умею, мне так много всего нельзя. Я одинок... единственный друг, который у меня был, уже давно ушёл из приюта. А куда мог бы податься я, будь я на его месте, будь я свободен? Мне совсем некуда идти, никому не нужен глухой мальчишка. Я не уверен, что до того, как я вырасту, меня приютят какие-нибудь взрослые. Меня вряд ли когда-нибудь усыновят, так что

мне просто придется ждать взросления. А меня это так пугает, так тревожит! Понимаешь? И феи не снимут с меня проклятья, не утешат, и добрый волшебник не наколдует мне хорошей судьбы. Ах... от всего этого каждый день хочется плакать. И даже сейчас, здесь, после всего, что ты мне показал... от этого ещё печальнее.

Он снова пролил несколько слёз, но на сей раз Мастер Грёз отер их ему.

– О, юный синьор, – нагнувшись к нему, ласково произнёс Мастер, смахивая слезы с его лица. – Откуда такой мрачный взгляд на мир?

– Как же мне не быть мрачным, если всё, что я могу, это наблюдать? А когда постоянно только наблюдаешь, волей-неволей так и заметишь изъяны да всякие грешки вокруг.

– Вы не обязаны зависеть от своих мрачных мыслей, предубеждений, и необязательно заранее предрешать себе горе в жизни, поскольку вы ещё слишком малы – не обижайтесь на меня за эти слова – вы малы, а потому можете насладиться снами и мечтами вволю. Я помогу вам в этом. Поэтому пожалуйста, не теряйте надежду.

– Но ты исчезнешь! – продолжал кручиниться Карло, всё никак не утешаясь. – Сны исчезнут, мой голос пропадёт. Всё это – как конфета, которую тебе дали в середине дня. Потом её хочется ещё больше, но нельзя себе больше позволить её. Так что мир остается прежним, феи не появятся и не вернут мне мой слух. Мне и останется только глядеть на всё подряд, опять ждать и наблюдать и так ещё долго?

– Мир поистине останется прежним. Но всё будет хорошо, ведь юный синьор нужен миру так же, как и мир нужен ему. Вы умеете ценить, созерцать мир с открытым сердцем, вы, сами того не осознавая, на самом деле любите этот мир, и тогда мир любит вас – таков закон бытия. Так устроено и в Зазеркалье. Покуда мы ценим, мы и ценимы.

Малыш Карло совсем поник, перегруженный всеми досадливыми мыслями, и даже не смог ничего ответить. Тогда Мастер Грёз вздохнул.

– Моя речь, кажется, вас не смогла хорошо утешить, – попытожил он и, взяв свой посох, заманчиво сказал: – Тогда позвольте мне немного... скажем, поколдовать?

Малыш Карло одобрительно улыбнулся сквозь слёзы. Мастер Грёз подождал его встать с ним рядом. Как только он стукнул посохом, начав медленно произносить слова заклинания, та сновиденческая вечность, что тянулась через все Зазеркалье, озарилась мягким голубоватым светом, искрящимся блеском падающих с неба звёзд. В этот момент родные просторы Санта-Марции казались растворенными в призрачном сиянии, открывая взор на бескрайние просторы сновидений. В этом пространстве не было границ и стен, в переливах северных сияний лишь звучало эхо забвенных времён. В этом сиянии волшебства Мастер Грёз нежно, приобнял малыша Карло. Он ощутил тепло.

– Закрой глаза, малыш Карло, – произнёс голос Мастера. – Тот, у кого душа тянется к мечтам, слышит музыку вечности. Ты уснешь, но этот мир будет жить в тебе вечно. И пусть он благоденствует, пока жива твоя вера в себя и вера в чудо. – И затем облик самого Мастера Грёз стал медленно-медленно исчезать, так, что даже ловкие руки Карло не могли его ухватить. Прозвучало лишь последнее пожелание: – Сладких снов, малыш Карло.

И в одно лишь мгновение мир снова вернулся на круги своя. Сияние иссякло, все звёзды опали с небес, всё Зазеркалье растаяло, превратившись не более, чем в сон. Малыш Карло пробудился в своей кровати; в спальне с другими мальчиками, с их сундуками, приставленными к изножьям, в лучах восходящего солнца, загоревшегося свечей над холмами и заснеженными предгорьями и коснувшегося священных рощ фей своим золотом. Все было так, как и должно было быть... но почему-то проснулся Карло со слезами на глазах. Прохладные капли слез оросили подушку. Пока мальчики ещё дремали, Карло уже встал и сел на краешек кровати. Хотя слезы и застыли в его глазах, он не чувствовал больше печали. Неведомо откуда прилетел к нему полупрозрачный, сотворенный из лунного света бледный мотылёк – зазеркальный... И тогда малыш Карло улыбнулся. Мотылёк присел к нему на кончик пальца и напомнил о том,

что осталось в глубоком мире его грёз и чаяний. Может, всё-таки этот мир был не так уж и далек?

Великий кукольник Джанмария ди Геццо

Наконец, после стольких скитаний, неожиданных появлений то тут, то там Мастер Грёз объявился в известном своим великим очарованием городе Чарманто, в столице королевства Лив, где о недавнем чудотворчестве Мастера знали пока лишь понаслышке. То был воистину *королевский* город. Санта-Марция по сравнению с ним – лишь маленький клочок земли, усыпанный хижинами и крестьянскими избушками как небо звёздами, а Чарманто же в свою очередь был колыбелью всевозможных изысков, о которых такие как малыш Карло и остальные деревенские сироты синьорины Вероники могли только грезить во снах.

Мастер Грёз появился в Чарманто впервые в гостях у человека, известного на всё королевство как Великий кукольник Джанмария ди Геццо. Так же как и лавочник-скрипач Никола д'Андреа, он владел своей лавкой, а жил со своей юной дочерью в доме, сопряженном с торговым залом. В конце извилистой улицы Старого города его лавка, прозванная «Кукольной лавкой ди Геццо» была самой видной. За её витринами красовались и самые разные прелестные, любовно наряженные куклы – тряпичные, фарфоровые, глиняные, деревянные в искусных одеяниях из дорогих тканей, бахромы, кружева и бархата, – и театральные марионетки, и щелкунчики, и другие игрушки, вроде множества оловянных солдатиков, сувенирных мышек, кроликов, пони и бравых скакунов, фигурок подвешенных на блестящих ниточках фей, ангелов, гномов, принцев и принцесс, королей и королев, известных героев сказок, божественных нимф, чародеев в колпаках и с волшебными палочками, – даже сама фигурка Мастера Грёз, с золотой маской, в цилиндре и чудном тёмном плаще, имела за витринами. Впрочем, любой ребенок мог найти себе игрушку или куклу по душе в лавке Джанмарии ди Геццо, и это выделяло её среди всех остальных в Чарманто.

Кроме того, был Джанмария и в некотором роде знаменит своей неизменной страстью к этому мастерству. Он был тем самым кукольником, для которого куклы – вовсе не игрушки, не инструмент для заработка, а искусство, в которое подчас он уходил совершенно самозабвенно, настолько теряясь в кукольном мире, что красавицы из фарфора для него, казалось, становились значимее, чем собственная дочь, живущая вместе с ним. Они жили вдвоем уже много лет: поговаривали, что жена Джанмарии однажды не выдержала его пристрастия к куклам, завещала ему дочь, а сама стала странницей. По крайней мере, этим слухам потворствовал и сам Джанмария, когда в очередной раз выдумывал для своей дочери, пока та ещё была мала и наивно верила в любые рассказы, истории о её матушке, как она в одночасье покинула их, дабы стать странствующим рыцарем и покорить все три королевства своими подвигами. Помимо этого, и другие слухи овеивали дом и лавку кукольника: темный дым, по ночам струящийся из дымохода его лавки, странные звуки, доносящиеся из его мастерской и не совсем похожие на работу мастера игрушек, его усилившиеся за последнее время скрытность и таинственная отрешенность давали право подозревать, что, быть может, всё-таки жена не ушла, не покинула их в прошлом, а он... сотворил из неё куклу? Может, он заколдовал её? Ведь мастером он был слегка сумасшедшим, даже помешанным, как говорили очевидцы, и часто поражал гостей лавки своим стремлением к достижению совершенства и вовлеченностью в детский мир кукол и игрушек.

Он увлекался кукольным мастерством с самого юношества, когда ещё в школьные годы познал интерес к кукольному театру, а затем и сам стал кукловодом. Он присоединился к уличным актерам и, вдохновленный до глубины души, принялся сочинять роли для своих кукольных «подопечных», к которым с самого начала относился слишком благоговейно. Поначалу

ему нравилось иметь эту незримую власть над созданными им же самим героям: он воображал себя святым волшебником, творящим судьбы. Затем же, со временем, юношеское тщеславие сменилось благодатным трепетом. Чем старше он становился, тем меньше он ощущал своего покровительства и тем больше он проникался светлой любовью, привязанностью к своим куклам; он воспринимал их как друзей, как настоящих личностей со своими историями. Вскоре он вдохновил этими историями и одну городскую даму, ставшую впоследствии его супругой, и свою маленькую дочку. Теперь он был уже не так молод, чтобы испытывать похожие чувства. В этом году ему стукнуло уже сорок лет, его лавка уже имела большую известность, и всего, чего он хотел, он уже достиг. По крайней мере, так думал не только он, но и его гости. Однако имела всё же у него какая-то неведомая тайна, словно тень, шагающая подле его облика. Последнее время он стал закрывать лавку на ключ раньше обычного, в течение всего торгового дня он то и дело убегал к себе в чулан, а руки его были вечно чем-то перепачканы. С куклами он всё ещё был на «ты» и увлекал проходящих детей своими выдумками про каждого игрушечного героя, при этом взрослых этим – крайне смущая. Тем не менее, никто не мог отрицать, что несмотря на его некоторое помешательство на кукольном мастерстве, дарованиями он обладал действительно немалыми, иначе немудрено, что сам граф Корнели покупал у него куклы для кукольного театра, а уличные актеры, его бывшие собраты, присматривали у него марионетки для ярмарочного театра кукол, проводимого на чармантских площадях. Правда, за последнее время он стал действительно немного нелюдимым, и хранились за дверцей его лавки свои таинства и секреты, постепенно становившиеся городскими легендами.

В тот зимний вечер, перед появлением нежданного гостя, Джанмария ещё принимал своих обыкновенных посетителей – горожан, присматривающих подарочные игрушки к Новому году. Близились празднество, и даже тесные улочки Старого города, где находилась лавка, были сплошь заполнены детьми и их родителями, выстраивающихся в очередь в кукольную лавку или проходящих мимо, заглядываясь на увешанные мишурой и ёлочными венками витрины. Ближе к новогодним праздникам лавка ди Геццо встречала необычное раздолье: то и дело скупались в подарок куклы, фигурки и сувениры, Джанмария без конца бегал в мастерскую за новыми игрушками, хлопотливо упаковывал игрушки в подарочные упаковки, обвязывая их лентами и подписывая открытки; он успевал при всем при этом давать растерянным взрослым советы, что можно было бы подарить их детям, и сам общался с пришедшими детьми, среди которых были и те, кто, бродя по лавке, зачарованно оглядывал заполненные игрушками и подсвеченные свечами полки, шкафы, изящно убранные всякими игрушечными безделушками, каруселями и изукрашенными ларцами, и те, кто озорничал, бегая по лавке туда-сюда и гогоча, – им Джанмария успевал только прикрикнуть: «А ну тише, детвора!», а сам продолжал обслуживать гостей, смиряться со всем этим шумом и гамом, таким привычным в канун праздников. Весь день у прилавка было не протолкнуться, Джанмария не мог сосчитать, сколько за сегодня кукол он уже уложил в подарочные разноцветные коробки, сколько раз ему пришлось бегать в мастерскую, но ближе к позднему вечеру толпа слегка расступилась, дети убежали, и Джанмария в кое-то веки смог выдохнуть и скатать рукава.

«Спасибо, синьор!»

«С наступающим Новым годом!»

«Спасибо, с праздником вас!»

«Успехов в вашем деле, ваши игрушки лучшие в городе!»

Он слышал благодарственные речи уходящих, но уже спешил поскорее закрыть за ними дверь. Когда наступило время укладываться на покой, он спровадил последних гостей, а сам, тяжело вздохнув, уже готовился было проковылять обратно к себе в мастерскую – вниз, в чулан, где его дожидалась уже другая работа, та самая, о которой кроме него и его кукол больше никто не ведал, – но для начала он, конечно, направился вверх, на второй этаж, где томила в своем мезонине юная дева Дея ди Геццо.

Покои Деи были обставлены на сказочный детский манер, поскольку с того самого дня, как она родилась, в этой спальне ещё стояла её колыбелька. Когда-то Джанмария с любовью обставлял эту комнату, желая очаровать свою новорожденную девочку: над её кроватью он повесил розовый балдахин, укрепив его на обтянутых бархатом столбах и повесив на него толстые золотые кисти, все подушки обтянул цветочными наволочками с рюшами, у изголовья установил фарфоровую лампу с уютным шелковым абажуром, отливающим теплым жемчужным светом, у изножья – сколотил ей замечательный сундук в золочёном орнаменте, и, конечно, он никак не мог не обставить комнату своей дочери всевозможными игрушками и куклами. Под потолком порхали, покачивались на подвесках, маленькие бумажные феи и золотились маленькие звёзды – крапинки из драгоценных камней. По обе стороны от кровати, на тумбочке и комоде, лежали некогда любимые куклы Деи: принцессы и чародейки в многослойных костюмах, а также сидели в углу мягкий кролик-фокусник в бархатной мантии, мышонок в забавном чепчике и несколько фигурок ангелов.

Возле окна, на туалетном столике с зеркалом, уже располагались вещи, принадлежащие повзрослевшей душе Деи. Однажды Джанмария смастерил для неё шкатулку, где она могла бы хранить свои дамские украшения, румяна или пудру, но Дея уложила под крышку шкатулки лишь несколько сухоцветов, а в основном прятала там золотые монеты. Рядом лежала маленькая корзинка с красными наливными яблоками и нежными сиреневыми хризантемами – тоже подарок Джанмариин. Он надеялся, девочкам должны нравятся подобные украшения, но Дея, казалось, не обращала на это никакого внимания. По мере того, как она взрослела, она постепенно переставала обращать внимание вообще на всё, что её окружало в её покоях. Единственное, что поистине ещё нравилось ей в своей детской комнате – это старинные механические часы-ларец, подаренные когда-то одним важным для неё юношей... этого юношу, впрочем, Джанмария на дух больше не переносил. Не только по причине того, что его подарки нравились его дочери больше, чем собственные, но и по многим другим причинам, о которых и сама Дея прекрасно была осведомлена. Но она ничего не могла с этим поделать. Она продолжала жить в своем прелестном мезонине, ничего не меняя, только теперь вся эта спальня являла собою лишь давно ушедшее, невозвратное воспоминание о былых годах, когда Джанмария сам был исполнен детской мечтательности, а его дочь, его милейшая послушная девочка ещё не стала нелюдимою затворницей-подростком, которой всё нежное и детское было отныне совершенно чуждо.

В этом году ей исполнилось шестнадцать лет. Самая чудная пора для испытаний молодости, для друзей и веселья, – думал Джанмария. С самых малых лет Деи он верил, что она станет прекрасной юной дамой, но, увы, чем старше она становилась, тем мрачнее и меланхоличнее становился её облик. Несомненно, она всё ещё была миловидна и вполне аккуратна, однако почти всегда Джанмария видел её с опущенной головой, словно в вечном трауре, и всегда она была одинока. Её длинные темные волосы падали ей на глаза, и она пряталась за ними, как за кулисами. Она почти никогда не наряжалась, она вообще редко меняла свои наряды, не укладывала причёсок, как было принято среди юных дам, не носила украшений, разве что на праздник могла надеть серебряное колечко и ободок. Обычно облачалась в мешковатые чёрные или коричневые платья, без корсета, вместо туфель носила старые мальчишеские сапоги, натягивая их прямо поверх чулок. Взгляд её всегда был томный, скучающий, просящий всё и одновременно отталкивающий, говорящий: «Не трогайте меня, будьте добры». Говорила Дея тихо, вяло, почти шептала, и постоянно вздыхала. Она почти не улыбалась и двигалась степенно, как будто собственная ноша была для неё слишком тяжела. Взгляд поникших серых глаз оглядывал мир снизу-вверх, уныло и со смертной скукой. И это досадовало Джанмарию. Он негодовал, что его дочь, его маленькая шалуныя Дея, которая всё детство бегала по лестнице звонко смеясь, обожала его куклы и без конца сочиняла развеселые песенки, с возрастом превратилась в вечно утомленную, печальную девушку, не знающую смеха, не имеющую друзей

и подруг, а что ещё хуже – косо смотрящую на работу отца с куклами. Джанмарию казалось, что теперь Дея не только не понимала отцовского увлечения, но и относилась к нему с неприязнью. Прежде любившиеся ей куклы стали ей по-настоящему претить, и это больше всего оскорбляло Джанмарию, который без кукол просто не мог представить свою жизнь.

Когда он наведлся к ней перед сном, он застал её в её привычном положении. Она сидела, как и обычно, скрючившись у окна, с книгой в руках. Вся спальня её, околдованная золотисто-розовыми девичьими цветами и сказочными игрушками, куклами и сувенирами, была залита полумраком от тускло горящей в углу лампы, а сама Дея, заволоченная тоской и облаченная в черное платье, выглядела как безликая тень у окна. Под глазами её залегли темные круги, а худые пальцы с трудом перелистывали страницы книги. Когда она увидела отца в дверях, она бросила на него тоскливый взгляд исподлобья, а затем снова вернулась к книге. Джанмария, в своей обычной манере, попытался завязать с ней разговор.

– Как ты, радость моя? Ещё не спишь? – Он спросил с улыбкой и подошёл к ней чуть ближе.

– Не спится, – ответила Дея понурым голосом. – Как и всегда.

– Ох, – вздохнул Джанмария, – ну отчего такая тоска? Погляди за окно: снег идёт, какая красота, скоро ведь праздник! Ты же всегда так любила Новый год, так его ждала, а теперь что?

– Больше не люблю. Больше не жду.

Джанмария хоть и привык к тоскливости дочери, всё равно не мог смириться с тем, что в этом мрачном настроении она проводила каждый день, и как ни приди, она всё погружена в саму себя, в свой тщательно оберегаемый ею же самой мир, запёртый ото всех на множество замков, как древний сундук сокровищ. Джанмария и сам старался оберегать его: даже не только оберегать, но и наполнять драгоценностями. Однако, сколь бы даров он ни преподносил, принимали их не всегда, а ключа от этого плотно закрытого сундука он так и не возымел. Он продолжал подносить к сундуку дарственные сокровища и уже не ждал, что крышка хоть когда-нибудь отворится перед ним. Последнее время это уже не печалило его: его это начинало задевать и глубоко досадовать, отчего он хмурился и приходил в праведное, как ему казалось, негодование.

– Вот так весть! – взмахнул он руками. – Уж слишком быстро ты повзрослела, думается мне. Или избаловалась. Такой светлый праздник она, видите ли, больше не любит. Где же ты весь свой дух растеряла? Уж неужели я тебе недостаточно подарков приношу, недостаточно хлопочу целыми днями, чтобы тебе, синьорина, угодить? Ответь мне, почему же ты хандришь?

Дея отвернулась от отца и взглянула в окно, обняв свои колени и спрятавшись за тёмными прядями распущенных, почти не причесанных длинных волос. Голос её прозвучал тихо, с утомленным придыханием:

– Этот праздник будет без него... а я скучаю.

Ничто не могло заставить Джанмарию вознегодовать больше, чем это. Слышать подобное из уст дочери было невыносимо, и немудрено что Джанмария позволил себе выругаться:

– Вот чертовка! Я же просил не вспоминать о нём. Ты всё ещё хранишь его подарки? Тц!

В ответ на бурное негодование отца Дея лишь закатила глаза.

– Началось, – протянула она. Джанмария тем временем не унимался:

– Что началось? Ты ведь знаешь, я на него в обиде, и я просил тебя больше не дурманить себе голову воспоминаниями об этом обалдуйе! Этот человек больше не друг семьи, да и давно пора забыть его, как и его подарки эти глупые; только загромождают твою чудную комнату.

– Он не хотел тебя обидеть, отец, – ответила Дея, наконец переведя свой взгляд на Джанмарию. В её глазах он видел скромную мольбу. – Вспомни только, сколько он помогал тебе. Сколько раз он встречал гостей, развлекал детишек в лавке, помогал тебе в мастерской. Более того, он терпел твои приступы вдохновения... а такое не каждому под силу.

– Брось, – отмахнулся Джанмария. – Он ничем толком и не помогал, лишь под ногами путался да вечно молол языком. Плевать, что с ним стало и где он сейчас. Скатертью ему дорога, раз он думает, что знает всё лучше всех! А ты больше о нём не зарекайся. Не нравится мне, когда ты начинаешь тосковать, особенно по нему!

Скромная мольба во взгляде сменилась разочарованием.

– О маме нельзя говорить, о нём нельзя... – прошептала разочарованно она. – О чём с тобой можно, отец? О куклах? – При слове «куклы» тон её нарочито искажился, став пренебрежительным. Уж больше всего она терпеть не могла отцовских кукол. И это в очередной раз задело Джанмарию.

– Это дело всей моей жизни, Дея, не говори об этом так! Сколько можно мне слушать твои пререкания, ты, неблагодарная!

– Я, пожалуй, вообще никак не буду говорить.

Право, тогда она замолкла, уткнувшись в книгу. Джанмария почувствовал бессилие. Чаще всего он чувствовал, что истощен на уговоры. И также он, несомненно, чувствовал стыд за свои слова, однако же никак не мог за собой уследить. И он, и дочь молчали, находясь в нескольких касаниях друг от друга, но словно так далеко, за тысячи вёрст. Молчать Дея могла бесконечно, она лучше всего умела молчать и быть одной, Джанмария как никто иной знал об этом, поэтому не стал больше допытывать её разговорами и, смирившись, всё же покинул спальню дочери, оставив её наедине с книгой, наедине со своей бесконечной тоской.

В расстроенных чувствах Джанмария спустился вниз и прошёл по лестнице в подземный чулан, где пряталась его мастерская. Что же в ней хранилось? Право, там взору предлагалось ещё большее разнообразие разных творений ди Геццо. Большую часть мастерской занимали шкафы, все сверх меры заполненные куклами, игрушками и фигурками: волшебными героями сказок, песочниками, чудодеями, святыми Лоренцо и Вико, принцами и принцессами, королевами и королями, ангелами и духами, воплощенными в виде безликих кукол в тканевых плащиках с капюшонами; гномами, феями, дриадами, троллями, кукольными воплощениями сказочных злыдней: волосатых чудовищ, горбунов, волков и лисов, ходящих на задних лапах словно люди; а также великанами и джинами, домовыми в соломенных шляпках. Имели место быть и тряпичные фигурки для кукольного театра: знакомые всем в королевстве Лив комедийные герои – арлекины в пестрых нарядах, сшитых из золотых и красных заплаток, в колпаках с ослиными ушами и в узких чулках, героини-«негодяи» в черных масках и полосатых платьях, скоморохи и прочие шуты, гуляки, слуги, доктора, графы и графини – словом, весь кукольный театр поместился в одну крохотную мастерскую Джанмарии. Остальное пространство творческого подземелья кукольника было занято подручными материалами. Помимо досок, бревен, глины, стекла и фарфора, Джанмария хранил у себя разные многоцветные ткани, набивки из пуха или перьев, блестящие нитки, иголки, акварельные краски, бисер и самоцветы, сверкающие в полумраке подземелья, отражая огни зажженных свечей. На подмостках примостились игрушечные «сцены» со своими «кулисами», сотворенными из разных тканей. Джанмария разукрасил их красками, оснастил цветами и блеском, лоснящимися лентами и бантами. Для создания фарфоровых или бисквитных кукол мастер хранил материалы в глубоком, заполненном до краёв сундуке. Для обычных деревянных, глиняных или тряпичных все материалы беспорядочно лежали тут и там по всему подземелью, как разбросанные драгоценности клада. Вот такой она была: мастерская великого кукольника: расписная, беспорядочная, переливающаяся самоцветными огоньками и зачарованная таинствами.

В основном Джанмария мастерил в ночное время, обязательно удостоверившись, что входная дверь заперта, а ставни окон надежно затворены. Перед тем, как затворить их и приступить к тайным делам, мастер выглянул на улицу и быстро обвёл её глазами в поиске любопытствующих проходивцев. Хотя ночь уже накрыла Чарманто звёздным иссиня-чёрным куполом, во дворе ещё шатались всякие ночные гуляки, хмельные мужички и юноши, идущие

из таверн с бутылками крепкого душистого эля и горляющие народные песни. Стражники в доспехах грозили им своими клинками, гнали с площадей: «А ну кыш, пьянь!» – кричали они будто бы дворовым кошкам. Но дом Джаннетто как раз находился в том узком дворике, где не протиснуться карете, ни пройти королевским стражникам. Там слишком тесно и темно, лишь тускло горели масляные лампы в окнах напротив друг друга. Постепенно затворялись и соседские ставни, а на чердаках тем временем уютно копошились вороны. Становилось всё тише и тише, шёл спокойный ночной снегопад, серебрищий черепичные крыши. Вот соседка из дома напротив задула в окне подсвечник, другая соседка заперла дверь на ключ. И вот весь двор погрузился в объятия ночного сна.

Удостоверившись, что все гуляки ушли с улицы, Джаннетто закрыл все окна, зажёл масло в лампе, поставил её на подставку в мастерской и обратился к труду – работой над своей давней идеей. Вот уже сколько лет Джанмария вынашивал эту весьма сложную задумку, на воплощение которой тратил все свои силы, что часто и являлось причиной его периодически возникающей неприветливости. И вот снова он в своей мастерской, склоняется над рабочим столом, застеленном чертежами неведомых черновых творений. На сей раз инструментами его были шестеренки и разные механизмы.

Как только Джанмария опустил маленький рычажок, все механические детали задвигались, заскрежетали, захлопали в гулком разрозненном хоре, пока из прикрепленной к ним трубе струился тёмный дым, уползающий через дымоход на крышу. На мгновение Джанмарии показалось, что механизм заработал так, как ему и хотелось. Но едва он успел обрадоваться и предвкусить долгожданный успех, последняя шестеренка дала сбой, весь чудакватый, несуразный механизм щёлкнул и остановился. Запустить его заново не удалось. Джанмария тяжело вздохнул, полный уже надоевшего ему разочарования. Снова неудача. Он уже опустил было руки и готов смириться, крикнув в сердцах: «Пропавши оно всё пропадом! К чёрту это всё! Ничего не выходит!», как вдруг услышал странный шорох. Ему показалось, или кто-то спустился к нему в чулан? Немедля он подумал на Дею и, не оборачиваясь к ней, сказал:

– Дея, ты почему не спишь? Время позднее. Возвращайся к себе в постель.

Ответила ему далеко не Дея.

– А по-моему, время как раз самое подходящее для созидания. Вы так не считаете? – произнёс чей-то бархатный, привлекающий мужской голос.

Джанмария мигом повернулся. «Ох, что это я, – рассеянно подумал кукольник, – забыл запереть дверь?» Но нет, он точно её запирает, посему кроме Деи никто бы не смог пройти к нему в чулан. Однако действительно, то была не она. Откуда ни возьмись перед Джанмарией возник силуэт незнакомого мужчины. Лицо его скрывала золотая карнавальная маска, одеяния так и излучали элегантность, благородство и при этом – причудливость, потому что напоминали вполне типичные одеяния фокусника. Джанмария как никто иной был знаком с таким кроєм. Но оценить его качество он не смог: так перепугался, что даже побледнел.

– К-кто вы? – заикнувшись, спросил он. – Мне показалось, я запер дверь на ключ... Как бы то ни было, лавка закрыта, прошу меня извинить.

– Замечательно, – сказал мужчина в маске. – Тогда нас никто не потревожит.

Джанмария растерялся от неожиданности, однако гость поспешил поклониться и в надлежащей манере извиниться перед хозяином:

– Простите, что напугал. Добрый вечер, – промолвил он учтиво. – Извините мне моё вторжение, но я пришёл к вам без каких-либо злых намерений. Считайте, я всего лишь любопытствующее лицо.

– Так отчего вы, позвольте спросить... – продолжал нерешительно Джанмария, – отчего вы решили, что у вас есть право любопытствовать, забираясь к простому люду в дом? Я... я ведь мог позвать бы стражников. Вы в маске... вы можете быть вором.

– Прошу, поверьте: я никогда не посягну на ваши творения. Я, признаться честно, ваш большой поклонник, синьор ди Геццо, и хотел бы увидеть, каков вы, когда работаете над своими шедеврами.

Лестная речь мужчины слегка усмирила испуг кукольника: он понял, что по крайней мере его не хотят обворовать. Тем не менее уверенным в добропорядочности незнакомого гостя он ещё не был, поэтому спросил:

– И всё же я хотел бы знать, кто вы такой?

– Позвольте представиться: я Мастер Грёз, – почтительнейше, с галантностью слуги поклонился он.

Джанмария округлил глаза. Можно было подумать, что он недоуменно удивился, но спустя один лишь миг недоумение его затмилось выражением благоговейного трепета, которое обычно испытывали люди, когда неожиданно получали то, к чему в глубине души устремляли свои упования. К лицу Джанмари прилила краска. До этого бледный и растерянный, теперь он был воодушевлен – так воодушевлен, что даже покраснел. В конце концов не часто к нему наведывались подобные гости. Хотя он уже верил Мастеру, он всё же хотел знать наверняка:

– Неужто Вы тот самый чудодей, о котором молва по всему королевству ходит? – осведомился он.

Мастер Грёз только слабо улыбнулся.

– Виновен.

А Джанмария продолжал, увлеченно глядя на Мастера:

– О, я так много слышал о вас, – с блеском в глазах произнёс он. – Столько людей, столько мнений! И всё же так до конца и не понятно, что вы есть такое: ни то призрак, ни то чародей, ни то дух, прибывший из Зазеркалья. Кто вас знает! Но это и не важно. Совсем не важно. Важно лишь то, что я вас, правду говоря, ждал.

– Неужели?

– Да! Ещё как! – теперь увлеченность Джанмари стала несколько безумной. – Я вот уже почти год мечтаю о кое-чем великом. Понимаете ли, я уже давно пытаюсь создать... не поверите – живую куклу! Чтобы двигалась сама по себе, жила сама по себе. Я сделаю её идеальной, и тогда она может стать подругой для моей дочери. Ах да, забыл сказать: всё это ради моей дочки Деи; моей дорогой затворнице, у которой среди друзей только кошки, бегающие во дворе, и книги. Она всегда такой была, даже в детстве, хотя в сказки она верила и очень любила слушать. Теперь переменялась... Дея моя глупая такая, вся в свою нерадивую матушку-рыцаря. Совсем ничего не понимает, наивная, глаза иногда такие простодушные – даже у кукол моих больше огня в глазах, чем в глазах моей Деи. В школе она всегда была без друзей, она была и остается такой тихой, мне не по нраву её угрюмая мина. Она не любит моих кукол, они ей надоели! А я создам ей такую куклу, чтобы она поняла, какой от них прок. Я создам живую куклу! Я докажу, что я не безумец, а маэстро, я вдохну жизнь в человечка без души, я наделю её своим личным миром внутри, ведь дотеле я говорил устами, хотя судьба у куклы была придумана не мной. Теперь и говорить будет она, а я буду молчать. Я замолчу! А кукла будет говорить! Да-да, вы не ослышались – я хочу наделить игрушку жизнью! Всё ради Деи, и я как любой отец, хочу сделать её жизнь лучше. Ей нужна подружка! Вот почему я так кроплю, я обязан сделать хоть что-то, чтобы порадовать дочь.

– Хм, вот оно как, – хмыкнул Мастер. – Отчего, как вы думаете, поведение вашей дорогой дочери так изменилось?

– И думать не надо – это всё из-за одного сумасброда! – При упоминании этого «сумасброда» Джанмария весь недовольно скривился. – Он у меня был подмастерьем. Юнец с подвешенным языком! Конечно же, Дея, которая отродясь даже не приближалась к мальчишкам, мигом в него влюбилась. Стоило ему наплести ей историй, залить ей мёдом уши, так она сразу же про родного отца забыла и уже целыми днями только и делала, что всюду следовала за своим

ненаглядным. Во всём ему потакала, все его советы слушала, а всё, что я говорил, предавала сомнению. Мы стали чаще ссориться, она стала закрываться в своей спальне. Я ещё могу такое простить, но вот будь на моём месте мой отец, он бы испорол её розгами как следует! Я ещё сердоболен, пусть будет благодарна! Любой другой отец на моём месте не позволил бы ей так своенравно отвечать ему, но я же стараюсь быть благосклонным. И всё равно нет у меня больше терпения, надоели мне распри с этой негодницей, надоели мне её воздыхания к тому дурню. Слава богам, его больше нет с нами, и Дея больше не пристаёт к нему. Но теперь я её главный враг! Ведь это я его прогнал. А что мне оставалось делать? Он потерял совесть! Вечно оценивал мои труды, поправлял меня, как будто лучше знает, и всюду совал свой нос. Возомнил себя невесть кем, совсем забыл, что это я здесь мастер, а не он! За его тщеславие и неуважение пришлось с ним попрощаться. А Дея после этого так разобиделась на меня, будто я ей всю жизнь испортил. Не говорила со мной, даже не глядела в мою сторону. Чуть позже стала даже язвить! Как же глубоко уже пробрался в неё этот юношеский мятежный дух, с которым с ней поделился тот пустозвон. Он наверняка внушил ей, что я плохой папаша, и она, даже после разлуки с ним, всё ещё прислушивается к его голосу, что нащёптывает: «Да, ты свободная дева, не слушай старика, делай по-своему, он самодур, а ты юна и вольна делать всё, что заблагорассудится». Помяните моё слово, так он ей и говорил! Однако насчет оживления куклы...

Здесь пылкие жалобы Джанмарии завершилась, и вдруг голос его стал тише и нерешительнее, Джанмария погрузился в свои беспорядочные думы. Он зататорил:

– Знаете, это очень непросто. До сих пор я думаю, что выбрать: механизм или чары? К сожалению, я весьма старомоден, и новые механизмы, эти их шестеренки, эти рычаги, этот чёрный пар – мне всё это чуждо. Ну а за заклинаниями мне просто не к кому обратиться. Я прочёл много книг про колдовство и чары, но вот видите, у меня в том нет ни малейшего дарования. Многие же думают, я безумец, раз взялся за это дело. Но увольте, разве это не присуще всем творцам? Я творю, и это созидание, как вы говорили, наполняет меня живительной силой. Куклы для меня как для шахматиста фигурки, как для фокусника карты, как для короля его валеты, как для кавалера мушкет! Это моё орудие, я говорю голосами, идущими из сердца.

– Что же вам говорят голоса? – поинтересовался Мастер. Посвящая гостя в секреты своего творчества, Джанмария с удовольствием ответил:

– Они мне строят другие миры, другие судьбы, они рожают истории, я говорю устами то, что лежит у меня не в голове, а в недрах.

– Вы талантливы, маэстро, – с видимым удовлетворением констатировал Мастер. – Кукольное мастерство действительно ваша стихия.

– Вот! Вы меня понимаете, какое облегчение, – довольно отозвался Джанмария. – И всё-таки мне неведомо, как воплотить свою мечту в явь. Что же мне делать, Мастер? Вы сможете мне помочь?

– Конечно, ведь я здесь именно ради этого.

Джанмария затрепетал.

– Прекрасно, хорошо! Я верю, что уж вы-то мне и поможете. Как я могу отплатить вам за эту помощь? Золото? Сколько золота хотите? У меня всего ничего, но я однажды накоплю побольше и всё вам выплачу.

Джанмария рассыпал по деревянному столу, возле которого пыхтели паровые механизмы и вертелись шестеренки, золотые монеты и стал перебирать. Но Мастер Грёз остановил его лёгким движением руки.

– Ради всего святого уберите золото, – отмахнулся он. – Этого мне не нужно. Вы отплатите мне по-другому.

– И как же?

Мастер Грёз лишь загадочно улыбнулся.

Вдруг Джанмария почувствовал странную сонливость. Ему вдруг очень захотелось спать, веки стали слипаться и слабели ноги. Он стал засыпать и сквозь сон слышал, как Мастер Грёз говорит ему почти что шепотом:

– Спокойных снов, синьор ди Геццо. – И после этих слов весь мир погрузился во тьму. Джанмария медленно потерял сознание.

Наступил новый день. Великий кукольник не помнил, как после разговора с со своим чудесным гостем он очутился не в своём чулане, а лежал в своей постели. Должно быть, Мастер Грёз уложил его спать? – подумал Джанмария. В любом случае, тот таинственный дух исчез совершенно бесследно. Джанмария открыл глаза, потер их, затем потер свои виски. По обыкновению, спросонья у него всегда страшно болела голова из-за того, что всю ночь накануне он проводил в своей тайной мастерской за кропотливой работой. Ныне же он проснулся в замечательном расположении духа; словно впервые за столько лет он хорошо выспался. День предвещал быть по меньшей мере приятным: золотистое зимнее солнце заглядывало в спальню Джанмарины, на стеклах окон вились изящные морозные узоры, точно выведенные ледяной кисточкой, отдаленно слышались голоса соседей и их приглушенные шаги по хрустящему снегу во дворе. Потянувшись в кровати, Джанмария встал и отправился было к ведёрку с умывальником. Он умылся, привёл себя в порядок и приготовился идти вниз, на кухню, которая, как обычно, утром пустовала. Дея выходила из своей спальни в позднем часу и толком даже не завтракала: только пила чай, после чего, захватив из буфета печенье, вновь утекала к себе. Вот и на сей раз Джанмария не ожидал, что она явится на кухню в столь раннее время. Тем не менее на кухне кто-то был.

Спускаясь по лестнице, Джанмария слышал какое-то странное копошение. Он настороженно остановился. Кто это мог быть? Вор, гость или опять же Мастер Грёз? Джанмарины предстояло это выяснить. Набравшись мужества, он смело шагнул вперед и вошёл в кухню с решительным намерением застать там какого-нибудь лихоеда, возымевшего дерзость вламываться в дом-лавку великого кукольника Чарманто. Однако, к удивлению Джанмарины, копошения производил никакой не вор. Это была девушка – вроде бы девушка... только вместо кожи у неё была древесина.

Джанмария мгновенно узнал в ней свою куклу. Ту самую, что лишь вчера бездушно лежала на его столе в мастерской, подверженная всевозможным попыткам стать живой. Наконец, она оживилась и совершенно естественно двигалась сама по себе, её ноги и руки, соструганные из дерева, сгибались и разгибались как у обычной девушки, даже её волосы, заплетённые в две косички, выглядели ужасно правдоподобно. Джанмария, сохраняя осторожность, двинулся навстречу кукле и, приблизившись к ней почти вплотную, изумленно застыл. Кукольная девушка перестала копошиться в буфете и, закрыв буфетную дверцу, обратила на него внимание и по-человечески улыбнулась. Глаза её – самоцветные камешки, обрамленные густыми ресницами, – приветливо сверкнули янтарным светом.

– Доброе утро, отец, – произнёс её милый голос. – Я как раз собиралась вас звать на завтрак. Если вы не против, я бы сварила кашу из овсяных хлопьев. Я нашла их вот здесь, в буфете.

Она достала бумажный сверток с овсяными хлопьями. Джанмария всё ещё пораженно глядел на неё. Кристина – так он назвал ту куклу, что сейчас назвала его «отцом». Ещё день тому назад он наводил над нею блеск в своей мастерской, подтачивал каждую её деревянную конечность, подкрашивал ей киноварью глаза, делая их выразительными, лощил её шелковую рубашку и хорошенький сарафан, подкручивал шестеренки во встроенном механизме. Но казалось, двигалась Кристина независимо от какой бы то ни было механической помощи: как по волшебству, она живо улыбалась, дышала, шагала, моргала и была так же мила и румяна, как и девушки её лет. На вид она казалась ровесницей Деи – как-никак, Джанмария и задумывал

эту куклу как подругу для своей дочери, которая могла бы составить ей компанию в любой день – только бы Дея не была одинокой. Джанмария не верил, что однажды дело, ставшее для него делом всей жизни, наконец-то принесет плоды, и однажды утром он сможет удостовериться в своём мастерстве и заявить, удивленно и восторженно: «Я смог оживить свою куклу!» В чём он был уверен, так это в том, что механизм, над которым он поистине горбатился столько времени, наконец-то пришёл в работу. В любом случае, каким бы способом ни была одухотворена эта красивая юная куколка, долгожданной радости Джанмари не было предела.

– Доброе утро, Кристина! – обрадованно поприветствовал он её. – Я ведь могу тебя так называть?

– Ну разумеется, ведь это вы мне дали такое прелестное имя, – с большим добродушием ответила она.

Кукольник любовался ею словно картиной. В том, как она двигалась, не чувствовалось никакой искусственности, как если бы всякое её движение было подчинено ходу колес заводного механизма. То, как она улыбалась, как светились её сделанные из янтаря глаза, как мелодично, чисто и явственно слышался её голос – всё напоминало в ней обыкновенную миловидную девушку; впрочем, она была даже миловиднее многих других. В ней также можно было заметить крайнее дружелюбие. Её открытый взгляд так и говорил: «Я вам очень рада! Давайте же будем друзьями!», и это удовлетворяло Джанмарию, поскольку именно такой он желал бы видеть и свою Дею, чтобы хоть какое-нибудь, даже пусть самое слабое выражение дружелюбия согнало с неё тень вечной тоски.

Что касалось Деи, Джанмария поспешил было осчастливить её:

– Дея, радость моя, у меня для тебя прекрасные вести! – Вот уже он собирался привести к ней в комнату Кристину и познакомить их с Кристиной. В своих смелых грёзах он представлял, как они узнают друг друга, станут подругами и уже через несколько дней будут вместе праздновать Новый год, который Дея снова полюбит. Не преминув минутой раньше, Джанмария побежал по лестнице вверх, в спальню Деи, с трепетным намерением скорее сообщить великолепную новость: больше ей не будет одиноко. Но каково было удивление Джанмари, когда он открыл дверь в комнату дочери и не застал её там. Спальня Деи пустовала.

«Странно, куда она подевалась?» – пронеслось в мыслях кукольника.

– Дея, ты где-то здесь?

Никто не ответил. Действительно, странно. Обычно она никуда не уходила из своих покоев, особенно в столь ранний час. По своему обыкновению, она любила понежиться спрессованная в своей кровати, полежать и почитать книгу, подремать ещё минутку другую и только потом спуститься вниз на кухню. Теперь же её не было на своем привычном месте, и в том Джанмария видел большую странность. Тем не менее он предполагал, что, должно быть, она просто вышла прогуляться. В конце концов на дворе стояла чудесная зима, а в Старом городе, где находилась лавка кукольника, был сегодня базарный день, отголоски которого доносились и до дома ди Геццо. Возможно, Дея отправилась на базар. С надеждой увидеть её там, Джанмария надел сюртук, отделанный мехом, и теплую шляпу перед тем, как выйти во двор, припорошенный снегом. Куклолка увязалась за ним.

– Куда вы, отец, туда и я! – заявила она бодро.

Джанмария умиленно улыбнулся. Но брать с собой на люди ожившую деревянную куклу было чревато тем, что народ на улицах придет, вероятно, в ужас. Джанмария осознавал это. И невзирая на то, всё же он согласился взять её с собой. В конце концов он не был бы собой, если бы столь страшился общественного изумления. Издавна заклеяженный местными как «немного сумасшедший кукольник» или «безумный мастер», он не привык бояться пересудов, поэтому с легкостью взял Кристину под руку, и вместе они отправились на базар.

Снега выпало совсем мало накануне, ярморочная площадь была изукрашена инеем и, словно кристаллами, увенчана льдом. Одетые в меха крестьяне торговали за своими уличными

прилавками. Приезжие фермеры выставляли свой урожай, свертки со сливочным маслом, корзинки с яйцами, связки хвороста, брёвна и уголь для печи. Народ двигался по площади смеясь, поскальзываясь на льдистых мощёных дорогах. Зажиточные горожане переговаривались, порой даже споря, с торговцами; стоял шум и гам, столь привычный для ярмарки. Приезжие купцы торговали пучками собранных в горах Элифио трав, кустиками лесных ягод и орехов, овечью шерстью и кувшинами с молоком. Помимо торговцев, оглушали ярмарочную площадь своим пением бродячие барды. Разодетые в пёстрые лоснящиеся кафтаны с буфами, с улыбкой на устах и с лютней в руках, они привлекали горожан весёлой музыкой. Снимая свои береты, украшенные перьями, они подставляли их проходимцам, и многие бросали в них червонцы. Джанмария также видел на ярмарочной площади и маленькие сцены с кулисами – уличные кукольные театры, для которых он когда-то мастерил кукол. За этими спектаклями наблюдали дети. Они либо увлеченно глядели на кукол, либо же резвились где-то в округе, бегая по площади, играя в снежки и прокатываясь по льду. Джанмария завидовал всякому родителю, чей ребенок был столь резвым и игривым. Он мечтал видеть свою девочку такой же – чтобы она наслаждалась детством и юностью, проводя их со своими ровесниками в веселье и беззаботной праздности, – но, увы, Дея даже в малых летах не выказывала особой приверженности к каким бы то ни было увеселениям. Однако если раньше в ней говорило по большей части стеснение, то в юном возрасте на место стеснения пришло обыкновенное безразличие, что было даже хуже для юной девушки, чем быть просто-напросто застенчивой.

В этом плане Кристина отождествляла в себе всё то, что Джанмария желал бы видеть в дочери. Огнеглазая, жизнелюбивая, почтительная – такой и полагалось быть юной деве, по мнению Джанмарии. Последнее качество особенно нравилось ему, поскольку сама Дея уже давно растеряла всякий интерес к его мастерству, а вместе с тем и будто бы совсем перестала уважать своего отца и дело всей его жизни. Кристина выказывала при всём при этом поразительную прилежность, тешущую душу Джанмарии. Пока они прогуливались, Джанмария рассказывал Кристине о том, как он её создавал. Он с большим энтузиазмом делился с ней секретами её сотворения, сказывал о других куклах и о том, как их нынче используют в уличных кукольных театрах. Столь благоговейной слушательницы у Джанмарии ещё не было. Даже в малом возрасте Дея не особо была вдохновлена отцовскими причудами, к которым тот, напротив, всегда питал особую привязанность. Она всегда отвлекалась, гладила кошку или скрывала зевки, закрывая лицо ладонями. Кристина же была совершенно иной. В том, как она слушала Джанмарию, крылось большое, восхищенное уважение, что непременно льстило кукольнику. Что там, он был бесконечно рад, что появился в его жизни такой чудный венец творения.

Но в ином Кристина всё-таки походила на Дею. По меньшей мере тем, что также могла бездействовать часами, не двигаясь и не меняя позы. Только в случае Кристины «застывала» она всегда с улыбкой на устах, стояла ровненько, выпрямившись, готовая в любое мгновение вскочить и прибежать на выручку своему дорогому отцу. Дея же в своем привычном сумеречном настроении понуро сидела, готовая разве что пасть в дремоту. Джанмария не мог выносить её нескончаемой меланхолии. Кристина была совершенно иная. В её глазах горели огоньки любопытства, интереса и горячей любви и почитания к Джанмарии, как к своему создателю. Она с неподдельным восторгом выслушивала всё, что говорил Джанмария по дороге на ярмарку, и она всегда была с ним согласна, всегда была на его стороне, если он задавал какую-нибудь спорную ситуацию. Джанмарии не хватало подобного. Сколько бы благодарственных речей он ни слушал, больше всего ему хотелось бы слышать такое от собственной дочери. Но Дея никогда не отвечала его упованиям, что только усиливало ценность Кристины. Его другая девочка была совершенным идеалом.

И что удивительно, не только он, но и посторонние люди, прежде относившиеся к тайному делу Джанмарии с подозрением, нынче же с одобрением встречали созданную им Кри-

стину. Соседи, завидевшие было кукольника, идущего под руку с деревянной девушкой, снимали шляпу.

«Браво, мастер! Вы воистину талант», – слышал он на каждом углу. Совсем непривычно было получать столь много похвалы в свой адрес с учётом того, что раньше соседи Джанмари – даже, пожалуй, весь Старый город – был пронизан молвой о том, что великий кукольник слегка помешан. Теперь же что ни слово – то хвалебное. Никто даже глазом не повёл от вида оживленной куклы, и все, кто встречал его, только лишь восхищался: «Вы, мастер, искуснейший творец! Браво, браво! У вас чудесная дочка». Рдея от смущения, Джанмария даже не замечал, как нарекали его Кристину. Он с удовольствием слушал комплименты и не задумывался лишний раз о всяких мелочах. «Чудесная дочь у вас, синьор! Кристина? Чудное имя, в самый раз для такой красавицы!» – любому родителю приятно такое слышать.

Они шли с Кристиной под руку по улице Старого города к ярмарочной площади, погруженной в предпраздничную суету. Среди толпы Джанмария хотел было отыскать Дею. На мгновение он вдруг заметил какой-то странный блеск. Где-то поодаль мелькнула в толпе горожан золотая маска. Кукольник опешил. Кристина, идущая рядом с ним, заботливо осведомилась:

– Дорогой отец, вы как-то взволновались. Всё ли хорошо?

– Да, да, прости. Просто показалось.

И они продолжили свой путь к ярмарке. В тот день вся площадь была заставлена шатрами торговцев, лотками купцов, прилавки ломились от новогодних подарков, сувениров, разнообразных яств – праздничных пирогов, горячих напитков, от которых по улице растекался пленительный аромат вина и пряностей, имбирных пряников и леденцов, – а уличные сцены – от актёров, горячо желавших выступить перед толпой. Неприкаянные шуты и скоморохи в золотисто-алых костюмах и в смешных колпаках веселили публику, проскакивая мимо лавок и шатров, показывая фокусы резвящимся детям, жонглируя, делая сальто, ходя на руках, слабая презабавные частушки. Перекрикивая друга, торговались с купцами особо настойчивые горожане, хохотала детвора, и в этом шуме и гаме Джанмария пытался отыскать Дею. Вместе с Кристиной они, казалось, прошли всю ярмарку вдоль и поперек. Успели перекинуться словечком со знакомыми, всяк из которых непременно хвалил дочку кукольника, идущую подле него, но так и не нашли Дею. Беспокойство Джанмари усиливалось. Прежде краснея от комплиментов, теперь он потерянно бледнел, когда в очередной раз надеялся увидеть дочь среди многочисленного народа, но нигде не мог различить её силуэта.

– Отец, вы всё-таки чем-то обеспокоены, – заметила ласковая Кристина. – Могу я поинтересоваться, что вас так тревожит?

– Да, дело в том, что моя дочь... – растерянно вымолвил Джанмария; все его мысли вдруг перепутались, и он словно бы позабыл, кого он вообще ищет, зачем ищет и почему. Он едва ли не забыл её имя. – Моя Дея... она куда-то пропала. Мне бы хотелось поскорее познакомить вас, но где же она? Куда она могла уйти? Дома её нет, стало быть, она пошла на ярмарку, но и здесь я не могу её найти.

– А в какие места она обычно ходит? – призадумалась Кристина. Кукольник развёл руками.

– Что ж, обычно она сидит безвылазно дома и особо никуда не любит выбираться. Вот почему ты очень важна: ты сможешь наконец-то избавить мою Дею от одиночества. Вы обязательно поладите! Дея хоть и затворница, но она очень учтивая, когда общается с кем-то кроме меня. Эх, ну это ведь закон природы: со своими родичами мы порой гораздо менее обходительны, чем с чужаками. Мне не за что винить Дею за то, что со мной она не бывает такой же милой, как в общении с другими. Впрочем, я думаю, вы во всяком случае поладите! Ты вон какая весёлая и резвая, сможешь растолкать мою скромнягу. По крайней мере, я на это горячо уповаю. Уж постарайся не обижать мою девочку! – шутливо пригрозил Джанмария, и Кристина премило рассмеялась. Её смех – словно перезвон колокольчиков, ласкал слух. Всё,

совершенно всё в этой деревянной куколке было чудно. Конечно, Джанмария знал, что она даже не посмеет никого обидеть. Ему уже не терпелось скорее познакомиться её с Деей.

Однако же, обойдя всю ярмарку, начиная с древних алхимических лавок, заканчивая шатрами, где заморские купцыставляли на прилавок найденные в пещерах сокровенные драгоценные дары, пройдя в десятый раз мимо запряженных осликами повозок, занятых бродячими скоморохами, мимо таверн, куда зазывали корчмари, Джанмария так и не нашёл нигде следов дочери. Среди толпы он всегда мог её разузнать, увидеть в гуще скопившегося у прилавков народа, но, не найдя Дею на ярмарке, он пришёл в небольшое смятение. Один лишь вопрос крутился в его мыслях: «Где же тогда она?»

– Слушай, моя дорогая Кристина, – обратился он к ней. – Пойдём-ка ближе к школе. Посмотрим, нет ли там моей Деи. Быть может, она решила отправиться на уроки, хотя сегодня и не собиралась. Кроме как в школу она никуда не могла бы уйти так надолго.

– Как скажете, отец. Куда вы, туда и я! – повторила с той же бодростью Кристина. Джанмария уже не испытывал прежнего трепета от этих слов. Напротив, ему вдруг показалось, что от того, как говорит его кукла, по спине пробегает холодок. В конце концов она действительно ни на миг не отступала от него и не отпускала его руки, даже когда Джанмария силился отделиться от неё. Так, в какой-то момент радость сменилась стеснением, и в сердце Джанмарии закрались самые разные дурные мысли, которые на протяжении всего пути не давали ему покоя.

После ярмарки, как и сказал кукольник, они направились в школу, где училась Дея. Школьное здание располагалось на улице в самом конце Старого города. Пока Джанмария шёл, к нему с Кристиной под руку, прохожие продолжали высказывать свое восхищение: «Какая у вас милая дочка!» Кристина тихонько хихикала, прельщенная комплиментами, а Джанмария тем временем уже не чувствовал схожего приятного смущения. Как обычно бывает, излишней восторг довольно скоро приедается. И вот Джанмария перестал воспринимать каждую похвалу как искреннее, направленное к нему почитание, и стал подозревать, что что-то не так. Не заслужил он такого пиетета; по крайней мере, так он думал.

Наконец, они с Кристиной подошли к кованым воротам школы. Школьные стены были возведены из песчаника и увиты вечнозелёным плющом, присыпанным блестящим белоснежным снегом, как если бы сама природа обнимала здание, храня в нём как знания глубокой древности – знания о духах, божествах, святых волшебниках, – так и знания нынешней эпохи. Стройные готические арки венчали фасад, тонкие башенки устремлялись в небо, а на крыше виднелись каменные статуи горгулий. Школьные дубовые двери были украшены резьбой и приглашали войти в этот старинный храм мудрости и знаний. Каждая аркада была пропитана духом исканий и свершений, а огромные витражи, заполняющие высокие стрельчатые окна, сверкали колдовским светом, переливаясь изумрудом, рубином и сапфиром на зимнем солнце. На витражах – сцены древних сказаний, алхимических трудов и космологии: звёзды, магические символы, руны, орнаменты, в которых различались облики священных покровителей учения. Потолки опирались на резные балки, всюду слышался скрип половиц. На стенах внутри школы красовались гобелены, изображающие сцены великих открытий: открытие законов неба и земли, старинные формулы и тайны мироздания. Внутри школы лестницы, отделанные изысканными мозаиками, вели в древние кабинеты, где на полках лежали свитки, на ученических столах – гусиные перья, чернильницы и сокровенные фолианты, а воздух, вплетаясь в дыхание всего школьного здания, был напоен ароматом древесной смолы, пергамента и чернил.

Ученики, облаченные в мантии, ходили из стороны в сторону. Когда пришёл Джанмария, ведя под руку Кристину, одноклассники Деи встретили их в главном холле. Каждый из них пожал плечами, отвечая на повторяющийся вопрос Джанмарии «где Дея?». Никто ничего не знал, в школе Деи уже давно не бывало. Зато даже одноклассники Деи смогли по достоинству оценить талант её отца: увидев Кристину, они, заинтересовавшись, окружили её вниманием, которое та с удовольствием принимала.

«Ты правда состругана из дерева? А дай-ка потрогать твои пальчики? В самом деле, они из дерева!»

«Какие у тебя красивые глаза, они сделаны из янтаря?»

«А ты дышишь, в самом деле?»

«Твой сердце тоже сделано из древесины?»

«Какое милое у тебя платьице!»

«Ну-ка, спляши нам!»

Словом, все ученики были поглощены интересом к кукле и продолжали без конца заваливать её вопросами, предложениями, просьбами и при этом – комплиментами. Джанмария, хоть и прежде прельщался подобным, теперь же только неприятно стеснялся. Ему было невдомек, откуда загорелся столь яркий интерес к его творению, отчего вдруг все вспыхнули к нему и к его мастерству таким уважением и где же всё-таки Дея? Мириады бесконечных вопросов крутились в мыслях кукольника, чья кукла тем временем купалась в лучах славы и внимания. Кристина хихикала, принимая хвалебные речи, и Джанмарии становилось с каждым разом всё более жутко от её хихиканья. Он не мог больше слушать его. Неприятная досада наполняла его грудь, стало тяжело на сердце. Одна лишь мысль о Дее погружала его в страшное беспокойство. Схватив Кристину под руку, он резко отвёл её в сторону, удалив её от заинтересованных учеников, и направился к выходу. Он вдруг перешёл на спешку: ему хотелось поскорее узнать, в чём же дело, и куда подевалась та девушка, которую он уже так давно ищет. Впрочем, как её звали? На какое-то мгновение Джанмария даже забыл её имя. Он только помнил, что должен был её найти, но с каждой бездарно проведенной минутой его всё больше начинало мучить забвение: он потихоньку забывал, куда он идет, кого ищет и зачем...

В конце концов он вернулся с Кристиной домой. Схватился за голову – от непрекращающихся мыслей его измучило головокружение, – и направился в свою мастерскую, в подполье. Кристина побежала за ним по пятам. Джанмария сел за стол и закрыл лицо ладонями. Оставшаяся рядышком Кристина пыталась его как-то приободрить:

– Не грустите, папа! Поглядите лучше, как я могу стоять на руках! – Она с легкостью уперла свои деревянные руки в пол и подняла ноги кверху, как циркачка. При каждом движении её деревянные суставы щелкали. Джанмария уже не мог выносить этих звучаний, как не мог выносить прелестного кукольного голоса.

– Хорошо, Кристина... – вымученно ответил Джанмария, даже не глядя на своё творение. – Почему ты вообще зовешь меня папой?

– Ведь вы мой папа, – как само собой разумеющееся, ответила кукла. – Вы меня воспитываете, я так горячо люблю вас, вот почему.

– Я не твой папа, – наконец позволил себе сказать Джанмария. – Я лишь состругал тебя из дерева и снабдил механизмом, благодаря которому ты можешь двигаться, моргать, дышать, говорить и всё прочее, что умеет любой человек. Ты не моя дочь...

– Что вы, папа.

– Нет, право слово, ты не моя дочь! Ты лишь кукла с шестеренками вместо души, вот, смотри!

Дабы доказать ей это, убедить её в её «искусственности», он схватил её руку и хотел было открыть ту деревянную маленькую дверцу в её теле, за которой прятался сложный шестереночный механизм, приводящий куклу в движение. Но сколь он ни пытался открыть эту дверцу, которая аккуратно примостилась на спине Кристины, у него не получалось: воспринимая всё как игру, Кристина только хихикала и игриво ворочалась. Джанмария злился:

– Хватит ворочаться, о боги! Дай мне показать тебе.

– Щекотно, ай-ай!

– Тебе не может быть щекотно, ты же ненастоящая!

В конце концов он сцепил ей руки, чтобы она не брыкалась, и всё-таки отворил дверцу. Каково было его удивление, когда он не увидел никакого механизма. Он трудился над его созданием битые годы, он обращался ко многим механикам Чарманто, каждый день без конца смазывал маслом шестеренки, тратился на самые различные и чудаковатые механические приборы – он делал всё возможное, чтобы его кукла хотя бы умела двигать своими конечностями, но от всех попыток не было никакого толку, и лишь только ему показалось, что всё-таки тот механизм, над которым он так мучился, наконец заработал и воплотил в явь его самую смелую мечту, оказалось, что незаслуженно он поверил в свой талант и мастерство: механизм Кристины был даже не запущен. Она двигалась, дышала, словом – жила она сама по себе, и никакие шестеренки не вертелись у неё в груди.

– Я не могу понять, что не так... – дивился Джанмария, рассматривая куклу со всех сторон, пока та, уже перестав брыкаться, легко позволяла ему вертеть и крутить себя. Джанмария всё не унимался, волнению и растерянности его не было предела: – У тебя пропал механизм, который я так долго встраивал в твое деревянное туловище. Что я упустил? Я что-то... что-то...

У него потемнело перед глазами. Сердце забилося в бешеном ритме, сперло дыхание. Ему на мгновение показалось, что он и сам словно бы одеревенел: и ноги, и руки проняло оцепенение. Он едва ли не пал без чувств, но вовремя привёл себя в прежнее состояние.

– Надо... пока я не упал в обморок или ещё чего хуже, надо написать королевской страже, что... – Он запнулся. Его мысли беспорядочно, тревожно замельтешили. – А в самом деле что я хотел написать? О ком-то... о девушке... да, точно, моя дочь, кажется, пропала.

Дотоле он казалось, отчетливо помнил об этом, но чем больше времени он проводил в компании Кристины, тем больше забывал имя той, кого искал, и в одночасье даже забывал, кем она для него приходилась. Оставалось лишь неизбывное чувство беспокойства, нарастающего с каждым мгновением. Пока ещё в нём жил образ Деи, он откопал среди груды бумаг свободный пергаментный лист, достал перо и чернила и принялся на скорую руку писать о пропаже. «Пропала девушка, шестнадцати лет, зовут...»

– А как она выглядит, ваша дочь?

Судорожно составляя описание на бумаге, он попутно отвечал Кристине:

– Юна, высока, худощава, бледна, тосклива. Одета в однотонное коричневое платье, на ногах – мальчишеские ботинки. Волосы длинные, тёмные. Глаза... вроде бы карие...

– Ой, так вот же она!

Кристина указала своим деревянным пальчиком в сторону. Кукольник обернулся посмотреть. Там, среди всех его кукол, на полках шкафа сидела та самая, на которую пал его взор. Она была юна, высока, худощава, бледна, тосклива. На ней было однотонное коричневое платье, ноги были облачены в мальчишеские ботинки, и вместо глаз – две чернеющие впадины. Смертельно бледное, безжизненное лицо принадлежало фарфоровой кукле. Джанмария в ужасе замер. Кристина тем временем хихикала, прыгая из стороны в сторону с резвостью человеческого дитя.

– О нет... Нет-нет... моя Дея!.. – обессилев, вскричал Джанмария. Он пал на колени, прямо перед куклой Деи, и горько заплакал, терзая себя. – О боги, о святые небеса, что же я натворил!.. – взмолился он в бесконечном отчаянии. Но мольбы были бессмысленны, он это понимал и тем не менее взывал к божествам: – Моя дочь, спасите мою девочку!..

Перед взором его стало темнеть. Вся мастерская стала теряться в мутной дымке, заполонившей подземелье. Отзвуками были лишь собственное рыдание и звонкий смех Кристины. Медленно вся заполненная куклами, игрушками, сувенирами и фигурками мастерская стала теряться в бесконечной мгле, и только смутное золотое сияние снова вспыхнуло где-то сбоку, после чего Джанмария всё-таки пал. Пал без чувств, полностью лишившись самообладания.

Он очнулся в своей постели, как только луч солнца золотого, проникающий через створку окна, коснулся его лица. Рядом не было Кристины; никого не было. И только тогда Джанмария осознал: то был сон. Тревожный кошмар, заставший его в период крайнего переутомления. Должно быть, Мастер Грёз также всего лишь приснился ему, всю ночь корпящего над куклами. Не стоило трудиться допоздна – запоздало размышлял кукольник, находя в том оправдание привидевшегося кошмара. Едва он пришёл в себя, он тотчас же поспешил проверить, на месте ли она – та самая, к которой он уже так долго стремился. Поначалу он должен был побежать в мастерскую, но ноги сами понесли его к Дее в спальню. Он застал её в её привычной позе – она сидела на подоконнике с книгой в руках и выглядела привычно тоскливо. Тем не менее теперь это Джанмарию нисколько не досадовало. Наоборот, он был безмерно рад увидеть её в таком состоянии: то была такая родная, такая уютная Дея с глубоким, проникновенным взглядом тёмных карих глаз. Да, в них не было весёлого, задорного огонька, каким обладала Кристина, но зато они обладали своим красивым скромным очарованием, присущим Дее и только ей. Джанмария рассыпался в извинениях и благодарностях:

– Прости меня, Дея; прости старого дурака! – Он бросился её крепко-крепко обнимать. Своими слезами он намочил ей плечи. – Спасибо тебе, что ты живая! Я просто так рад, что наконец-то вспомнил про тебя... я так рад, что у тебя нет никакого механизма в груди, что твои руки не из дерева!

Она вдруг растерянно улыбнулась, с недопониманием поглядев на отца.

– Что? – тихо спросила она, явно подозревая у Джанмарию легкое помешательство. – Пап... ты, кажется, перетрудился. Иди-ка поспи немного.

– Я спал уже достаточно долго, моя радость. Отныне я хочу больше бодрствовать. Знаешь, я так рад, что ты не хихикаешь постоянно, что ты не прыгаешь, не кувыркаешься, да и пусть, что у тебя мало друзей, что ты любишь своего этого обалдуя и такая скрытная. Ты самая лучшая, я так рад, что ты такая, какая есть! Ты мила мне любая, и надо сказать богам спасибо за то, какой они тебя сотворили. Да, тебя сотворили сами боги, как и всех нас. И ты создана не мной, как мои куклы. Я счастлив, что всё именно так!

Он ещё раз обнял Дею и наконец ощутил, как её худые руки слабо приобнимают его в ответ. То мгновение было самым счастливым, и не было никакого шелканья шестеренок, и никакого резвого смеха, и веселой удалы. Однако то тихое тепло, напитавшее сердце Джанмарию, представляло из себя самый чудесный подарок вселенной, и никакие куклы не могли бы заменить его Дею. Теперь он будет помнить о ней всегда.

Театр графа Корнели

Последнее время о Мастере Грёз слагалось всё больше и больше разных историй. Он появился совсем недавно в пределах трёх королевств как призрачное видение в образе красивого молодого мужчины, похожего на фокусника или нарядного гостя на карнавале, но он уже взволновал мысли многих разных людей. В одночасье весь город Чарманто напитался слухами об этом таинственном волшебнике, появляющемся всегда тогда, когда ты его и не ждёшь. Вот и актёры театра графа Корнели совсем не ждали его увидеть. И тем не менее Мастер Грёз всё же наведёлся к ним в гости.

В самом сердце Чарманто, где мощёные улочки сплетались в лабиринты, а по вечерам над черепичными крышами вспыхивали золотистые огни свечей, возвышался известнейший в королевстве старинный Большой театр графа Корнели с великолепными колоннами и барельефами, запечатлевающими мифологические сцены, с фасадом, украшенным лепниной и оснащённым мраморными статуями муз, которые, как божественные покровительницы, оберегали театральное искусство. Стены также были облицованы каменными масками – трагическими,

комическими, гротескными – словно само здание хранило в себе тысячу лиц и столько же историй. Над главными дверьми театра, под аркой, были выгравированы слова: «Жизнь есть сказка». И площадь, на которой располагался театр графа Корнели, была поистине сказочной. В простонародье она называлась Театральной. Самым большим украшением этой площади был выточенный из камня фонтан в виде смеющегося Арлекина, держащего маску. В позднее время, когда в театре проводились вечера комедий, воды фонтана, с серебристой мелодией переливаясь из одного кувшинчика в другой, отражали огни тысяч масляных фонарей, и под тёмными небесами, в час таинства и затишья, казалось, что каменный Арлекин не смеялся, а на самом деле плакал фонтанными водами, тогда как улыбающаяся комедийная маска, что он держал в руке, скрывала его горькие слёзы, струящиеся вниз в большую изысканную чашу.

Внутри театр предоставлял взору ещё более роскошное убранство: увитые позолоченными узорами балконы с красными бархатными креслами, потолок, расписанный витиеватыми фресками, изображающими картины из древних пьес и мифов. Театр делился на несколько значимых локусов: театр-доминанте – сердце всего здания, место вечерних спектаклей, комедий, пьес, мюзиклов и буффонад; детский театр, располагающий сцены для кукольных представлений и волшебные комнатки, где актёры веселили детей играми, конкурсами и фокусами; и общие кулисы, где кипела жизнь мастеров и подмастерье, актёров и актрис, бутафоров, костюмеров, гримеров, музыкантов, художников, драматургов, механиков сцены и их прислужников. В отдельном крыле за кулисами примостился бутафорский цех, где хранились все украшения, марионетки кукольного театра, шпаги, мечи и посохи с затупленными концами, груды папье-маше из рваных газет, бруски липы и мягкой ольхи для резьбы, сусальное золото, ключья парчи и бархата, вытертого до дыр на театральных мантиях. Большую часть кулис занимали гримёрные, представляющие собой тёмные каморки, забитые творческим бардаком из перемешанных-перепутанных нарядов, париков и реквизита. Но это место, полное наперебой звучащих голосов, ссор, смеха, песен, сплетен, репетиционных речей, охов и вздохов, оставалось в тени грандиозной сцены. Оно и к лучшему.

Сама сцена представляла собою большое полукруглое возвышение. Под куполом тёмно-синего потолка, усыпанного блестящими звёздами и облаками, была подвешена на витых цепях люстра со множеством вставленных в неё восковых свечей. Оркестровая яма была вырезана вручную, с резьбой в виде театральных масок, а запах воска, чайной розы и пудры витал в воздухе. На сцене ещё остались с прошедшего спектакля искусственные кустарники, соструганные из дерева сказочные декорации, и полотна, служащие фоном, а наверху были запечатлены облики ангелов и святых волшебников. Исстари для жителей Чарманто театральное искусство имело божественное происхождение, – оно было непременно чудесно и волшебным, поэтому его ангельские покровители парили над сценой в живописнейших обликах. Паря в нежных розово-медовых облаках, ангелы держали лиры, флейты, извлекали чарующую музыку, касаясь струн арфы. За сценой непосредственно находились кулисы, ведущие к гримерным актёров, и именно там однажды и появился Мастер Грёз, чье появление нарушило привычный ход вещей, хотя и без него за кулисами последнее время творился сущий кавардак.

Дело в том, что несколько месяцев тому назад в театре произошла смерть одного из актёров, известного многим как Арлекин. Остальная труппа тяжело перенесла эту весть. Однако же тяжесть эта выражалась не в том, что актёры скорбели по ушедшему, – скорби, сколь ни выжимай из себя, в них было мало, – а в том, что эта потеря стоила больших жертв всему театру и теперь хозяин – граф Корнели – прилагал все усилия, дабы в срочном порядке найти на место погибшего актёра новое лицо, способное принять маску покинувшего их. Оказалось, это было не так-то просто заменить одного актёра на другого. Будучи высоким ценителем театрального искусства, престарелый граф Корнели очень щепетильно относился к определению актерского состава, хотя и чаще всего брал актёров с улиц; приезжая на ярмарочную площадь в самый разгар уличных выступлений и буффонад, он высматривал среди бездомных неприка-

янных комедиантов истинные таланты и предлагал им перейти к нему в театр. За то, что граф предоставлял обыкновенным бродягам столь заманчивые возможности, его считали великим благотворителем, а все актёры, которых он принял, были ему бесконечно благодарны. Перед ним кланялись, трепетали. И его боялись...

Когда в конце былого столетия появились театральные труппы, несущие с собой колоритный дух уличной комедии, их представления быстро стали неотъемлемой частью культурной жизни королевства Лив. Они оживляли площади и залы, сочетая яркую гротескность с тонкой сатирой, вплетали в свои выступления акробатику, танец и выразительную жестикуляцию. Вихрем, живым воплощением смеха и дерзости почти во всех уличных спектаклях был Арлекин, Шут, или Скоморох. Самые славные актёры соревновались на публике, кто из них лучший Арлекин; они устраивали шуточные дуэли и тем только развлекали народ, требующий зрелища. Поначалу скоморохи соревновались друг с другом за приз зрительских симпатий, но с тех пор, как древнейшим театром Чарманто стал владеть граф Корнели, все комедианты стремились не столько насмешить люд, сколько произвести впечатление на именитых зрителей, способных им дать возможность попасть на настоящую, на королевскую сцену. Под покровительством графа древнейший театр Чарманто заново расцвел, и туда потихоньку стали стекаться все маски улиц, меняя деревянные подмостки на изысканную сцену, обожествленную святыми хранителями театра. На уличной же сцене продолжали господствовать пластика, пантомима, эксцентричные танцы и стихосложения, и музыка с танцами были полноправными спутниками игры. Представления бродяг с каждым годом превращались во всё более яркие феерии: с пением, с буффонадой, с ироничными танцами, в которых легко угадывались пародии на пафосные спектакли королевских театров. Сцены «истинного» театра предпочитали более изысканные спектакли – трагедии, драмы, пасторали, комедии с философским подтекстом. Публика в театре графа Корнели всегда отличалась своей знатностью: на вечерние спектакли приходили сплошь благородные вельможи, прекрасно сведущие знанием драматургии, разодетые в драгоценности, парчовые камзолы, мундиры и платья, тканые из шёлка. Также среди гостей часто можно было наблюдать придворных сановников, которые в основном занимали ложи, где обсуждали друг с другом насущные дела королевского двора. Таким же был и сам граф Корнели, часто приходящий на спектакли в качестве гостя, а не покровителя. Так или иначе, едва какой бы то ни было актёр замечал в толпе зрителей пристальный взгляд графа, на него тут же снисходило смущение: просто граф обладал весьма строгим, придирчивым нравом.

Верный своей придирчивости, он уже который месяц не мог найти подходящего актёра на роль Арлекина. Все ему претили. Пока он принимал решение, остальные актёры слонялись без дела: спектакли шли редко, и только восточное крыло театра, отданное детскому театру сказок, где показывали кукольные представления и где находилась известная комнатка фокусов и иллюзий – зеркальный лабиринт, – продолжало работу. Иногда актёры уходили туда, чтобы позабавить детишек, попробовать себя в кукольном театре, но в основном же занимались тем, что в своих гримерных, отчаявшись, глушили тоску на дне рюмки с черносмординовой настойкой, закусывая шоколадом и виноградом, репетируя без конца приевшиеся пьесы, болтая, распуская сплетни, перекидываясь в карты, лениво играя на мандолинах и лютнях, распевая безрадостные песни и с тоской поминая времена, когда с ним был «их» Арлекин, когда в театре, ныне же мрачном и тихом, пылал жар искусства и вдохновения.

Маски становились неотъемлемым атрибутом комедианта, будь то уличный театр или королевский. Среди дам в театре графа Корнели особую важность имела маска Доброй феи. Ею владела хрупкая, миловидная юная актриса с чистым взглядом васильковых глаз. Её наряды были сплетены из серебряных, нежно-голубых и розовых нитей. На сцене эта крохотная чародейка тем не менее блистала подобно звезде и отменно исполняла свою роль, что несомненно влюбляло в неё очарованных зрителей. Как фея, она была вооружена волшебной палочкой и умела произносить разные заклинания. Она также помогала влюбленным парам преодолевать

препятствия на пути к их любви, точно так же она помогала и Коломбине в её страстной любви к шуту Арлекину. Коломбина же была обаятельная, умная и дерзкая служанка, умеющая одним взглядом остановить ссору или зажечь сердца: влюбленным в неё зрителям особенно приходились по нраву её густые чёрные кудри, ниспадающие на плечи, и выразительные глаза цвета изумруда. Хотя она и была служанкой, платье её отливало золотистыми узорами, в которые были вплетены бордово-красные дикие розы.

Мужей в театре Корнели насчитывалось в разы больше, чем дам. Однако же самых видных, известных и любимых публикой было на сегодняшний день всего трое. В первую очередь: Бригелла. Пройдоха и плут, хитрый и жесткий, он знал все закулисные тайны и был мастером интриг. Он подслушивал, подсматривал и собирал слухи, рыская по коридорам театра. Одет был в белое платье с панталонами, плащ с длинным развевающимся шлейфом и берет. Бригелла особенно любил помахать своим деревянным клинком и, будучи человеком злопамятным, всегда был готов пустить в ход своё оружие. Даже против своего самого верного последователя – юнца Менегино. То был простодушный слуга, искренний и добрый, любимец публики, особенно детей. Бригелла, старый воин, имел особую власть над ним и тем беззастенчиво пользовался. Сам Менегино был робок, но весьма добросердечен. Он носил жилет, расписанный цветочными узорами, полосатые чулки и фетровую шляпу с красной ленточкой. Во всём он старался слушаться умудренных Бригеллу и Панталоне. Да, последняя маска принадлежала Панталоне – зрелому купцу, такому же пронырливому и злопамятному, что и Бригелла. Давным-давно они заключили друг с другом нерушимый братский союз и с тех пор за любое дело – особенно то, что приносило прибыль – они брались вместе. Панталоне носил обыкновенный костюм купца и плотный тёмный плащ, скрывающий всё исподнее одеяние. На поясе у него красовался кошель с золотыми червонцами, звенящими при каждом его шаге и тем возвещающими о его прибытии.

Но осталась ещё одна маска – маска Арлекина лежала без дела где-то в глубине общей гримерной. Пока ещё не нашлось никого, кто мог бы её на себя примерить, и она пылилась, покоясь на старом сундуке. Никто её не замечал. Или делал вид, что не замечал. Дни сменяли друг друга, но декорации не менялись: всё ещё театр страдал от потери, и актёры, привыкшие слушать смех и звон шутовских бубенчиков, постепенно привыкали к тишине, пусть и открыто и не выказывали своей скорби. Нынешний же день, как и многие другие в последнее время, для них начался с перебранки. Случилось это в общей гримерной. Именно эта большая гримерная комната, предназначенная для плодотворной совместной работы всех «масок», была между тем поделена на две ипостаси: уголок «аристократов» и уголок «плебеев». К первым относились главные персонажи театра: Бригелла, Менегино, Панталоне, Добрая фея, Коломбина и Арлекин; последнее же место занимали актёры второго плана, к которым «аристократы» порой относились с крайней снисходительностью. Тем не менее эта гримерная служила настоящим дворцом для всех актёров, хотя и была захламлена костюмами, букетами цветов, красками и украшениями; и беспорядочно овеяна ароматами грима, ванильной помады и прорывающегося сквозь всё это дыма от зажженных на удачу благовоний. В тот вечер эта гримерная сотрясалась от словесных дуэлей «аристократов». Добрая фея стояла, потупив свой трогательно-виноватый взгляд в пол, а над нею нависал грозный, рассерженный Бригелла, исходя на обвинения:

– Прекрасно! Просто великолепно! Один-единственный ключ, одна-единственная обязанность – и даже с этим ты не смогла справиться!

– Как ты могла проворонить его? – вторил с той же досадой Панталоне. – Это ведь единственное, что на тебя возлагалось!

Добрая фея совсем поникла от обвинений. Несколько дней назад хозяин граф Корнели назначил её хранительницей Золотого ключика, открывающего дверь в комнату иллюзий – зеркальный лабиринт в крыле кукольного театра. Не прошло и недели, как Добрая фея потеряла этот ключ и, отчаявшись, пришла к своим театральным друзьям за подмогой. Коломбина под-

держала её, прижав к своей груди, но остальные не проявили никакого снисхождения и без каких-либо потворств отругали Добрую фею. Общая гримерная превратилась для неё в судебный зал. Словно повинная во всех грехах, юная актриса стояла, опустив васильковые глаза долу, и принимала нагоняй. Дослушав обвинения, она было попыталась оправдаться:

– Я растерялась... – тоненьким голоском начала она. – После *того самого дня* я сама не своя, всё валится из рук, уж смилюсьте надо мною, мне правда очень жаль...

Но жалостливые изъяснения не возымели успеха. Бригелла полыхал от раздражения, ведь неважно, кто и как потерял ключик, доверенный графом: вина ляжет на всех. Больше всех Бригелла трепетал перед хозяином театра, не столько страшаясь его наказаний, сколько желая ему во всём угодить, дабы завоевать желаемое уважение. Правду говоря, он уже обладал многими привилегиями и знал, что граф ценил Бригеллу за его бесспорный талант на сцене, однако всё равно страшился малейших неудач, которые могли бы понизить его «сан» в глазах графа Корнели. Потеря Золотого ключика была как раз той самой неудачей, той самой ложкой дёгтя в бочке мёда, которая могла бы лишить его уважения, которого он столь долго добивался кропотливым трудом, и потому Бригелла не принимал никаких оправданий.

– То же мне, нашлась мученица, – отмахнулся он. – Возьми себя в руки!

– Ох, помилуй, Бригелла! – только измученно попросила Добрая фея.

Тогда же вступил в дело Менегино, дотоле стоявший в стороне. Простодушно, но уязвленно он подал голос:

– А мне вот интересно, как теперь быть?.. – спросил он неуверенно. – Хозяину не понравится... а что, если он за это прогонит нас? Нам что, придется играть на улицах, как нищие бродяги на площади? Вот уж нет, я не хочу возвращаться на деревянные подмостки!..

– Не преувеличивай, – ввернул Панталоне. – Хозяин не дурак, чтобы из-за одного промаха нас всех согнать со сцены. Кто здесь будет, кроме нас? Нас и так стало меньше, так что полно разводить истерику! – Затем он, стараясь говорить рассудительно, обратился к Доброй фее. – А ты, девчонка, должна впредь быть более ответственной. Ты же знаешь, что граф очень дорожит этой проклятой комнатой. Если он узнает, что потеряли ключ, нас всех приговорят к плахе, ты ведь это понимаешь? Ты ведь понимаешь, что ты обязана исправить это недоразумение и избавить нас от грядущего наказания, а?

Грозный силуэт Панталоне накрыл маленькую Добрую фею, и она боязливо всхлипнула, утерев краешком рукава чистые невинные слёзы.

– Я... я не знаю, где он. Я была в гримёрке, и... он исчез. Я... я правда старалась... Я... Коломбина вдруг резко, как удар веером по щеке, вступилась:

– Довольно! – оттолкнула она нависшего над Доброй феей Панталоне. – Оставь её! Не она виновата, что всё вокруг давно валится. Потеряла и потеряла – с кем не бывает таких передрыг! Но мы всегда справлялись со всем вместе, даже когда ругались, мы всё равно стояли друг за друга горой. Отчего же теперь вы обнажили свои клинки?

Панталоне злостно ухмыльнулся:

– Конечно, ты у нас одна святая. Конечно, ты будешь заступаться за свою подружку. Кто же, как не ты? Ты и за *него* заступалась, всегда была на его стороне, даже когда он... – Панталоне запнулся. – ... даже, когда из-за него происходили всякие передрыги.

Он не смог продолжить свою обвинительную речь. В конце концов, каким бы едким ни был его язык, сердце у него было вовсе не каменное, поэтому даже у него не хватило смелости помянуть лихом недавно ушедшего. Менегино, стоя на стороне Панталоне и Бригеллы, тем не менее грустно склонил голову.

– Тогда... ключ никто не терял.

Добрая фея добавила тихонько:

– Тогда всё было иначе. Тогда и репетиции не заканчивались криками.

– Потому что раньше мы были труппой, а теперь – как стая ворон, – нахмурившись, недовольно сказала Коломбина. – Никто никому не верит. Даже взгляды стали как кинжалы. Не хватает нам его влияния всё-таки. Без него всё у нас рушится.

– Тц, опять ты за своё, – вспыхнул Бригелла. – Ты вступаешься за него только потому, что ты его любила! – резко высказался он. В отличие от Панталоне и Менегино, Бригелла создавал впечатление бессердечного человека. Он не верил в любовь сердец, особенно здесь, в театре.

– Вот и нет! – так же резко ответила ему Коломбина.

Меж их ссоры проскочил тоненький шёпот Доброй феи:

– Он бы не закричал на меня, – прошептала она, всё ещё повинно опустив глаза dolu. – Он бы утешил меня и нашёл бы ключ.

Коломбина обняла её.

– Он бы и не дал потерять, – убежденно сказала она и погладила Добрую фею по плечам. – Но ты не виновата, крошка, всякое случается. Тем более нынче, с тех пор как...

И она также не смогла продолжить. Тень от потери легла и на Коломбину, заставив и её замолкнуть при одном лишь упоминании почившего. Право, с тех пор как они его потеряли, всё в театре шло наперекосяк. Казалось, призрак его ещё бродил по мрачным коридорам, слабо освещенным свечами, и от всей его маленькой гримерки, ныне же опустошенной, веяло холодом и сумраком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.